Бегущая с волками

Женский архетип в мифах и сказаниях



Кларисса Пинкола Эстес

СОФИЯ КИЕВ

Кларисса Пинкола Эстес

Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях

1995

Эстес К.

Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. Эстес — 1995

Переведенная более чем на двадцать пять языков, книга Клариссы Эстес уже несколько лет занимает одно из первых мест в мировом книжном рейтинге.Эта книга о женском архетипе на самом деле универсальна. Замените понятие "Первозданная Женщина" на "Первозданный Мужчина" – и вы увидите, что польза, которую принесет эта книга вашей душе, не имеет половой принадлежности.Внутри каждой женщины живет первозданное, естественное существо, полное добрых инстинктов, сострадательной созидательности и извечной мудрости. Но это существо – Дикая Женщина – находится на грани вымирания. "Цивилизующее" влияние общества, к сожалению, подавляет в ребенке все "дикое", то есть естественное.Кларисса Эстес, более двадцати лет практикующая и преподающая психоанализ Юнга и исследующая мифы разных культур, показывает, как можно возродить исконный Дух женщины посредством "психоархеологических раскопок" в области женского бессознательного. Здоровая, инстинктивная, ясновидящая, исцеляющая архетипическая Дикая Женщина живет полнокровной жизнью в древних мифах и сказках. Но она может снова проявиться в душе каждой женщины в условиях современного мира.

© Эстес К., 1995

Содержание

Предисловие 5
Введение 6
Глава 1 20
Глава 2 29
Глава 3 52
Глава 4 79
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Кларисса Пинкола Эстес
БЕГУЩАЯ С ВОЛКАМИ ЖЕНСКИЙ АРХЕТИП В МИФАХ И СКАЗАНИЯХ

A kedves szuleimnek
Maria es Joszef,
Mary and Joseph,
Szeretlek benneteket
y
Para todos los que yo amo
que continuan desaparecidos. [1]

Предисловие

Все мы тоскуем по первозданному. Культура предлагает не слишком большой выбор противоядий от этой тоски. Нас научили стыдиться таких влечений. Мы отпустили длинные волосы и привыкли скрывать под ними свои чувства. Но днем и ночью за нашей спиной таится тень Первозданной Дикой Женщины. Где бы мы ни ступали, эта тень крадется следом и – определенно – опирается на четыре лапы.

Д-р философии Кларисса Пинкола Эстес,
Чейенн, Вайоминг

Введение
ПЕСНЬ НАД КОСТЯМИ

Первозданная природа и Первозданная Женщина [2] – два вида, которым угрожает полное исчезновение.

На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась гонению, грабежу и злоупотреблениям. Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения. Оглядываясь в прошлое, можно заметить, что в течение нескольких тысяч лет ей отводился самый низменный уровень души. В ходе истории духовные земли Первозданной Женщины опустошались и выжигались, ее убежища сносились бульдозерами, а естественные циклы превращались в искусственные ритмы ради ублажения других.

Потеря нами чувства собственной первозданности совсем не случайно совпадает по времени с исчезновением девственной природы на планете. Не так уж трудно понять, почему и древние леса, и дряхлые женщины считаются не самыми важными ресурсами человечества. Это вовсе не тайна. Нельзя также объяснить случайным совпадением то, что волки, койоты, медведи и диковатые женщины в чем-то схожи между собой: в человеческом представлении их связывают общие инстинктуальные архетипы, в силу которых за ними утвердилась репутация – несправедливая – безжалостных, изначально и чрезвычайно опасных и алчных существ.

Моя жизнь и деятельность в качестве психоаналитика-юнгианца, поэта и cantadora (сказительницы древних преданий) научили и убедили меня, что угасающую женскую жизненную силу можно возродить посредством активных "психоархеологических" раскопок в руинах потаенного мира женщины. Благодаря этим методам становится возможным восстановить повадки естественной, инстинктивной души, а через ее олицетворение в архетипе Первозданной Женщины мы сможем постичь разнообразные проявления глубочайшей женской природы. Сфера деятельности современной женщины огромна и расплывчата: ей приходится быть чем угодно для кого угодно. А древнее знание так и остается невостребованным.

Название этой книги: "Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях" возникло в результате изучения биологии дикой фауны и, в частности, волков. Исследования, посвященные волкам видов Canis lupus и Canis rufus, перекликаются с историей женщин, с тайнами их самоотверженности и их страданий.

Здоровые волчицы и женщины обладают определенными общими психическими особенностями – острой чувствительностью, игривостью нрава и глубокой преданностью. Женщины и волчицы родственны по своей природе: они пытливы, наделены огромной выносливостью и физической силой. Им свойственны глубокая интуиция, тщательная забота о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом. Они искусно приспосабливаются к непрерывно меняющимся обстоятельствам, бывают неистовы в своей верности и необычайно отважны.

Однако и те, и другие всегда подвергались травле, притеснениям и лживым обвинениям в ненасытности, неискренности и чрезмерной агрессивности; считалось, что они менее достойны, чем их гонители. Они превратились в объекты охоты для тех, кто мечтает очистить не только лесные чащи, но и дикие уголки души – истребить инстинктивное так, чтобы от него

---

[2] В оригинале – Wild Woman. Как следует из концепции автора, это не только и не столько Дикая, сколько Первая, Первозданная, не искалеченная цивилизацией Женщина. В дальнейшем эти термины используются как синонимы, в соответствии с нюансами контекста. – Прим. ред.

не осталось и следа. Хищническое отношение невежд к волкам и к женщинам поразительно похоже в своих проявлениях.

Именно при изучении волков у меня и возникли первые представления об архетипе Первой Женщины. Я исследовала не только этих животных, но и медведей, слонов и даже "птиц души" – бабочек. Особенности каждого вида предлагают обильные намеки на известные черты женской инстинктивной души.

Мой дух был пропитан дикостью вдвойне: от родителей я унаследовала страстную мексикано-испанскую кровь, а потом меня удочерило семейство горячих, вспыльчивых венгров. Я выросла у границ штата Мичиган, среди лесов, садов и крестьянских полей на берегах Великих Озер. Главное мое питание составляли громы и молнии. По ночам вокруг поскрипывали и переговаривались кукурузные стебли. Вдалеке, на севере, в лунные ночи собирались на полянах, танцевали и взывали к Небесам волки. И все мы без страха пили из одного ручья.

Хотя в те времена я еще не называла Ее так, моя любовь к Первозданной Женщине возникла уже в самом раннем детстве. Эстетика была мне ближе, чем атлетика, [3] она и определила единственное мое желание: оставаться восторженным странником. Стульям и столам я предпочитала землю, деревья и пещеры – я чувствовала, что именно в этих местах могу прижаться к щеке Господа. Реки всегда просили навещать их после наступления темноты, в поля обязательно нужно было приходить, чтобы им было кому шелестеть свои рассказы. Лесной костер должен был разводиться только в темноте, а сказки должны были рассказываться только вдалеке от ушей взрослых.

Мне очень повезло: я выросла среди Природы. Вспышки молний поведали мне о внезапности смерти и мимолетности жизни. Мышиные выводки подсказывали, что новая жизнь смягчает утрату. Выкапывая из глины окаменелые трилобиты, так называемые "индейские бусы", я поняла, что люди живут здесь уже очень давно. Я училась священному искусству украшения себя: на мою голову опускались бабочки-данаиды, светляки служили вечерними драгоценностями, а изумрудно-зеленых лягушек я носила вместо браслетов.

Волчица-мать убила своего смертельно раненого детеныша, и это научило меня жестокому состраданию и неизбежности прихода смерти к умирающему. Пушистые гусеницы срывались с ветвей и возвращались наверх, преподавая мне уроки целеустремленности. Их щекочущие прикосновения к руке убеждали, что кожа тоже полна жизни. Умение забираться на самые верхушки деревьев позволило получить первые представления о тех переживаниях, которые впоследствии принесет секс.

Мое поколение росло после Второй мировой войны, во времена, когда женщин задерживали на младенческой стадии развития и считали личной собственностью. К ним относились как к ухоженным огородам… К счастью, ветер неизменно заносит туда семена дикорастущих трав. Хотя то, что писали эти женщины, оставлялось без внимания, они продолжали с увлечением работать. Несмотря на отсутствие признания, написанные ими картины становились пищей для души. Женщинам приходилось вымаливать необходимые для творчества инструменты и помещения, а если надеяться было не на что, они превращали в студии деревья и пещеры, заросли и чуланы.

Танцы если и допускались, то редко, поэтому женщины танцевали в лесу, где никто не мог их видеть, а также в подвалах или по пути к мусорному баку. Украшения сразу же становились поводом для подозрений. Полное радости тело, как и веселое платье, повышало угрозу сексуального оскорбления или насилия. Даже одежду нельзя было назвать своей собственностью.

Это было время, когда измывавшихся над своими детьми родителей называли просто "строгими", когда душевные терзания женщин, переносивших смертельные оскорбления, именовались "нервными расстройствами", когда "приличными" считались женщины и девушки,

[3] [Игра слов – аллюзия на истоки «Классического образования», восходящие к Древней Греции. – Прим. ред.]

туго перетянутые корсетами, крепкой уздой и плотным намордником, а "распутницами" – те, кому удавалось хотя бы на мгновение выскользнуть из ошейника.

Подобно множеству женщин до и после меня, я тоже вела фальшивую жизнь переодетого существа. Как и все мои сестры, я чинно балансировала на каблуках, а в церковь надевала платье и шляпку. И все же мой легендарный хвост нередко высовывался из-под подола, а уши так прядали, что шляпка в лучшем случае сползала на глаза, но случалось – и отлетала в угол комнаты.

Я не забыла песню той мрачной поры, hambre del alma, песню исстрадавшегося сердца. Но не забыла я и радостную canto Hondo, тайную песнь, слова которой снова и снова приходят к нам, когда мы трудимся над возрождением души.

Как лесная тропинка внезапно становится почти незаметной и вскоре исчезает бесследно, так слишком рано исчерпывается традиционная психологическая теория для творчески одаренной и глубоко мыслящей женщины. Чаще всего эта теория либо касается слишком бегло, либо вообще обходит молчанием глубинные, важные для женщины вопросы: об архетипическом, интуитивном, сексуальном и цикличном, о возрастах женщины, о ее образе действий и принципах понимания, о ее творческом пламени. Именно эти вопросы заставляли меня в продолжение двадцати лет посвящать большую часть времени архетипу Дикой Женщины.

С возникающими у женщин проблемами души нельзя разобраться, вписав их, женщин, в некую приемлемую для бессознательной культуры форму; нельзя их втиснуть и в интеллектуальные представления тех, кто претендует на звание единственных наделенных сознанием существ. Увы, именно такие попытки превращали в изгоев тех женщин, которые начинали свою жизнь как сильные и естественные личности. Целью же, напротив, должна стать помощь в восстановлении очаровательного и естественного психического облика женщины.

Источниками понимания становятся сказки, мифы и легенды. Они обостряют наше зрение до такой степени, что мы можем увидеть путь, оставленный первозданной природой, и направиться по нему. Сохранившиеся в этих историях указания подтверждают, что путь не исчез, что он по-прежнему ведет женщину все дальше и глубже – к самопостижению. Следы, по которым все мы пойдем, оставлены архетипом Первозданной Женщины, врожденного инстинктивного Я.

Я называю этот архетип "Первозданной Женщиной", так как именно эти слова: первозданность и женщина образуют llatnar o tocar a la puerta – сказочный стук в дверь глубокой женской души. В буквальном смысле выражение "llamar o tocar a puerta" означает "играть на инструменте имени, чтобы распахнулась дверь", то есть пользоваться теми словами, которые действуют как заклинание, как открывающий ключ. К какой бы культуре ни принадлежала женщина, сочетание слов "первозданная, дикая" и "женщина" ей интуитивно понятно.

Когда женщина слышит эти слова, старинная, древняя память просыпается в ней и возвращается к жизни. Это – воспоминание о нашем полном, неоспоримом и окончательном родстве с первобытной женственностью; эта связь могла уже давно стать совершенно непонятной, призрачной от забвения, могла быть погребена под толщей домашнего быта, объявлена вне закона окружающей культурой. Мы могли позабыть Ее имена, мы можем не откликаться на Ее зов, но мы помним Ее всем телом и тоскуем по Ней, мы знаем, что Она принадлежит нам, а мы – Ей.

Именно в этой основополагающей, стихийной и важнейшей форме взаимоотношений мы родились, именно от нее произошла наша сущность. Во чреве архетипа Первозданной Женщины кроются начала определяемого по женской линии бытия. Временами мы ощущаем это, и даже мимолетное чувство заставляет нас сходить с ума от желания его возродить. У некоторых женщин этот животворный "привкус дикости" возникает во время беременности, при

кормлении младенца, при изменениях в себе самой в процессе воспитания ребенка или при возникновении таких любовных отношений, которые похожи на посещения любимого сада.

Ощутить Ее можно и в видениях, и в зрелищах невероятной красоты. Я чувствовала Ее, когда наблюдала за солнцем в те минуты, которые у нас в лесных краях называют "закатом Господа Иисуса". Я ощущала, как Она шевелится во мне, когда усталые рыбаки с фонариками в руках возвращались в сумерках с озера или когда мое новорожденное дитя поджимало пальчики на ногах, и эти пальчики похожи были на ряды зернышек сладкой кукурузы. Мы видим Ее там, где встречаем, то есть повсюду.

Она является к нам и в звуках: в музыке, от которой что-то дрожит в груди и учащается сердцебиение, в барабанном бое, свисте, звоне и крике. Она приходит в записанном или произнесенном слове – временами подобное слово, фраза, стихотворная строфа или история становятся такими звучными, такими подлинными, что заставляют нас хотя бы на мгновение вспомнить, из чего мы созданы на самом деле и где наш настоящий дом.

Такие внезапные "ощущения дикости" возникают в таинстве вдохновения: ах, вот оно! – и уже ушло… Стремление к Ней появляется, когда знакомишься с человеком, которому удалось сохранить эту связь с первозданным. Такое желание приходит, когда осознаешь, что уже слишком мало времени осталось для мистического священнодействия и для грез, слишком мало для собственной творческой жизни, для важнейших занятий или для настоящей любви.

Но именно эти мимолетные ощущения, приходящие и через красоту, и через потери, оставляют в нас такое опустошение, такую взволнованность и тоску, что рано или поздно мы пускаемся в погоню за своей первозданной природой: уходим в леса и пустыни, бросаемся в сугробы и катаемся в снегу. Мы обшариваем взглядом Землю, наш слух обостряется, и мы ищем внизу и вверху – ищем какого-нибудь намека, следа, знака того, что Она еще жива и что у нас есть надежда. Когда же женщина находит Ее следы, она чаще всего бросается в отчаянную погоню, сметает все со стола, отбрасывает любые взаимоотношения, освобождает свой разум, становится чистой страницей, настаивает на разрыве, нарушает все правила, заставляет мир остановиться – ибо без Первозданности мы уже не в состоянии двигаться дальше.

Когда женщина потеряла Ее, а затем вновь обрела, ей необходимо любой ценой сохранить эту связь. Получив свою находку, она изо всех сил будет бороться за ее сохранение, так как вместе с ней расцветает творческая жизнь, все взаимоотношения обретают и содержание, и глубину, и здравый смысл, утверждается цикличность сексуальности, творчества, работы и досуга; женщина перестает быть объектом хищнического интереса, а законы природы наделяют ее равным правом на развитие и успех. Наконец-то ее усталость в конце дня становится следствием радостных занятий и свершений, а не замкнутости в мелочных размышлениях, мелочной работе или постылых связях. Она инстинктивно понимает, когда приходит время разрушать и созидать, как нужно уходить и как оставаться.

Укрепляя свои взаимоотношения с первозданной природой, женщина получает в дар извечного внутреннего наблюдателя, мудреца, мечтателя, провидца, художника, виртуоза интуиции, созидателя, творца, изобретателя и слушателя, который направляет, дает советы и способствует кипучей жизни во внутреннем и внешнем мирах. Когда женщина соприкасается с Первозданностью, это становится видимым, словно свечение изнутри. Теперь, независимо от обстоятельств, ее внешнюю и внутреннюю жизнь поддерживает этот первозданный учитель, первозданная мать, первозданный наставник.

Таким образом, слово "дикий" используется здесь отнюдь не в современном уничижительном значении "неподконтрольный", но в исходном смысле, то есть как указание на естественный образ жизни, при котором criatura, существо, обладает врожденной целостностью и здравыми рамками. Слова "дикость" и "женщина" заставляют женщину вспомнить, кто она и чем занята. Они представляют собой метафору для описания той силы, которая переполняет всех женщин. Они олицетворяют то, без чего женщина не может жить.

Архетип Первозданной Женщины можно описать и другими, не менее подходящими словами. Эту могущественную психическую сущность называют инстинктивной природой, однако Первозданная Женщина выходит за рамки подобного определения. Ее можно назвать естественной душой, но это название тоже не вмещает в себя архетип Первозданной Женщины. Ее именуют врожденной, основополагающей природой женщины, называют подлинной, неотъемлемой ее сущностью. Поэты говорят о "Другой", о "семи океанах вселенной", о "далеких лесах" или о "Подруге" [1]. В разнообразных мировоззрениях и направлениях психологии ее называют Оно, [4] "Я", «срединной природой», а в биологии – природой типичной, или фундаментальной.

А из-за того, что она безмолвна, наделена даром предвидения и инстинктивна, cantadoras называют ее мудрой или знающей природой. Иногда говорят о "женщине, живущей на краю времени" или "на краю света". Эта criatura – и сотворившая мир ведьма, и богиня смерти, и дева, спустившаяся в преисподнюю; но она может явиться и во множестве других обликов. Она и друг, и мать для всех заблудших, нуждающихся в обучении, мучающихся загадками, уходящих в леса и пустыни ради поисков и скитаний.

В действительности Первозданная Женщина так безгранична, что в психоидном бессознательном – на том уровне, откуда она исходит, – остается безымянной. Однако порождая все важнейшие оттенки женственности, здесь, на Земле Первозданная Женщина награждается множеством имен, и это делается не только для того, чтобы охватить миллиарды аспектов ее природы, но и для того, чтобы удержать ее сущность. Ведь в самом начале наших попыток возродить связь с нею она может в один миг обернуться дымкой, и поэтому, присваивая ей имена, мы создаем внутри себя необходимое пространство мыслей и чувств. Тогда, появившись, она сможет задержаться – если мы ее оценим.

Поэтому по-испански я называю ее Rio Abajo Rio – "река под рекой", La Mujer Grande – "Великая Женщина", Luz del abismo – "свет из бездны". В Мексике она – La Loba (женщина-волчица) и La Huesera (костяная женщина). По-венгерски ее называют O Erdoben [5] («Та, что в лесах») и Roszomak (Росомаха). У индейцев навахо она носит имя Na'ashje'ii Asdzaa, Женщина-паук, сплетающая судьбы людей и животных, растений и камней. В Гватемале помимо прочих имен используются Humana del Niebla, «Существо из Тумана», Женщина, живущая вечно. Японцы называют ее Аматэрасу Омиками, «Таинственные Высшие Силы», порождающие всякий свет и всякое сознание. В Тибете говорят о Дакини, танцующей силе, ясно различимой во всех женщинах. Имена неисчислимы. Она бесконечна.

Постижение природы этой Первозданной Женщины – не религия, а практика. Это психология, изучение души в самом подлинном смысле слова: psyche – "душа"; logia, или logos, – "постижение". Без этого знания женщина лишена ушей, которые позволяют вслушиваться в шепот собственного сердца, замечать звоны своих внутренних ритмов. Без него глаза женщины словно прикрыты чьей-то призрачной рукой, и большая часть ее жизни проходит в полупарализующей скуке или прихотливых грезах. Без него женская душа утрачивает прочную опору. Без него женщина забывает, зачем она здесь, цепляется, когда лучше отпустить; берет слишком много, слишком мало или вовсе ничего. Без него она молчит, когда душа пылает. Дикая Женщина жизненно необходима женской душе, она – ее сердце, подобное настоящему сердцу, жизненно необходимому для физического тела.

Утрачивая связь с этой инстинктивной душой, мы живем только наполовину, и образы и силы, естественные для женщины, не получают полного развития. Отрезанная от своего главного источника, женщина приобретает стерильную благопристойность, но утрачивает свои

---

[4] Id (лат.) в терминологии Фрейда. – Прим. ред.

[5] По техническим причинам (компьютерный набор) диакритические знаки в данном издании отсутствуют. Приносим извинения читателю. – Прим. ред.

инстинкты и природные жизненные циклы, попадает под власть общества, интеллекта и эго – собственных или чужих.

Первозданная Женщина – здоровье всех женщин. Без нее женская психология лишается смысла. Эта дикарка – прототип женственности; она не зависит ни от культуры, ни от эпохи, ни от общественного устройства. Меняются ее циклы, ее символы и олицетворения, неизменна лишь сущность: Она. Она – то, что она есть. Она сохраняет свою целостность.

Она – энергия, которая протекает через женщин. Если их притесняют, она устремляется вверх. Если женщины свободны, она тоже свободна. К счастью, сколько бы ее ни подавляли – она снова вырывается на волю, сколько бы ни запрещали, угнетали, пресекали, ослабляли, мучили, обзывали ненадежной, опасной, безумной, каким бы еще унижениям ни подвергали, – она всегда пробивается на поверхность; даже самая кроткая, самая сдержанная женщина таит в себе сокровенный уголок для Первозданной Женщины. И у самой угнетенной женщины есть своя тайная жизнь, и ей присущи тайные мысли и тайные чувства, дикие и буйные – то есть естественные. Даже самая порабощенная и загнанная в угол женщина оберегает обитель своей дикой самости, ибо интуитивно знает, что однажды возникнет лазейка, отверстие, шанс – и она бросится наутек.

Я уверена в том, что все люди, женщины и мужчины, рождаются одаренными. Однако поистине мало было сказано о психологической жизни одаренных, талантливых, творческих женщин – и, напротив, очень много написано о слабостях и уязвимых местах человека в целом и женщин в частности. Что касается архетипа Первозданной Женщины, то для того, чтобы постичь его, оценить по достоинству и воспользоваться его дарами, нам следует внимательнее всего отнестись к тем мыслям, чувствам и свершениям, которые придают женщинам силы, а также правильно учесть ослабляющие женщину внутренние и культурные факторы.

В целом можно сказать, что когда мы постигнем первозданность как независимое бытие, как то, что одушевляет и пронизывает глубочайшую жизнь женщины, перед нами откроются пути, которые прежде невозможно было вообразить. Психология, не способная обратиться к этой врожденной духовной сущности в самой сердцевине женской души, не оправдывает надежд женщин, ни их дочерей, ни дочерей их дочерей, ни всех прочих потомков по женской линии.

Итак, чтобы найти подходящее лекарство для искалеченных участков первозданной души и установить отношения с Первозданной Женщиной, необходимо точно назвать подобные душевные расстройства. Моя клиническая профессия располагает прекрасными, опирающимися на статистику диагностическими пособиями и огромным количеством дифференцированных диагнозов; она использует также психоаналитические параметры, определяющие психопатию по организации (или ее отсутствию) объективной психики, а также по оси "Эго-Самость" [2], однако существуют и иные определяющие формы поведения и ощущений, чрезвычайно убедительно, с точки зрения женщин, описывающие сущность вопроса.

Как выглядят окрашенные ощущениями симптомы нарушенных взаимоотношений с этой первозданной силой души? Ниже описаны те признаки мышления, чувств и действий, которые указывают на серьезные нарушения или полную потерю связи с глубинной, инстинктивной душой. Если пользоваться сугубо женским языком, то это звучит так: я ощущаю себя чрезвычайно истощенной, утомленной, неустойчивой, подавленной, растерянной, заезженной, загнанной, бесчувственной. Я ощущаю себя испуганной, хрупкой, слабой; виноватой, вечно сердитой или раздраженной; бездушной, никчемной, увязшей, зажатой, помешанной; не чувствую ни вдохновения, ни воодушевления, ни смысла.

Ощущаю себя бессильной, постоянно сомневающейся, колеблющейся, зашедшей в тупик, неспособной пробиться; чувствую, что отдаю все свои творческие силы другим, выбираю таких мужчин, работу или друзей, которые высасывают из меня все соки; страдаю от разру-

шения собственных жизненных циклов. Ощущаю, что слишком закрыта, инертна, неуверенна, нерешительна, неспособна управлять собой или ставить пределы.

Не умею держать собственный темп, страдаю от застенчивости, отдаляюсь от своего Бога (или Богов), не нахожу пути к собственному возрождению, глубоко погрязла в быту, в интеллектуальных дебрях, работе или инерции, – поскольку это самые безопасные места для того, кто утратил инстинкты.

Боюсь рискнуть быть собой или раскрыть себя, боюсь искать наставника, мать, отца, боюсь обнародовать свое несовершенное произведение, пока оно не стало шедевром, боюсь отправиться в путь, боюсь любить другого или других, боюсь, что кто-то свалится мне на голову или исчезнет неизвестно куда; трепещу перед власть имущими, испытываю упадок сил перед началом творческого проекта, унижение, тоску, оцепенение, тревогу.

Боюсь дать сдачи, когда не остается другого выхода, боюсь испытать новое, боюсь встать в полный рост, боюсь высказаться, выступить против; испытываю боль в животе, тошноту, изжогу, резь под ложечкой, удушье, склонна слишком легко сдаваться или уступать, мстительна.

Боюсь остановки, боюсь действия, привыкла неоднократно считать до трех и так и не начинать; страдаю самомнением, раздвоением чувств – и в то же время имею все способности и возможности для того, чтобы действовать.

Все эти недостатки не являются болезнью какой-то одной эпохи или столетия – они превратились в эпидемию, которая поражает женщин в любое время и в любом месте, где их притесняют, где их дикая природа оказалась в западне.

Здоровая женщина во многом похожа на волчицу: она крепка, бодра, полна жизни и энергии, знает свою территорию, изобретательна, верна, подвижна. А разобщение со своей дикой природой ведет к тому, что личность женщины обедняется, становится слабой, вялой, призрачной. Мы не для того приходим в этот мир, чтобы прожить свой век тщедушными созданиями с жалкой прической, неспособными к прыжку и погоне, к деторождению, к сотворению жизни. Если жизнь женщины пришла в упадок или прокисла от скуки, значит, Дикой Женщине настала пора появиться, творческой силе души – переполнить русло.

Какое влияние оказывает на нас Первозданная Женщина? Когда она становится союзницей, лидером, образцом, учителем, мы начинаем видеть не парой глаз, а многоокой интуицией. Усиливая интуицию, мы становимся похожи на звездную ночь и взираем на мир тысячью глаз.

Первозданная Женщина приносит нам целый мешок с лекарствами, Она держит при себе все, что может понадобиться женщине, все, что женщина должна знать. У Нее есть снадобья от любых болезней. Она наполнена историями и сновидениями, словами и песнями, знаками и символами. Она – одновременно и средство передвижения, и место назначения.

Воссоединиться с инстинктивной природой не означает полностью переделать себя, заменить левое на правое, черное на белое, переместить запад на восток, сделаться безумной или необузданной. Это не означает, что женщина полностью отбрасывает свою принадлежность социуму или становится менее человечной. Нет, совсем наоборот: первозданная природа вносит в жизнь женщины подлинную целостность.

Что это такое? Это умение определить свою территорию, найти свою стаю, пребывать в своем теле с полным пониманием его и с гордостью, независимо от его совершенств и ограничений; это способность действовать и высказываться от своего имени, сохранять бдительность и внимательность, прибегать к врожденным женским силам интуиции и чуткости, достичь гармонии своих циклов, найти то, что принадлежит женщине по праву, развиваться с достоинством и добиться максимальной осознанности.

Архетип Первозданной Женщины – и все, что с ним связано, – всегда был покровителем художников, писателей, скульпторов, танцоров, мыслителей, духовных деятелей, тех, кто ищет и находит, ибо все они посвящают себя творчеству, то есть главному занятию инстинктивных

натур. В любых искусствах Она занимает место в сердце, а не в голове. Она умеет выслеживать и преследовать, призывать и отталкивать. Она способна чувствовать, маскироваться и глубоко любить. Она интуитивна, символична и нормативна. Она необычайно важна для умственного и душевного здоровья женщины.

Кто же Она, Первозданная Женщина? С позиции архетипической психологии, [6] а также с точки зрения традиционных сказителей, она представляет собой женскую душу. И все же она – нечто большее: это источник женственности. Она – все то, что относится к инстинктам в видимом и невидимом мирах, она есть основа. Каждая из нас получает от нее некую сияющую клеточку, где содержатся все необходимые для существования инстинкты и знания.

"…Первозданная Женщина – сила Жизни – Смерти – Жизни. Это интуиция, ясновидящий, внимательный слушатель и преданный друг. Она способствует тому, чтобы человечество продолжало говорить на множестве языков и свободно владело языками сновидений, страсти и поэзии. Она перешептывается с нами в ночных снах, оставляет на грунте женской души грубую шерсть и путаные следы; это наполняет женщин страстным желанием найти ее, освободить ее, полюбить ее.

Она – это мысли, чувства, побуждения и воспоминания. Очень долгое время она оставалась утерянной, забытой. Она – источник, свет, ночь, тьма и рассвет. Она – запах ила и задних лап лисицы. Ей принадлежат птицы, рассказывающие нам разнообразные тайны. Она – тот голос, который произносит: "Сюда, иди сюда".

Именно она разражается громом от содеянной несправедливости. Она – та, кто вращается, словно огромное колесо. Она определяет цикличность. Она – та, ради поисков которой мы покидаем родной дом. Она там, где мы находим новую родину. Она – погруженный в глубину земли корень всех женщин. Она – то, что подталкивает нас вперед, когда мы считаем, что все уже сделано. Она – источник свежих мыслей и поступков. Она – тот разум, который мыслит внутри нас, тогда как мы – всего лишь мысли, возникающие в этом разуме.

Где ее искать? Где ощутить ее, где ее найти? Она скитается по пустыням, океанам, городам, пригородам и жилищам. Она живет среди цариц и среди нищенок, она прячется в роскошных кабинетах и заводских цехах, в тюрьмах и на уединенных горных вершинах. Она живет и в гетто, и в университетах, и на улицах. Она оставляет нам отпечатки своих следов, чтобы мы смогли примерить к ним наши ступни. И она оставляет такие следы повсюду, где есть хотя бы одна женщина, способная стать плодородной почвой.

Где живет Первозданная Женщина? На дне колодца, у истоков рек, в том эфире, который существовал прежде времени. Она живет в слезинке и в океане. Она обитает в звонком камбии растущих деревьев. Она относится и к будущему, и к началу времен. Она живет в прошлом и приходит оттуда на наш зов. Она живет в настоящем, сидит на одном из стульев за нашим столом, стоит за нами в очереди, едет впереди нас по дороге. Она в будущем, и потому движется во времени вспять, чтобы найти нас в нашем "сейчас".

Она живет в зеленом побеге, пробивающемся сквозь снег, в шелесте стеблей умирающей осенью кукурузы; она там, куда за поцелуем являются умершие и куда направляют свои молитвы живые. Она живет в стихах, барабанных ритмах и пении. Она – ив четвертной ноте, и в мелизме, и в кантате, и в сестине [7], и в блюзах. Она – миг перед тем, когда на нас нисходит вдохновение. Она живет в далеком краю, врывающемся в наш мир.

Кто-то может потребовать подтверждений, доказательств ее существования. В сущности, вы требуете доказательств существования души. Поскольку мы сами – душа, то мы и есть подтверждение. Любой и каждый из нас – подтверждение не только существования Дикой Жен-

---

[6] Впервые этот термин был употреблен Дж. Хиллманом.

[7] Итальянская литературная форма – стихотворение из шести строф, каждая из которых состоит из шести строк.

щины, но и ее состояния в коллективном бытии. Мы – доказательство этого непостижимого женского божества. Наше и ее существование – параллельны.

Доказательство и в том, что мы ощущаем ее, внутри и снаружи. Подтверждение – тысячи и миллионы встреч, когда мы видим ее в глубинах души: в ночных снах и дневных раздумьях, в мечтах и проблесках вдохновения. Свидетельство того, что она бывает здесь, – то, что в ее отсутствие мы ощущаем себя покинутыми, скучаем и тоскуем, когда ее нет с нами" [3].

Моя докторская диссертация была посвящена этно-клинической психологии, то есть исследованию и клинической психологии, и этнологии причем в последнем делается упор на изучении психологии групп, в частности, племен. После защиты докторской я написала работу по аналитической психологии и стала, таким образом, дипломированным специалистом в области юнгианского психоанализа. Мой жизненный опыт cantadora-mesemondo, поэтессы и художницы, также дает богатую пищу для аналитической работы.

Иногда меня просят рассказать, что я делаю в своем кабинете и как я оттуда могу помочь женщинам вернуться к их дикой природе. Основной упор я делаю на клиническую и возрастную психологию, а для лечения использую самые простые и доступные средства – сказки. Мы исследуем материал, содержащийся в сновидениях пациента, и в этом материале находим множество сюжетов и сказочных историй. Физические ощущения и телесная память пациента – это тоже сказки, которые можно читать и переводить на язык сознания.

Кроме того, я обучаю пациентов некоей разновидности мощной интерактивной практики, близкой юнгианскому методу активного воображения; она тоже порождает сказки, которые в дальнейшем помогают прояснить душевные странствия моих клиенток. Мы вызываем дикую Самость, используя специальные вопросы, исследуя сказки, легенды и мифы. В большинстве случаев нам удается со временем отыскать направляющий миф или сказку, где содержатся все наставления, необходимые женщине в настоящее время для развития ее психики. Такие мифы и сказки включают в себя драму женской души. Это похоже на пьесу со сценическими ремарками, описаниями характеров и театральным реквизитом.

Важная часть моей работы – "рукоделие". Я стараюсь передать своим пациенткам знание, обучая их старинным ручным ремеслам, в том числе и символическому искусству изготовления талисманов, las ofrendas и retablos. Это может быть все что угодно, от простых палочек, оплетенных тесьмой, до сложной скульптуры. Искусство – важная вещь: оно знаменует времена года души либо какое-то памятное или трагическое событие в ее странствии. Искусство предназначено не только для себя, оно не только знак, отмечающий собственное понимание. Это еще и карта для тех, кто идет за нами.

Наверное, вы представляете, насколько индивидуальна работа с каждым человеком – ведь недаром говорят, что все люди разные. Но в моей работе с людьми есть постоянные факторы, которые составляют основу любой работы – и моей, и вашей. Это искусство задавать вопросы, искусство сказок, искусство рукоделия – в процессе всего этого что-то создается, и это что-то – душа. И всякий раз, когда мы питаем душу, она обязательно подрастает.

Надеюсь, вы убедитесь, что это вполне доступные способы размягчить давние шрамы, исцелить старые язвы, обрести новое видение и тем самым восстановить прежние навыки, позволяющие видеть душу без специальных ухищрений.

Сказки, которые я привожу здесь, чтобы проиллюстрировать инстинктивную природу женщины, – это иногда подлинные истории, а иногда явные литературные переложения, которые я сделала сама, используя те странные рассказы, которые поверили мне мои tias y ties, abuelitas y abuelos, [8] otnahs y opahs – старейшие члены моих семей, носители устных преданий, непрерывная нить которых уходит в глубины прошлого, едва доступные нашей памяти. Есть

[8] Тетушки и дядюшки, бабушки и дедушки (исп.).

здесь и несколько документов, которые я сама записала, встречаясь с людьми, – некоторые из них очень давние; и все они несут в себе голос сердца. Они приведены здесь во всех бесхитростных подробностях и первозданной целостности. Я выношу их на ваш суд с разрешения и благословения трех поныне здравствующих поколений наследственных шаманов-сказочников, которые знают искусство использования всех тонкостей для того, чтобы сказка стала средством исцеления [4].

Кроме того, я привожу здесь некоторые вопросы, которые задаю своим пациенткам и другим людям, помогая им вспомнить себя. А еще я немного объясняю вам секреты ремесла – изысканной и прихотливой игры, позволяющей женщинам сохранять в сознательной памяти божественную сущность своего творчества. Все это помогает восстановить единство с драгоценной дикой Самостью.

Сказки – это лекарство. Они владеют мною с тех пор, как я услышала свою первую сказку. Они обладают целительной силой, не заставляя нас делать, быть, действовать – достаточно просто слушать их. В сказках содержатся средства, позволяющие исправить или возродить любую утраченную душевную пружину. Сказки рождают волнение, печаль, вопросы, стремления и понимание, которые спонтанно поднимают на поверхность нужный архетип, в нашем случае – архетип Дикой Женщины.

В сказках есть наставления, помогающие нам пробиваться через жизненные тернии. Сказки убеждают нас в том, что таящийся в глубине архетип необходимо вытащить на свет, и дают способ, как это сделать. Приведенные на последующих страницах сказки – это лишь единицы из сотен тех, с которыми я десятилетиями работала и над которыми десятилетиями размышляла, – я убеждена, что они яснее других выражают все богатство архетипа Дикой Женщины.

Иногда разные культурные наслоения изменяют костяк сказки. Например, относительно братьев Гримм (типичный пример собирателей сказок, работавших в последние столетия) возникает сильное подозрение, что источники (сказители) того времени порой "подчищали" свои сказки в угоду набожным собратьям. С течением времени на старые языческие символы наложились христианские, так что древняя сказочная ведунья превратилась в злую ведьму, дух – в ангела, использовавшийся при посвящении покров или сорочка – в носовой платок, а дитя по имени Красавица (обычное имя для девочки, родившейся в праздник солнцестояния) оказалось переименованным в Schmerzenreich – Печальница. Детали сексуального характера опускались. Приходившие на помощь существа и животные обычно превращались в демонов и страшилищ.

Именно так были утрачены многие назидательные сказки, призванные рассказывать женщинам о половой жизни, о любви, деньгах, замужестве, деторождении, смерти и преображении. Именно так ушли в тень волшебные истории и мифы, в которых объяснялись древние женские таинства. Из большинства издаваемых ныне старых собраний волшебных сказок и мифов полностью выкорчеваны всякая скатология, [9] все сексуальное, порочное (даже там, где сказка учит избегать этого), все дохристианское, женское, женские Божества, инициации, лекарства от различных душевных недугов и наставления по экстатическим духовным практикам.

Но они не утрачены навсегда. В детстве мне было поведано множество неприукрашенных и неиспорченных старых сказок; не одну из них я перенесла в эту книгу. Но даже обрывки сказок в том виде, в каком они существуют сегодня, могут дать представление о подлинном сюжете. Я размышляю об этом, занимаясь работой, которую в шутку называю патологоанатомией и палеомифологией сказки, хотя на самом деле реконструкция – это процесс долгий, сложный и требующий терпеливого созерцания. По необходимости я использую различные

[9] Все, что имеет отношение к экскрементам, грязное.

приемы интерпретации текста, сравнение лейтмотивов, учитываю исторические и антропологические данные, новые и старые образы. Этот метод – в частности, реконструкция на основе исконных древних приемов композиции, которую я освоила за годы изучения аналитической и архетипической психологии, – позволяет сохранять и изучать все мотивы и сюжеты сказок, легенд и мифов, чтобы постичь инстинктивную жизнь людей. Я черпаю сведения в картинах, которые таятся в мирах воображения, в коллективных образах бессознательного и в тех, которые удается обнаружить благодаря сновидениям и необычным состояниям сознания. Последние штрихи можно нанести, сравнивая матрицы сказок с археологическими находками в местах древних культур, например с глиняными ритуальными масками и фигурками. Одним словом, как говорится в сказках, я провожу много времени, разгребая носом золу.

Модели архетипа я изучаю лет двадцать пять, а мифы, сказки и фольклор национальных культур – вдвое дольше. Я очень многое узнала о структуре сказок и понимаю, где и когда в сказке недостает тех или иных "костей" этой структуры. Шли века, один народ побеждал другой, религии сменяли друг друга – иногда мирно, а иногда насильственно – и все это наслаивалось на первоначальное ядро старых сказок или изменяло его.

Но есть и добрые вести. Несмотря на всю структурную неразбериху в версиях сказок, существует прочная основа, которая ярко просвечивает и поныне. По форме и очертаниям фрагментов и обрывков можно довольно точно определить, что в сказке оказалось утраченным, и эти недостающие части можно точно восстановить – иногда попутно обнаруживаются поразительные глубинные структуры, обладающие свойством исцелять женскую печаль – следствие того, что так много женских таинств было уничтожено. Впрочем, это не совсем так. Они не уничтожены. Все, что нужно, и нужно нам всем, по-прежнему подает нам тихий голос из сюжетной структуры сказки – из ее "костяка".

Собирание сказок – это постоянные палеонтологические изыскания. Чем больше костей, тем больше вероятность, что удастся восстановить всю структуру. Чем полнее сказка, тем более тонкие изгибы и повороты души предстают перед нами, тем богаче становится возможность постичь и пробудить плоды труда своей души. Когда душа трудится, то Она, Дикая Женщина, творит и умножает себя.

Мне посчастливилось провести детство в окружении выходцев из различных старых европейских культур и Мексики. Многие члены моей семьи, мои соседи и друзья переселились из Венгрии, Германии, Румынии, Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии, Сербии, Хорватии, России, Литвы, а также из Халиско и Мичоакана, из Хуареса и других старых поселений, расположенных у границы Мексики со штатами Техас и Аризона. Эти люди и многие другие – американские индейцы, жители Аппалачских гор, иммигранты из Азии и американские семьи африканского происхождения, приехавшие с юга, – приходили собирать урожай, работать на фермах, в кочегарках, на сталелитейных заводах, в пивоварнях, помогать по дому. У большинства из них не было традиционного образования, однако они отличались удивительной мудростью. Они были носителями драгоценной и почти чистой устной традиции.

Многие родственники и окружавшие меня соседи прошли трудовые лагеря, лагеря для перемещенных лиц, лагеря для депортированных, концентрационные лагеря, где встречавшиеся среди них сказители пережили кошмарные варианты сказок Шехерезады. Многие потеряли родовые земли, жили в тюрьмах для иммигрантов, были принудительно репатриированы. От этих простых людей я впервые услышала сказки, которые рассказывают в ситуациях, когда жизнь в любой миг может смениться смертью, а смерть – жизнью. Послание, которое я от них получила, было настолько полно страданий и надежд, что, когда я стала достаточно взрослой и научилась читать книги, то по сравнению с услышанными напечатанные в них сказки показались мне плоскими, словно кто-то их накрахмалил и выгладил.

В молодости я перебралась на запад, к Континентальному разделу. Я жила в атмосфере взаимной любви среди евреев, ирландцев, греков, итальянцев, выходцев из Африки и Азии;

все они стали для меня добрыми духами и друзьями. Мне посчастливилось узнать людей из некоторых редких и старых латиноамериканских поселений, расположенных на Юго-Западе США, таких, как Трампас, Тручас, Нью-Мехико. Мне выпала удача общаться с друзьями и родственниками из числа американских индейцев, от инуитов [10] на севере, через народности равнин и пуэбло [11] на западе, до науа, лакандонов, техуэльче, уичолей, сери, майя-киче, майя-какчикелей, мискито, кунов, наска-кечуа и хиваро в Центральной и Южной Америке.

Я обменивалась сказками с братьями и сестрами-целительницами за кухонным столом и под виноградными лозами, в курятниках и коровниках, когда лепила тортильи, [12] выслеживала лесную живность и вышивала миллионный по счету крестик. Мне выпала удача делиться последней миской чили, [13] петь вместе с негритянками такие духовные песнопения, которыми, казалось, можно мертвых воскресить, спать под звездами в домах без крыш. Я присаживалась к огню или к столу или к тому и другому в итальянских и польских кварталах, в горных деревушках, в Лос-Барриос и в других этнических поселениях Среднего и Дальнего Запада, а не так давно обменивалась сказками про спаратову злых духов, с друзьями-гриотами [14] на Багамах.

Мне вдвойне везло: куда бы я ни пришла, дети, матери семейств, мужчины в расцвете лет, старики и старухи – все художники души – появлялись из лесов, джунглей, лугов, песчаных холмов, чтобы попотчевать меня баснями и выдумками. И я тоже в долгу не оставалась.

К сказкам можно подходить очень по-разному. Профессиональный фольклорист, специалист в области юнгианского, фрейдовского или другого психоанализа, этнолог, антрополог, теолог, археолог – каждый из них имеет свой особый метод как сбора сказок, так и их использования. С интеллектуальной точки зрения, моя работа со сказками развивалась через изучение аналитической и архетипической психологии. Обучаясь на психоаналитика, я более пяти лет изучала развитие лейтмотивов, символику и мифологию народов мира, древнюю и популярную иконологию, [15] этнологию, религии народов мира и искусство истолкования.

Но интуитивно я подходила к сказкам как cantadora, хранительница старых историй. Я происхожу из двух древних родов сказительниц: с одной стороны – mesemondok, венгерские старухи, которые с одинаковой легкостью могут вести повествование хоть сидя на деревянном стуле, положив на колени пластиковую сумочку, расставив ноги и свесив юбку до земли, хоть сворачивая шею курице; с другой стороны – cuentistas, латиноамериканские широкобедрые старухи с тяжелой грудью, стоя рассказывающие свои сказки навзрыд в стиле ranchera. Оба рода рассказывают сказки просто, голосами женщин, в жизни которых были кровь и дети, хлеб и кости. Для нас сказка – лекарство, укрепляющее и исправляющее человека и общину.

Те, кто взяли на себя ответственность за это ремесло и преданы стоящим за ним божествам, являются прямыми потомками обширного и древнего сообщества святых, трубадуров, бардов, гриотов, кантадор, канторов, странствующих поэтов, бродяг, ведьм и безумцев.

Однажды мне приснилось, что я рассказываю сказки и чувствую: кто-то ободряюще похлопывает меня по ступне. Я смотрю вниз и вижу, что стою на плечах старой женщины, а она придерживает меня за лодыжки и улыбается, глядя на меня снизу.

Я говорю ей:

– Нет-нет, это вы должны стоять у меня на плечах: ведь вы старая, а я молодая.

– Нет-нет, – возражает она, – все как раз так, как положено.

---

[10] Самоназвание эскимосов.

[11] Индейские поселения, многокомнатные дома-крепости.

[12] Мексиканские кукурузные лепешки.

[13] Мексиканское блюдо из мяса, тушенного с фасолью и красным перцем чили.

[14] Профессиональные сказители, музыканты-певцы Западной Африки.

[15] Направление в искусствознании XX века, исследующее сюжеты и изобразительные мотивы в художественном произведении для определения его историко-культурного смысла и выраженного в нем мировоззрения.

И тут я вижу, что она стоит на плечах женщины, которая гораздо старше ее, а та – на плечах еще более старой женщины, а та – на плечах женщины в пышном одеянии, а та – на плечах еще одной души, а та – на плечах…

И я поверила той старой женщине: так положено. Моя способность рассказывать сказки питается мощью и талантом моих предшественниц. По моему опыту, самый яркий момент рассказа берет свою силу именно в этой уходящей в бесконечность колонне людей, чья связь перекрывает пространство и время, людей, которые, сообразно своему времени, живописно одеты в лохмотья, в пышные одеяния или наготу и до краев наполнены жизнью, и эта жизнь все продолжается! Если и существует единый источник сказки, Божество сказки, то им является эта длинная череда людей.

Сказка гораздо старше, чем искусство и наука психологии, и всегда будет оставаться старшим членом уравнения, сколько бы времени ни прошло. Один из древнейших способов рассказывать сказки, который меня чрезвычайно занимает, – пламенное состояние транса, когда рассказчица, "почувствовав" публику, будь это один человек или целая толпа, входит в состояние "мира между мирами", и тогда сказка "притягивается" к сказительнице и рассказывается через нее.

Сказительница в таком состоянии призывает El duende [5], ветер, который швыряет душу в лица слушателей. Используя медитативную практику сказки, она учится поддерживать двойную психологическую связь, то есть овладевает навыком закрывать некоторые психические врата и выходы эго, чтобы дать слово голосу – тому голосу, который старше, чем камни. И тогда сказка может сделать любой поворот, может встать с ног на голову, может наполниться кашей и стать обедом для бедняка, зазвенеть золотом для любителей наживы, перенести слушателей в другой мир. Сказительница никогда не знает, чем все закончится; и это лишь половина целебной магии сказки.

Эта книга повествует о повадках архетипа Дикой Женщины. Попытаться свести ее к схеме, заключить ее душевную жизнь в таблицы – значило бы войти в противоречие с ее духом. Познавать ее – процесс; этот процесс развивается, длится всю жизнь, вот почему эта книга также развивается и длится всю мою жизнь.

В ней собраны сказки, которые можно принимать как витамины для души; здесь есть наблюдения, обрывки карты, комочки сосновой смолы – нам необходимо прикреплять к деревьям перья, которые укажут путь; есть и примятый кустарник, который приведет нас обратно в el mundo subterraneo – в подземный мир, дом нашей души.

Сказки приводят в движение внутреннюю жизнь, и это особенно важно, когда внутренняя жизнь запугана, стеснена или загнана в угол. Сказка смазывает петли и засовы, вызывает прилив адреналина, указывает выход – наружу, вверх, вниз или к нашей беде, прорезает прекрасные широкие двери в казалось бы ранее глухой стене, открывает пути в царство грез, к любви и знанию, назад к нашей подлинной жизни – жизни мудрой дикарки.

Сказки вроде "Синей Бороды" помогают нам догадаться, что делать с женскими ранами, которые не перестают кровоточить. Сказки вроде "Костяной женщины" раскрывают мистическую власть любовного союза, показывают, как омертвевшее чувство может снова возродиться к жизни и глубокой любви. В образе Бабы Яги, дряхлой дикой ведьмы, можно обнаружить дары Старой Матушки Смерти. В сказке "Василиса Премудрая" [6] куколка, указывающая путь, когда кажется, что уже все потеряно, извлекает на поверхность одно из утраченных женских инстинктивных умений. Такие сказки, как "La Loba", костяная женщина в пустыне, учат преображающей работе души. Сказка "Безрукая девица" восстанавливает утраченные стадии старых ритуалов посвящения, пришедших из древних времен, а значит, дает вневременное, постоянное руководство на весь срок жизни женщины.

Именно соседство с дикой природой заставляет нас не ограничивать свое общение людьми, не ограничивать свои самые прекрасные движения танцевальной площадкой, уши –

только музыкой, издаваемой рукотворными инструментами, глаза – только "выученной" красотой, тело – привычными ощущениями, а ум – тем, с чем все мы заведомо согласны. Все эти сказки несут в себе острие интуиции, пламя страстной жизни, стремление говорить то, что знаешь, смелость не отводя взгляда выносить то, что видишь, аромат дикой души.

Это книга женских сказок, образующих вехи на пути. Они для вас – читайте их, размышляйте над ними, и они помогут вам найти дорогу к естественно добытой свободе, любви к себе, к животным, к земле, к детям, к сестрам, к возлюбленным и мужчинам. Скажу вам сразу: двери в мир Дикой Самости немногочисленны, но драгоценны. Если у вас есть глубокий шрам – это дверь, если есть старая-престарая сказка – это дверь. Если вы любите небо и воду очень сильно, почти нестерпимо – это дверь. Если вы тоскуете по лучшей жизни, полной жизни, здоровой жизни – это дверь.

Собранные в этой книге материалы призваны вселить в вас отвагу. Эта работа должна стать крепостью для тех, кто на пути, в том числе для тех, кто возделывает трудную ниву души, и для тех, кто работает в миру и для мира. Мы должны стараться дать душе возможность расти в естественном направлении, достигать своих естественных глубин. Дикая натура не требует, чтобы у женщины был какой-то определенный цвет кожи, определенное образование, определенный образ жизни или материальный уровень, но она не может цвести в атмосфере вынужденной политической благопристойности или когда ее втискивают в старые, утратившие силу парадигмы. Она расцветает в условиях свежего видения и душевной чистоты. Она расцветает в своей собственной природе.

Поэтому, кем бы вы ни были: интровертом или экстравертом, женщиной, любящей женщин, мужчин, Бога или всех сразу, обладательницей безыскусной души или амбиций амазонки, женщиной, которая старается достичь высот или просто дожить до завтра, женщиной, искрящейся весельем, или угрюмой, царственной или забитой, – Первозданная Женщина принадлежит вам. Она принадлежит всем женщинам.

Чтобы ее найти, необходимо вернуться к инстинктивной жизни, к глубочайшему женскому знанию [7]. Поэтому давайте приложим все усилия и припомним свое прошлое, вплоть до дикой души. Давайте песней вернем на свои кости ее плоть. Сбросим все чужие одежды, которые на нас напялили. Облачимся в свой истинный наряд – мощный инстинкт и знание. Заселим края души, давно принадлежавшие нам. Снимем повязки, приготовим лекарство. Дикие женщины, давайте вернемся прямо сейчас – крича, смеясь, воспевая Ту, Которая так нас любит.

Для нас проблема очень проста. Без нас умрет Дикая Женщина. Без Дикой Женщины умрем мы. Para Vida, ради Истинной Жизни должны жить и мы, и Она.

Глава 1
ВОЙ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ДИКОЙ ЖЕНЩИНЫ

La Loba, женщина-волчица

Должна вам признаться, что я не принадлежу к тем святым, которые удаляются в пустыню и возвращаются исполненные мудрости. Я бывала у многих очагов и разбрасывала приманку для ангелов вокруг каждой постели. Но чаще всего вместо мудрости я обнаруживала неприятные симптомы лямблиоза, E.coli [1], и амебной дизентерии. Увы! Такова судьба мистиков средней руки со слабой пищеварительной системой.

Я научилась скрывать любую мудрость, любой принцип, добытые в путешествиях, ибо и теперь порой старый папаша Академ, [16] подобно Кроносу, не прочь сожрать детей, прежде чем они смогут начать исцелять или удивлять. Чрезмерное умствование может заслонить образы инстинктивной женской природы.

Чтобы углубить родственные отношения с этой инстинктивной природой, очень полезно понимать сказки так, будто это мы внутри них, а не они вне нас. Мы входим в сказку через дверь внутреннего слуха. Когда рассказывают сказку, звучание ее слов затрагивает слуховой нерв, который пересекает основание черепа и входит в ствол головного мозга пониже варолиева моста. Оттуда слуховые импульсы передаются наверх, в сознание, или, как утверждают некоторые, в душу – в зависимости от отношения, с которым вы слушаете.

Древние анатомы говорили, что глубоко в мозгу слуховой нерв разделяется на три или большее количество ветвей. Поэтому они предполагали, что ухо предназначено, чтобы слушать на трех разных уровнях. Одна ветвь существует, чтобы слышать заурядные мирские разговоры. Вторая ветвь воспринимает науку и искусство. А третья создана для того, чтобы сама душа, пребывая здесь, на Земле, могла слышать наставления и приобретать знание.

Так внимайте же слухом души, ибо для этого и предназначена сказка.

Первозданная Женщина возвращается – по косточке, по волоску. Она возвращается в снах, в наполовину понятых и полузабытых событиях. Она возвращается в сказках.

Я начала свои скитания по Соединенным Штатам в шестидесятых, стремясь обосноваться там, где растут густые деревья, где разлит аромат воды и обитают любимые мною существа: медведи, лисы, змеи, орлы, волки. В районе Великих озер волков систематически уничтожали. Куда бы я ни пришла, повсюду так или иначе шло истребление волков. Хотя многие говорили, что волки опасны, я всегда чувствовала себя спокойно, если в лесу водились волки. В те времена на Западе и на Севере можно было, заночевав под открытым небом, слушать, как горы и леса поют, поют, поют всю ночь.

Но даже там век винтовок с оптическим прицелом, джипов с прожекторами и сдобренных мышьяком угощений привел к тому, что над землей воцарился век безмолвия. Вскоре и в Скалистых горах почти не осталось волков. Вот почему я оказалась в большой пустыне, которая лежит наполовину в Мексике, наполовину в Соединенных Штатах. И чем дальше на юг я забиралась, тем чаще слышала сказки о волках.

Говорят, что есть место в пустыне, где дух женщин и дух волков встречаются по ту сторону времени. Я почувствовала, что напала на след, когда в приграничной части Техаса услышала сказку "Девушка-Loba" – про женщину, которая была волчицей, которая была женщи-

[16] В греческой мифологии афинский герой, указавший Диоскурам, где была укрыта их похищенная Тезеем сестра.

ной. Дальше мне встретилась древняя ацтекская сказка об осиротевших близнецах, которых волчица кормила, пока они не выросли и не стали питаться самостоятельно [2].

И наконец, от старых испанских фермеров и обитателей пуэбло юго-западной части страны я услышала скупые сведения о костяных людях – стариках, которые оживляют мертвецов. Говорили, что они могут возвращать к жизни и людей, и животных. Затем в одной из моих собственных этнографических экспедиций я встретила костяную женщину и с той поры уже никогда не была такой, как прежде. Позвольте мне представить вам подлинный рассказ и вступление к нему.

LA LOBA

Есть старая женщина, обитающая в тайном месте, которое каждая из нас знает в своей душе, но мало кто видел воочию. Как и старухи из сказок Восточной Европы, она дожидается, когда к ней придет сбившийся с пути скиталец или искатель.

Она осторожна, часто волосата, всегда толста и, как правило, старается уклониться от общения. Она каркает и кудахчет – обычно издает звуки, больше похожие на звериные, чем на человеческие.

Я могла бы сказать, что она живет среди выветренных гранитных склонов индейской территории Тараумара. Или что она похоронена у колодца на окраине Феникса. Возможно, вы увидите, как она направляется в дряхлом драндулете с простреленным задним стеклом на юг, по направлению к Монте-Альбан [3]. А может, кто-то заметит, как она стоит у шоссе близ Эль-Пасо или едет в кабине грузовика в Морелию, что в Мексике, или в Оахаке идет на рынок, таща на спине странную на вид вязанку хвороста. Она называет себя многими именами: La Huesera, Костяная Женщина; La Trapera, Собирательница; La Loba, Волчица.

Единственная работа La Loba – собирать кости. Она собирает и хранит главным образом то, чему угрожает опасность стать потерянным для мира. Ее пещера набита костями всевозможных пустынных тварей: оленей, гремучих змей, ворон. Но специализируется она на волках.

Она лазает, ползает, шныряет по montagnas, горам, и arroyos, сухим руслам рек, в поисках волчьих костей, а когда соберет весь скелет, когда последняя косточка встанет на место и перед ней ляжет прекрасная белая скульптура зверя, она садится у огня и думает о том, какую песню спеть.

А когда решит, встает над зверем, вздымает над ним руки и заводит песню. И тогда волчьи ребра и кости лап начинают обрастать плотью, и зверь покрывается шерстью. La Loba продолжает песню, и зверь все больше походит на живого; его хвост загибается вверх, сильный и мохнатый.

La Loba поет дальше, и волк начинает дышать.

А La Loba все поет, так, что гладь пустыни сотрясается, она поет – и волк открывает глаза, вскакивает и убегает вниз по каньону.

Он бежит себе где-то, и вот то ли стремительный бег, то ли плеск реки, которую он пересекает, то ли луч солнца или луны, упавший прямо на него, внезапно превращает волка в смеющуюся женщину, которая свободно бежит к горизонту.

Так что помните: если вы оказались в пустыне, когда солнце клонится к закату, сбились с пути и, конечно, устали, то вам повезло, потому что вы можете понравиться La Loba, и тогда она покажет вам кое-что, имеющее отношение к душе.

Все мы начинаемся с кучки костей, затерянных где-то в пустыне, с занесенного песком, развалившегося на части скелета. И наша задача – собрать эти части. Это кропотливый труд, которым лучше заниматься при хорошем освещении, поскольку он требует большого внимания. La Loba показывает, что именно нам нужно искать – неразрушимую жизненную силу, кости.

Можно считать работу La Loba демонстрацией uncuento milagro, волшебной сказки: она показывает, что будет благом для души. Это сказка о воскресении, о потусторонней связи с

Дикой Женщиной. Она обещает: если мы споем песню, то сможем вызвать то, что осталось в психике от первозданной души и помочь ей снова обрести живой облик.

La Loba поет над костями, которые сама же собрала. Петь – значит использовать голос души. Это значит на одном дыхании высказать истину собственной силы и собственной нужды, вдохнуть душу в то, что болит или требует возрождения. Для этого необходимо углубляться в потаенный дух великой любви и чувства, пока вас не переполнит желание соединиться со своей дикой Самостью, а потом, укрепившись в этом состоянии, излить свою душу. Это и есть пение над костями. Мы не можем допустить ошибку, пытаясь получить это великое чувство любви от возлюбленного, ибо этот женский труд – найти, а потом спеть гимн творения – есть работа отшельницы, работа, выполняемая в пустыне души.

Поговорим теперь о самой La Loba. В символическом языке души символ Старухи – один из самых широко распространенных в мире олицетворений архетипа. Есть еще Великие Мать и Отец, Божественное Дитя, Плут, Чародей(ка), Девушка и Юноша, Воительница и Дурак (Дурочка). И все же можно сказать, что образ, подобный La Loba, кардинально отличается от них по сути и смыслу, ибо она – символ корня, питающего всю систему инстинктов.

На юго-западе страны архетип старухи можно также истолковать как La Que Sabe – Та, Что Знает. Впервые я пришла к пониманию образа La Que Sabe, когда жила в горах Сангре-де-Кристо в штате Нью-Мексико, как раз под вершиной Лобо. Одна старая знахарка с ранчо сказала мне, что La Que Sabe знает про женщин все и что Она сотворила женщин из морщинки на подошве своей божественной ноги; вот почему женщины – существа знающие: ведь они сделаны из кожи ступни, которая все ощущает. В мысли, что кожа ступни очень чувствительна, присутствует истина, потому что одна вполне современная женщина из племени киче как-то сказала мне, что впервые надела обувь, когда ей было двадцать лет, и до сих пор не привыкла ходить con los ojos vendados, с путами на ногах.

Обитающая в природе первозданная сущность известна под многими именами и встречается у всех народов на протяжении веков. Вот несколько ее старых имен: Мать Дней – это Мать-Создательница-Богиня всех существ и свершений, в том числе Неба и Земли; Мать Нике – повелительница всего темного и грязного; Дурга – госпожа небес и ветров, а также людских мыслей, из которых возникает вся реальность; Коатликуэ, которая рождает новую вселенную, коварную и неуправляемую, и, как волчица-мать, кусает дитя за ухо, чтобы привести в чувство; Геката – старая провидица, которая "знает своих родных", от нее веет запахом перегноя и дыханием Бога. И таких имен великое множество. Это образы того, кто и что живет под горой, далеко в пустыне, глубоко в дебрях.

Как бы ни называлась эта сила, олицетворением которой является La Loba, она содержит сведения о прошлом – личном и древнем, ибо пережила множество поколений и стара, как мир. Она – хранительница женских намерений, женской традиции. Ее нос чует грядущее, у нее дальнозоркие белесые глаза старухи, она одновременно живет в прямом и обратном времени и, танцуя с одним направлением, корректирует другое.

Старуха – Та, Что Знает, – живет в каждой из нас. Она цветет в глубинах женской души-психики, Ее обитель – в древней и неискоренимой дикой Самости, то место во времени, где встречаются дух женщины и дух волка, то место, где сливаются ум и инстинкт, где сокровенная жизнь женщины находит ее земную жизнь. Это то место, где обмениваются поцелуями Я и Ты, где женщины, полные задора, бегают с волками.

Эта старуха стоит между рациональным миром и миром мифа. Она – ось, на которой вращаются оба эти мира. Эта страна между двух миров – то непостижимое место, которое все мы узнаем, единожды ощутив, но его подробности ускользают и облик меняется, если мы пробуем их удержать, за исключением тех случаев, когда мы обращаемся к поэзии, музыке, танцу или сказке.

Есть мнение, что иммунная система организма коренится именно в этой загадочной стране души, как и мистические и все архетипические образы и устремления, в том числе наша тяга к Богу, наша страсть к тайнам и все священные инстинкты, да и все земные тоже. Другие говорят, что и летописи человечества, корень света, клубок тьмы – там же. Это не пустота, а скорее обитель Призрачных Существ, где все уже существует и в то же время еще не существует, где тени вещественны, а вещество прозрачно.

Об этой стране можно наверное сказать одно: она стара – старше, чем океаны. Ее века не счесть, она извечна. Архетип Первозданной Женщины – основа этого слоя, исходящего из инстинктивной души. Хотя в наших снах и творческих озарениях она может принимать разные обличья, ее источник – не слой матери, девушки, зрелой женщины. И внутренним ребенком ее тоже не назовешь. Она не царица, не амазонка, не любовница, не провидица. Она – то, что она есть. Зовите ее La Que Sabe, Та, Что Знает; зовите ее Дикой Женщиной, зовите ее La Loba, зовите ее высокими именами или низкими, новыми именами или древними – она остается тем, чем она является.

Дикая Женщина как архетип – неподражаемая и непостижимая сила, несущая человечеству богатство идей, образов и качеств. Архетип существует везде – и в то же время невидим в обычном смысле этого слова. Ведь то, что можно увидеть в темноте, не обязательно видимо при дневном свете.

Мы находим стойкие следы архетипа в образах и символах сказок, литературы, поэзии, живописи и религии. Может быть, его сияние, его голос и аромат предназначены для того, чтобы вывести нас из созерцания дерьма на собственном хвосте, чтобы мы могли иногда странствовать среди звезд.

Как пишет поэт Тони Моффейт, там, где обитает La Loba, материальное тело становится "лучезарным зверем" [4], а иммунная система организма, по свидетельствам очевидцев, под влиянием сознательной мысли становится сильнее или слабее. Там, где обитает La Loba, духи воплощаются в образах, a la voz mitologica, мифологический голос сокровенной души, возглашает стихи и пророчества. Некогда умершие вещи, обладающие ценностью для души, могут возвращаться к жизни. И еще, исходные материалы всех сказок, которые когда-нибудь существовали на земле, имели источником чьи-то обретенные в этой непостижимой стране души переживания и чьи-то попытки высказать то, что происходило с ними здесь.

У этого места между мирами есть много имен. Юнг называет его по-разному: коллективным бессознательным, объективной психикой или психоидным бессознательным, имея в виду наиболее непостижимый слой коллективного бессознательного. Это последнее он считал местом, где берут начало биологический и психологический миры, где биология и психология могут сливаться и влиять друг на друга. В памяти человечества это место – называем ли мы его Нод, домом Призрачных Существ или трещиной между мирами – есть место, где происходят всевозможные таинственные встречи, чудеса, игры воображения, приливы вдохновения и случаи исцеления.

Хотя это место дарует огромное душевное богатство, приближаться к нему следует подготовленным, ибо у человека может возникнуть искушение блаженно потонуть в его восторгах. По сравнению с ним обыденная реальность может показаться пресной. В этом смысле более глубокие слои психики могут стать восторгом-ловушкой, из которой люди выходят неустойчивыми, полными шатких теорий и туманных представлений. Так не должно быть. Возвращаться нужно полностью промытым или выкупанным в живительных и воодушевляющих водах, которые оставляют на нашем теле аромат сакрального.

Каждая женщина имеет потенциальный доступ к Rio Abajo Rio, реке под рекой. Ее приводит к этой реке глубокая медитация, танец, писательство, молитва, пение, игра на барабане, активное воображение или любая другая деятельность, требующая сильно измененных состояний сознания. В этот мир меж мирами женщину приводит тоска и поиски чего-то такого, что

она может увидеть только краешком глаза. Ее приводит туда глубоко творческая деятельность, намеренное одиночество, занятие любым видом искусства. И даже при наличии этих хорошо освоенных практик многое из того, что происходит в этом непостижимом мире, навеки остается для нас тайной, потому что нарушает все известные нам законы физики и рационального мышления.

О том, как осторожно следует подходить к этому состоянию души, повествует короткая, но очень выразительная сказка о четырех раввинах, которые возмечтали узреть священное колесо Иезекииля.

ЧЕТЫРЕ РАВВИНА

Однажды ночью четырем раввинам явился ангел. Он разбудил их и перенес к седьмому своду Седьмого Неба. Там они узрели священное колесо Иезекииля.

Узрев такое великолепие, один из раввинов на обратном пути из Pardes, Рая, на Землю обезумел и до конца жизни блуждал, бессмысленно лепеча. Второй раввин цинично заявил: "Колесо Иезекииля мне просто приснилось, вот и все. На самом деле ничего не случилось". Третий раввин впал в полную одержимость и болтал как заведенный о том, что увидел. Он говорил без умолку, как это все устроено и что это все значит, – так он сбился с пути истинного и предал свою веру. Четвертый раввин был поэтом. Он взял в руки лист бумаги и свирель, сел у окна и стал писать песню за песней, в которых восхвалял вечернюю голубку, ее дочь в колыбели и все звезды в небе. И зажил лучше, чем прежде [5].

Мы не знаем, что увидел каждый из них на седьмом своде Седьмого Неба. Но мы знаем, что соприкосновение с миром, где обитает Сущность, позволяет постичь нечто недоступное обычному людскому слуху, нечто наполняющее нас чувством простора и великолепия. Когда мы соприкасаемся с подлинной основой Той, Что Знает, это помогает нам отвечать и действовать, исходя из нашей сокровенной целостной природы.

Эта сказка дает совет: наилучший подход, позволяющий пережить глубинное бессознательное, – восхищаться им не слишком сильно, но и не слишком слабо, не слишком благоговеть, но и не быть слишком циничным, быть отважным, но не до безрассудства.

В своей известной монографии "Трансцендентальная функция" [6] Юнг предостерегает: в поисках Высшего Я одни склонны излишне эстетизировать переживание Бога или Я, другие недооценивать его, а те, кто к нему не готов, могут получить душевную травму. Но есть и такие, кто находит путь к тому, что Юнг называет "нравственным долгом" пережить и выразить узнанное при подъеме или спуске к первозданному Я.

Нравственный долг, о котором он говорит, означает необходимость переживать то, что мы воспринимаем, где бы оно ни встретилось: на Елисейских полях души, на островах мертвых, в усеянной костями пустыне души, на горной круче, на морском утесе или в роскоши подземного мира – в любом месте, где La Que Sabe дохнет на нас и таким образом нас изменит. Наше дело – показать, что на нас дохнули: продемонстрировать это, отдать, спеть, прожить в верхнем мире то, что получили во внезапном прозрении от тела, от всевозможных снов и странствий.

La Loba перекликается с теми мифами народов мира, в которых мертвецов возвращают к жизни. В египетских мифах Исида оказывает эту услугу своему умершему брату Осирису, чье тело каждую ночь расчленяет на части злой брат Сет. Каждую ночь Исида трудится с вечерних сумерек до рассвета, чтобы к утру собрать по частям тело брата, иначе Солнце не взойдет. Христос воскресил Лазаря, который так давно умер, что уже "смердел". Деметра раз в год вызывает из Края Мертвых свою изможденную дочь Персефону. А La Loba поет над костями.

Такова наша женская практика медитации – вызывать мертвые и расчлененные части самих себя, вызывать мертвые и расчлененные аспекты самой жизни. Та, кто воссоздает из того, что умерло, – всегда двойной архетип. Мать Творения – всегда еще и Мать-Смерть, и наоборот. Из-за этой двойной природы или двойной задачи нам предстоит великий труд – понять, что вокруг нас, подле нас и в нас самих должно жить и что должно умереть. Наше дело – определить срок того и другого; позволить умереть тому, что должно умереть, и позволить жить тому, что должно жить.

Для женщин El Rio Abajo Rio – мир реки под рекой, родина Костяной Женщины – содержит прямое знание о побегах, корневище и зерне мира. В Мексике говорят, что женщина несет la luz de la vida, свет жизни. Этот свет находится не в сердце женщины и не в ее глазах, a en los ovarios, в ее яичниках, где все семена были заложены еще до того, как она родилась. (У мужчин, если углубляться в идеи плодородия и природу семени, этому образу соответствует los cojones, мошонка.)

Вот знание, которое предстоит обрести, находясь рядом с Дикой Женщиной. Когда La Loba поет, она поет, опираясь на знание, идущее из los ovarios, из глубины тела, глубины ума, глубины души. Символы семени и кости очень схожи. Если есть корневище, основа, начало, если есть зерно, можно восстановить любую разруху, вновь засеять потраву, дать отдых полям, замочить твердое семя, чтобы оно размякло, помочь ему лопнуть и прорасти.

Иметь семя – значит иметь ключ к жизни. Быть заодно с циклами семени – значит танцевать с жизнью, танцевать со смертью, танцуя, снова вернуться к жизни. Именно это воплощает Мать – Жизнь и Смерть в своей самой древней и самой главной ипостаси. Поскольку она сама вращается в этих постоянных циклах, я зову ее Мать Жизнь-Смерть-Жизнь.

Если что-то потеряно, нужно обратиться к ней, поговорить с ней и выслушать ее. Ее душевный совет порой бывает грубым или трудно осуществимым, но всегда преображающим и возрождающим. Поэтому, что-то потеряв, нужно пойти к старухе, которая всегда живет в недрах таза. Она живет именно там, наполовину внутри, наполовину снаружи созидающего огня. Для женщин это прекрасное место, чтобы жить – совсем рядом с плодородными huevos, яичниками, женскими семенами. Там идеи, самые крошечные и самые большие, ждут, когда наш ум и наши действия помогут им проявиться.

Представьте себе эту старую женщину как старуху-сущность, которой два миллиона лет [7]. Это изначальная Дикая Женщина, живущая под землей и одновременно на ее поверхности. Она живет в нас и через нас, и мы окружены ею. Пустыням, лесам и земле под нашими домами два с лишним миллиона лет.

Меня всегда поражает то, как женщины любят копаться в земле. Они сажают луковицы весенних цветов. Они погружают испачканные пальцы в жирную землю, пересаживая остро пахнущую помидорную рассаду. Мне кажется, они пытаются докопаться до старухи, которой два миллиона лет. Они ищут ее ноги и руки. Они хотят подарить ее себе, поскольку с ней ощущают целостность и умиротворенность.

Без нее они чувствуют беспокойство. Большинство женщин, с которыми я работала на протяжении многих лет, начинали свой первый сеанс психоанализа с вариантов фразы: "Я чувствую себя не то чтобы плохо, но и не хорошо". На мой взгляд, такое состояние – загадка несложная. Мы знаем, что оно происходит от недостатка земли. А лекарство? La Loba. Найдите женщину, которой два миллиона лет. Она опекунша мертвого и умирающего женского. Она дорога между живыми и мертвыми. Она поет гимны творения над костями.

Эта старая женщина, Дикая Женщина – La voz mitologica. Она – голос мифа, который знает прошлое и нашу древнюю историю и хранит ее летопись в сказках. Иногда она приходит к нам во сне как бесплотный, но чарующий голос.

В ипостаси девушки-старухи она показывает нам, что значит быть не состарившимся, а умудренным. Дети рождаются умудренными инстинктом. Они нутром знают, что правильно

и что с этим делать. Это врожденное знание. Если женщина хранит этот дар – в юности быть старой, а в старости юной, – она всегда будет знать, что произойдет дальше. Если же она его потеряла, его можно вернуть, прибегнув к осознанному душевному труду.

La Loba старуха в пустыне – собирательница костей. В символике архетипа она – кости, знак неразрушимой силы. Их нелегко уничтожить. Такое уж у них строение – их трудно сжечь, почти невозможно стереть в порошок. В мифе и сказке они символизируют неразрушимую душу-дух. Мы знаем, что душу-дух можно повредить, даже искалечить, но почти невозможно убить.

Душу можно смять и согнуть. Можно покрыть ранами и шрамами. Можно оставить на ней метки болезни и ожоги страха. Но она не умирает, потому что в подземном мире ее охраняет La Loba. Она искательница и хранитель костей.

Кости достаточно тяжелы, чтобы ими можно было наносить удары, достаточно остры, чтобы проткнуть плоть, а старые кости, если их тронешь, звякают, как стекло. Кости живых обладают собственной жизнью и созидательной силой, они постоянно обновляются. У живой кости поразительно мягкая "кожа". Она способна восстанавливать себя. Даже превратившись в сухую кость, она дает приют крошечным живым тварям.

В этой сказке волчьи кости олицетворяют неразрушимый аспект дикой Самости, инстинктивную природу, существо, преданное свободе и неиспорченности, которое никогда не примет строгостей и требований мертвой или излишне цивилизующей культуры.

Использованные в этой сказке метафоры олицетворяют весь процесс, приводящий женщину к ее полным инстинктивным диким чувствам. У нас внутри живет старуха, собирающая кости. У нас внутри кости души дикой Самости. У нас внутри возможность снова облечься в плоть и стать тем существом, которым мы некогда были. У нас внутри кости-ключи к тому, чтобы изменить себя и свой мир. У нас внутри дыхание, наши истины и наши стремления, и, вместе взятые, они образуют песнь, гимн творения, который мы так страстно желаем спеть.

Это не значит, что мы должны ходить, занавесив глаза волосами, или превратить ногти в когти с черной каймой. Да, мы остаемся людьми, но и у женщины внутри тоже есть инстинктивная, звериная Самость. Это не какой-то карикатурный романтический образ. У нее настоящие зубы, настоящий оскал, беспредельное великодушие, бесподобный слух, острые клыки, щедрые и мохнатые груди.

Этому Я необходима свобода двигаться, говорить, свобода гневаться и творить. Это Я надежно, жизнеспособно и обладает острой интуицией. Это Я, которое разбирается в духовных делах жизни и смерти.

Сегодня живущая у вас внутри старуха собирает кости. Что она воссоздает? Она – Я души, созидательница дома души. Ella lo hace a mano, своими руками она делает и переделывает дом. Что она делает для вас?

Даже в лучшем из миров душа должна время от времени подновляться. Это как глинобитные домишки здесь, на Юго-Западе, – что-то облупилось, что-то отвалилось, что-то смылось. Всегда увидишь кругленькую старушку в шлепанцах, которая заглаживает глинобитные стены. Замесит глину с водой, добавит соломы, налепит на стены – и они опять как новенькие. Не будь ее, дом потерял бы форму. Не будь ее, после ливня он превратился бы в кучу глины.

Она – хранительница души. Без нее мы теряем форму. Если у человека нет с ней прямой связи, его называют бездушным, или пропащей душой. Она придает форму дому души и лепит руками новое пространство. На ней старый передник, а подол платья спереди длиннее, чем сзади. Она подмазывает, похлопывает, приглаживает. Она лепит душу, растит волчицу, оберегает все дикое.

Поэтому я говорю вам любовно и образно: кем бы вы ни были – черной волчицей, северной серой, южной рыжей или арктической белой, – вы инстинктивное существо-сущность. Хотя кто-то может искренне предпочитать, чтобы вы вели себя прилично, а не прыгали до

потолка от радости и не кидались на людей в знак приветствия, поступайте, как вам хочется. Кто-то отшатнется от вас в страхе или негодовании. Но ваш возлюбленный оценит это ваше новое качество, если, конечно, он подходит вам в качестве такового.

Некоторым не понравится, если вы будете обнюхивать каждый предмет, чтобы понять, что он собой представляет. И, Бога ради, не вздумайте валяться на спине, задрав ноги. Гадкая девочка! Гадкая волчица! Гадкая собака! Верно? Не верно. Вперед! Наслаждайтесь жизнью!

Люди занимаются медитацией, чтобы обрести душевное равновесие. Вот почему они обращаются к психотерапевтам и психоаналитикам. Вот почему они исследуют свои сны и занимаются художественным творчеством. Вот почему они раскладывают карты Таро, гадают по книге "И Цзин", танцуют, играют на барабанах и на сцене, ищут ответа в поэзии и возносят молитвы. Вот почему мы делаем все то, что делаем. Делая все это, мы собираем все кости вместе. А потом нужно сесть у огня и подумать, какую песню спеть над костями, какой гимн созидания, какой гимн воссоздания. И те истины, которые мы выскажем, составят эту песню.

Есть хорошие вопросы, которые следует задать, пока не выберешь песню, свою истинную песню. Что случилось с голосом моей души? Что такое погребенные кости моей жизни? Какие у меня отношения с инстинктивным Я? Когда я в последний раз бегала на воле? Что сделать, чтобы жизнь снова ожила? Куда ушла La Loba?

Старуха поет над костями, и, пока она поет, кости обрастают плотью. Изливая душу над собранными костями, мы тоже "воплощаемся". Изливая свою тоску и сердечный надрыв над костями того, чем мы были когда-то в молодости, того, что мы знали когда-то, много веков назад, и воскрешения, которое мы ощущаем в будущем, мы стоим на четвереньках, на всех четырех лапах. Изливая душу, мы возрождаемся. Мы уже не слабая женщина, не хрупкое, разваливающееся создание. Нет, мы на стадии "становления", на стадии преображения.

Как и высохшие кости, мы очень часто начинаем свой путь в пустыне. Мы ощущаем себя бесправными, чужими, не связанными даже с зарослями кактусов. Древние называли пустыню местом божественного откровения. Но для женщин она таит в себе нечто гораздо большее.

Пустыня – место, где жизнь очень насыщенна. Корни всего живого тянутся к последней капле воды, а цветок накапливает влагу только потому, что появляется рано утром и поздно вечером. Жизнь в пустыне скудная, но яркая, и большинство из того, что случается, происходит под землей. И это напоминает жизнь многих женщин.

В пустыне нет буйства леса или джунглей. Жизнь ее обитателей очень напряжена и загадочна. Многие из нас живут такой жизнью: крошечной на поверхности и огромной под землей. La Loba показывает нам драгоценности, которые можно получить от такого распределения души.

Женскую душу может привести в пустыню какой-то отклик, прошлые жестокости или отсутствие жизненного пространства над землей. Как часто женщина чувствует, что живет в пустынном месте, где есть, быть может, всего один кактус с единственным ярко-алым цветком – и больше ничего на тысячу километров вокруг. Но для женщины, которая пройдет тысяча и одну милю, есть кое-что еще. В невзрачной лачуге – нерушимая твердыня. Старуха. Она ждет вас.

Есть женщины, которые не хотят попасть в пустыню души. Им ненавистна ее скудность, ее пустота. Они все стараются завести ржавый драндулет и выбраться на дорогу к выдуманному сияющему граду души. Но их ждет разочарование, потому что ни буйства, ни дикости там не найдешь. Они в мире духа, в мире между мирами, в Rio Abajo Rio, реке под рекой.

Не валяйте дурака. Вернитесь, встаньте под тем единственным красным цветком и ступайте прямо вперед, пройдите последний трудный километр. Подойдите к старой рассохшейся двери и постучите. Заползите в пещеру. Влезьте в окно сновидения. Просейте пустыню и посмотрите, что останется. Это единственный труд, который мы должны исполнить.

Вам нужен совет психоаналитика?

Ступайте собирать кости.

Глава 2
ВЫСЛЕДИТЬ ЗАХВАТЧИКА: ПЕРВАЯ ИНИЦИАЦИЯ

Синяя Борода

В одном человеческом существе заключено множество других существ, и у каждого из них есть свои собственные ценности, мотивы и уловки. Некоторые психологические методики советуют переловить этих существ, пересчитать, назвать по именам и запрячь в сбрую, чтобы они поплелись гуськом, как взятые в плен рабы. Но сделать так значило бы остановить танец диких огоньков в женских глазах, остановить зарницы, переловить все искры. Наша задача – не портить природную красоту, а создать для всех этих существ естественную среду обитания, где входящие в их число художники могли бы творить, влюбленные любить, а целители исцелять.

Но что делать с теми внутренними существами, которые настолько обезумели, что могут бездумно вести нас к саморазрушению? Им тоже нужно дать место, но только такое, где их можно держать взаперти. Есть одно совершенно особое существо, самый коварный и самый сильный беглец души, требующий немедленного внимания и заточения, – природный хищник.

Хотя причину многих человеческих страданий можно объяснить нерадивым воспитанием, однако в душе естественно присутствует еще и врожденный аспект contra naturam – сила, направленная против природы. Этот аспект contra naturam противостоит положительному началу, он противится развитию, противится гармонии, противится нашей дикой природе. Это насмешливый и жестокий противник, он рождается вместе с нами, и даже при наилучшем родительском воспитании единственная цель этого захватчика – постараться превратить все перекрестки в тупики.

Этот хищный властелин [1] раз за разом возникает в женских снах. Он нарушает наши самые заветные и выношенные планы. Он отрывает женщину от ее интуитивной природы. Когда его разрушительная работа закончена, женщина ощущает, что ее чувства омертвели и у нее недостает сил справиться с жизнью. Ее мысли и сны безжизненно лежат у ее ног.

"Синяя Борода" – сказка именно на эту тему. В Северной Америке лучшие из известных мне версий сказки о Синей Бороде имеют французское и немецкое происхождение [2]. Но я предлагаю вам свою литературную версию, где перемешаны французское и славянское, как в той сказке, что рассказала мне тетушка Кэйти из Чибрака, что близ Домбовара, в Венгрии. В среде деревенских сказочниц сказка о Синей Бороде начинается с присказки о том, кто знал кого-то, кто знал еще кого-то, кто видел страшное доказательство смерти Синей Бороды. Итак, приступим.

СИНЯЯ БОРОДА

В обители белых монахинь, далеко в горах, хранится клок бороды. Как он попал в эту обитель, никому не ведомо. Говорят, что монахини похоронили то, что осталось от тела, потому что больше никто не хотел к нему прикасаться. Не известно, зачем монахини сохранили такую реликвию, но это правда. Подруга моей подруги видела ее собственными глазами. Она говорит, что борода синяя, а точнее, цвета индиго. Она такого же синего цвета, как темный лед в озере, как тень в яме ночью. Некогда эта борода украшала лицо человека, слывшего чародеем-неудачником, охочего до женщин великана; прозвали его Синей Бородой.

Говорят, что он посватался к трем сестрам сразу. Но их испугала его борода странного синего оттенка, и, когда он приехал к ним, они спрятались. Стараясь убедить девушек в своей доброте, жених пригласил их на прогулку в лес. Он явился, ведя на поводу лошадей, убранных бубенчиками и алыми лентами, помог сестрам и их матери сесть в седла, и они поскакали в лес. Они весело катались целый день, а их собаки бежали подле и впереди всадников. Потом они остановились под гигантским деревом, и Синяя Борода стал развлекать их рассказами и потчевать изысканными кушаньями.

"Что ж, может быть, этот человек, Синяя Борода, не так уж плох", – подумали сестры.

Они вернулись домой, без умолку болтая о том, как интересно прошел день, как чудно они повеселились. Но вскоре подозрения и страхи двух старших сестер возобновились, и они поклялись больше не встречаться с Синей Бородой. Однако младшая сестра решила: раз человек может быть таким милым, то, наверное, он не так уж плох. Чем больше она убеждала себя в этом, тем менее страшным представлялся ей он сам, да и борода его казалась не такой уж синей.

Поэтому, когда Синяя Борода попросил ее руки, она согласилась. Она как следует обдумала его предложение и решила, что судьба подарила ей в качестве мужа очень утонченного человека. Они поженились и отправились в его замок, стоявший в глубине леса.

Однажды Синяя Борода пришел к молодой жене и сказал:

– Мне придется на некоторое время уехать. Если хочешь, пригласи сюда своих родных. Можешь кататься по лесу, вели поварам устроить пир – делай все, что пожелаешь, все, что твоей душе угодно. Вот тебе связка ключей. Можешь отпереть любую дверь: в кладовые, в сокровищницы – все двери моего замка, только не трогай вот этот маленький ключик с завитушками.

– Хорошо, – ответила она. – Я сделаю все, как ты сказал. Мне это по нраву. Отправляйся в путь, мой милый супруг, не тревожься и возвращайся поскорей.

Итак, он уехал, а она осталась.

Сестры явились ее навестить, а были они, как и все смертные, очень любопытны. Им захотелось узнать, что велел делать хозяин в его отсутствие. Молодая жена с радостью им доложила:

– Он сказал, что мы можем делать все, что захотим, входить в любую комнату, какую пожелаем, кроме одной. Только я не знаю, что это за комната. У меня есть ключ от нее, но не известно, к какой двери он подходит.

Сестры решили устроить игру: выяснить, к какой двери подходит каждый ключ. В замке было три этажа, а в каждом его крыле по сотне комнат. Поскольку на связке было множество ключей, они переходили от двери к двери и очень веселились, открывая одну за другой. За одной дверью оказывалась кладовая с припасами, за другой – сундуки с деньгами. Каждая дверь открывала свой секрет, один занимательнее другого. Наконец, насмотревшись на все чудеса, они добрались до подвала и в конце коридора наткнулись на гладкую стену.

Сестры ломали голову над последним ключом, с завитками наверху: "Может быть, он не подходит ни к одной двери?"

И только они вымолвили эти слова, как из-за угла коридора раздался странный звук: "Ир-р-р-р-р-р". Девушки бросились туда – глядите-ка! – там закрылась маленькая дверца. Они попробовали открыть ее снова, но она оказалась крепко запертой.

– Сестричка, сестричка, давай скорее ключи! Наверняка это та самая дверца, которую открывает загадочный маленький ключик!

Одна из сестер недолго думая вставила ключ в замок и повернула. Замок взвизгнул, дверь распахнулась, но внутри было так темно, что они ничего не увидели.

– Сестричка, сестричка, принеси свечу!

Свечу зажгли, внесли в комнату – и все три девушки разом вскрикнули: на полу была лужа крови, вокруг валялись почерневшие кости трупов, а в углах, как кучи яблок, были сложены черепа.

Сестры захлопнули дверь, дрожащими руками вынули из замка ключ и привалились к стене, тяжело дыша. Боже, Боже милосердный!

Жена Синей Бороды посмотрела на ключ и увидела, что он испачкан кровью. Она в ужасе пыталась вытереть его подолом сорочки, но кровь выступала снова.

– Нет, нет! – закричала она.

Сестры по очереди старались вернуть ключу прежний вид, но кровь не исчезала.

Жена Синей Бороды спрятала ключик в карман и бросилась на кухню. Когда она прибежала туда, ее белое платье было все в красных пятнах, от кармана до самого подола, а с ключа медленно падали капли темно-красной крови.

– Принеси мне скорее конский волос! – велела она повару.

Девушка принялась тереть ключ, но он продолжал кровоточить. Из маленького ключика сочилась чистая красная кровь, капля за каплей.

Она вынесла ключ из дома, набрала в очаге золы и стала чистить ключ. Потом подержала его над огнем, пытаясь обжечь кровь. Прикладывала к нему паутину, чтобы остановить кровь, но ничто не помогало.

– Что же мне делать! – заплакала она. – Ах, знаю! Я спрячу ключик, положу его в шкаф, закрою дверь. Это дурной сон. Все будет хорошо.

Сказано – сделано.

На следующее же утро вернулся ее муж и, войдя в замок, сразу позвал жену.

– Ну, как ты тут поживала без меня?

– Прекрасно, мой господин.

– А как мои кладовые? – прорычал он.

– Прекрасно, мой господин.

– А сокровищницы? – рявкнул он.

– И сокровищницы в полном порядке, мой господин.

– Так все хорошо, женушка?

– Да, все хорошо.

– Что ж, – сказал он тихо, – тогда верни мне скорее мои ключи. Он сразу увидел, что одного ключа не хватает.

– А где же самый маленький ключик?

– Я… я его потеряла. Ну да, потеряла. Я каталась на лошади, связка упала, и, должно быть, один ключ потерялся.

– Что ты им делала, женщина?

– Я… я… не помню.

– Не лги мне! Отвечай, что ты делала этим ключом!

Он потянулся к ее лицу, будто желая потрепать по щеке, но вместо этого крепко схватил ее за волосы.

– Ах ты, обманщица! – рявкнул он и швырнул жену на пол. – Ведь ты побывала в той комнате, не так ли?

Он распахнул ее шкаф – лежавший на верхней полке ключик залил алой кровью все прекрасные шелковые платья, которые там висели.

– Пришел твой черед, голубушка! – крикнул он и потащил ее по коридору в подвал, к той самой ужасной двери. Едва Синяя Борода навел на дверь свой огненный взор, как она распахнулась сама. Там лежали скелеты его прежних жен.

– А теперь… – взревел он. Но его жена вцепилась в дверной косяк и не отпускала.

– Прошу тебя, – взмолилась она, – позволь мне прийти в себя и подготовиться к смерти. Прежде чем отнимешь у меня жизнь, дай мне всего четверть часа, чтобы я могла примириться с Богом.

– Ладно, – бросил он, – у тебя всего четверть часа, поторопись. Девушка кинулась вверх по лестнице в свои покои и послала сестер на башни замка. Она преклонила колени, чтобы помолиться, а сестрам сказала:

– Сестрицы, сестрицы! Поглядите, не едут ли наши братья!

– Ничего не видим, пустынны равнины. Прошло несколько минут, и она снова позвала:

– Сестрицы, сестрицы! Не едут ли наши братья?

– Видим вдали вихрь; может, то пыльная буря!

Тем временем Синяя Борода громовым голосом велел жене спуститься в подвал, намереваясь отрубить ей голову. Она снова позвала:

– Сестрицы, сестрицы! Не едут ли наши братья?

Тут Синяя Борода снова позвал жену и стал с топотом подниматься по ступеням.

– Видим, видим! – закричали сестры. – Наши братья уже здесь, они только что вошли в замок!

Синяя Борода зашагал по коридору к покоям своей жены.

– Я иду за тобой! – заревел он. Его поступь была так тяжела, что каменные стены зашатались и комья известки посыпались из щелей на пол.

Синяя Борода ввалился в комнату жены, протянул руку, чтобы схватить ее, но тут братья проскакали верхом по коридору замка и тоже ворвались в комнату. Они выволокли Синюю Бороду во двор замка и там набросились на него с мечами. Они рубили его и кололи, резали и хлестали. Они повалили Синюю Бороду на землю, прикончили его, а кровавые останки бросили хищным птицам.

Природный хищник души

Развитие связи с дикой природой – важнейшая часть индивидуации женщины. Чтобы осуществить ее, женщина должна уйти во тьму, но в то же время на пути туда или обратно не должна безвозвратно сгинуть в ловушке или в плену, не должна погибнуть.

Сказка о Синей Бороде повествует о захватчике, о той темной личности, которая обитает в душе каждой женщины, о внутреннем хищнике. Он – та конкретная и несомненная сила, о которой необходимо помнить и которую необходимо обуздывать. Чтобы обуздать естественного хищника [3] души, женщина должна всегда быть во всеоружии своих инстинктивных качеств. Вот некоторые из них: прозорливость, интуиция, выносливость, цепкость, любовь, острое чутье, дальновидность, острый слух, отпевание мертвых, интуитивное целительство и забота о собственном творческом огне.

В психологической интерпретации мы обращаемся ко всем аспектам сказки, чтобы изобразить драму, разыгрывающуюся в душе каждой отдельно взятой женщины. Синяя Борода олицетворяет глубоко скрытый комплекс, который маячит на задворках жизни каждой женщины и выжидает – выжидает случая выступить против нее. Впрочем, этот комплекс может выражать себя – так же или по-другому – ив душе мужчины; он древний и современный враг обоих полов.

Силу Синей Бороды трудно постичь, потому что она является врожденной, то есть изначально присущей каждому человеку с момента рождения, и в этом смысле она не имеет сознательного источника. Тем не менее я считаю, что у нас есть намек на то, как ее природа развивалась в человеческом предсознательном, потому что в сказке Синюю Бороду называют неудавшимся чародеем. Это занятие связывает его с другими сказочными персонажами, также

олицетворяющими злобного хищника души в образах, которые внешне выглядят довольно заурядно, но несут в себе огромную разрушительную силу.

Используя это описание как обломок архетипа, мы сравниваем его с тем, что нам известно из истории мифа о неудачном чародействе или неудачливой духовной силе. В греческом мифе Икар поднялся слишком близко к Солнцу, жар растопил воск, скреплявший его крылья, и Икар упал на землю. В мифе индейцев зуньи "Мальчик и орел" повествуется о мальчике, который стал бы одним из орлиного племени, если бы не вздумал, что может нарушить законы Смерти. Когда он парил в небе, ветер сорвал с него позаимствованное орлиное оперение, он упал и погиб. В библейском мифе Люцифер возомнил себя равным Яхве и был изгнан в преисподнюю. Из фольклора нам известно о множестве учеников чародеев, которые, безрассудно осмелившись бросить вызов Природе, преступили границы собственного мастерства. Наказанием им стали увечья и беды.

Исследуя эти лейтмотивы, мы видим, что хищник, о котором в них повествуется, жаждет превосходства и власти над другими. Он занимается чем-то вроде психологической инфляции, [17] когда некое существо хочет превзойти Непостижимое или сравняться с Непостижимым, которое традиционно ведает и повелевает загадочными силами Природы, в том числе и сферами Жизни и Смерти, законами человеческой природы и т.д.

В мифе и сказке мы обнаруживаем, что любая попытка нарушить, сломать или изменить образ действия Непостижимого влечет за собой кару: либо ограничение возможности творить чудеса – например, ученику запрещается заниматься своим делом, – либо изгнание из Царства Божьего в ссылку в одиночестве, либо потеря благодати и силы в результате неудачи, увечья или смерти.

Если мы сумеем увидеть в Синей Бороде внутреннего представителя мифа о таком отверженном, то, возможно, сумеем также постичь то глубокое и необъяснимое одиночество, которое порой находит на него (нас), ведь он томится в вечной ссылке без надежды на искупление.

В сказке о Синей Бороде выдвигается скорее эта проблема, чем проблема утверждения света юных женских сил души. Нет, он полон ненависти и жаждет уничтожить свет души. Нетрудно себе представить, что в таком зловещем образе заключен тот, кто однажды пожелал стать выше света и из-за этого впал в немилость. Можно понять, почему изгнанник после этого неотступно и безжалостно преследует проявление этого света в других. Можно вообразить, что он надеется собрать себе достаточно души (душ) и что это даст ему то сияние, которое наконец-то рассеет тьму и исцелит его одиночество.

В этом смысле в начале сказки мы видим грозное существо в его неискупленном аспекте. Однако именно этот факт являет собой одну из главных истин, которую должна узнать младшая сестра из сказки и все женщины: и внутри и снаружи существует сила, действующая наперекор инстинктам природной Самости, и эта зловещая сила такая, какая есть, Ее можно пожалеть, но наше первое действие – узнать ее, защитить себя от ее опустошительного вторжения и в конце концов лишить ее присущей ей смертоносной энергии.

Все существа должны знать: на свете есть хищники. Без такого знания женщина не сможет спокойно разгуливать в собственном лесу, не опасаясь быть растерзанной. Понять хищника – значит превратиться в зрелое существо, которое не может стать жертвой собственной наивности, неопытности или глупости.

Синяя Борода, словно опытный охотник, чует, что младшая дочь им заинтересовалась, то есть желает стать его добычей. Он просит ее руки, и она в порыве юного восторга, являющего собой сочетание каприза, радости, счастья и сексуального любопытства, говорит "да". Какой женщине не знаком этот сценарий?

---

[17] Психическое состояние, в котором человек испытывает любое нереальное – либо слишком высокое (мания величия), либо слишком низкое (депрессия) чувство своей идентичности.

Наивная женщина как добыча

Младшая сестра, самая незрелая, разыгрывает очень человечную историю о наивной женщине. Она на время станет добычей своего собственного внутреннего охотника. И все же в конце она выйдет на волю, став мудрее, сильнее и научившись с первого взгляда узнавать коварного хищника.

Психологическая история, лежащая в основе этой сказки, имеет отношение и к женщине постарше, которая не вполне научилась узнавать внутреннего хищника. Возможно, она начинает этот процесс снова и снова, но, не находя руководства и опоры, так и не доводит его до конца.

Вот почему обучающие сказки так полезны: они предлагают путеводные карты, помогающие завершить даже то дело, которое раньше наталкивалось на препятствие. Сказка о Синей Бороде представляет ценность для всех женщин: юных, которые еще только начинают узнавать про хищника, и тех, кого он преследовал и мучил десятилетиями и кто наконец-то готовится к окончательной и решительной схватке с ним.

Младшая сестра олицетворяет творческий потенциал души, нечто приближающееся к жизненной поре буйного, изобильного цветения. Но впереди ложный путь, на который девушка и вступает, когда соглашается стать добычей злодея, поскольку ее инстинкты, которые заставили бы ее заметить опасность и поступить иначе, несовершенны.

В психологическом отношении девушки и юноши как будто не осознают того факта, что сами являются добычей. Порой кажется, что жизнь была бы более легкой и гораздо менее мучительной, рождайся все люди полностью пробужденными; но так не бывает. Все мы рождаемся в виде зачатка, подобного потенциалу в центре клетки. В биологии такой зачаток – та часть клетки, где сосредоточено "то, что будет". Здесь содержится исходное вещество, которое со временем разовьется, позволит нам стать целостным организмом.

Поэтому наша женская жизнь – это ускорение роста зачатка. Сказка о Синей Бороде взывает к пробуждению и воспитанию этого душевного центра, этой мерцающей клетки. В целях такого воспитания младшая сестра соглашается на брак с силой, которую считает очень утонченной. Этот сказочный брак олицетворяет поиск нового статуса, нового слоя души, готового вот-вот раскрыться.

Однако юная супруга обманула себя. Поначалу она побаивалась Синей Бороды, была настороже. Но приятная прогулка по лесу заставила ее пойти наперекор голосу интуиции. Почти каждая женщина хотя бы раз в жизни имела подобный опыт. В результате она убеждает себя, что Синяя Борода не опасен – просто он чудной, не такой, как все. "Какая глупость! Почему меня так смущает его синяя бороденка?" Ее дикая природа уже учуяла, в чем дело, и знает, что синебородый смертельно опасен, а наивная душа противится этому внутреннему знанию.

Такое ошибочное суждение почти типично для столь юной женщины, чья сигнальная система еще не развита. Она все равно что волчонок-сирота, который резвится и играет на полянке, не ведая, что в тени крадется здоровенная рысь. И женщина постарше, настолько оторванная от своей дикой природы, что едва слышит идущие изнутри тревожные сигналы, тоже с наивной улыбкой идет навстречу опасности.

Возникает закономерный вопрос: можно ли всего этого избежать? Юная девушка, как и юные звери, учится видеть хищника благодаря наставлениям отца и матери. Без заботливого руководства родителей она может очень скоро стать чьей-то добычей. Если припомнить, все мы когда-нибудь хотя бы раз пережили случай, когда какая-то захватывающая мысль или ослепительная личность проникала ночью в окно нашей души и заставала нас врасплох. Даже если

на лице у них маска, в зубах нож, а за спиной мешок, набитый деньгами, мы все равно поверим, если они скажут, что служат в банке.

Но даже при мудром родительском воспитании юная особа женского пола, начиная лет с двенадцати, может сбиться с пути истинного под влиянием компании сверстников, сил общества или психического давления, и тогда, случается, она на собственный страх и риск начинает его поиски. Работая с девушками старше шестнадцати лет, которые убеждены, что мир хорош, если правильно с ним обращаться, я всегда чувствую себя старой седой собакой. Мне хочется прикрыть глаза лапами и застонать, потому что я вижу то, чего не видят они, и знаю, особенно если девушки упрямы и своевольны, что они хотя бы раз с бездумной храбростью пойдут навстречу хищнику, пока потрясение не заставит их пробудиться.

На заре жизни наш женский взгляд очень наивен, и это значит, что эмоциональное понимание скрытого еще очень слабо. Но как женщины, все мы начинаем с этого. Мы наивны, и язык заводит нас в какую-нибудь очень Щекотливую ситуацию. Быть непосвященной в этих делах значит, что мы в той поре жизни, когда склонны видеть только явное, и это делает нас уязвимыми.

Когда волчица оставляет волчат и идет на промысел, детеныши пытаются увязаться за ней – вылезти из логова и побежать по тропе. В ответ она, оскалившись, бросается на них, так что они пугаются до полусмерти и кубарем скатываются обратно в логово. Так мать понимает: ее волчата еще не умеют узнавать и оценивать других существ. Они не понимают, кто хищник, а кто нет. Но со временем она их научит – грубо, зато на всю жизнь.

Женщинам, как и волчатам, нужно такое же введение, которое научило бы их, что внутренний и внешний миры не всегда сулят безоблачные радости. Ведь многие женщины не знают даже той самой первой науки о хищниках, которую волчица преподает своим детенышам, а именно: если что-то больше тебя и внушает опасность, спасайся бегством; если слабее – поступай как хочешь; если оно больное, оставь его в покое; если у него колючки, жало, клыки или острые когти, отойди и ступай восвояси; если оно хорошо пахнет, но его держат металлические челюсти, не приближайся.

Младшая сестра из сказки не только пребывает в наивном неведении относительно своих душевных процессов и ничего не знает о смертоносном аспекте собственной души, но и способна соблазниться прелестями эго. А почему бы и нет? Мы все хотим, чтобы все было прекрасно. Каждая женщина хочет сесть на коня, украшенного бубенчиками, и поскакать по бескрайнему и манящему зеленому лесу. Все люди хотят досрочно обрести рай здесь, на земле. Все дело в том, что эго желает прекрасных ощущений, но жажда райского блаженства в сочетании с наивностью не только не приносит удовлетворения, но и делает нас приманкой для хищника.

На самом деле такое решение – согласиться на брак с чудовищем – девочки принимают, когда они совсем малы, обычно еще до того, как им исполнится пять лет. Их учат не видеть, а приукрашивать любые странности, приятные и неприятные, Именно такое обучение приводит к тому, что младшая сестра может сказать: "Что ж, пожалуй, его борода не такая уж синяя". Эта усвоенная смолоду наука "быть паинькой" заставляет женщин идти наперекор собственной интуиции. В этом смысле их, по существу, умышленно учат уступать хищнику. Представьте, что волчица учит своего детеныша "быть паинькой" при встрече со злобным хорьком или коварной гремучей змеей.

В нашей сказке даже мать заодно с противником. Она едет на пикник, "едет прокатиться". Она ни единым словом не предостерегает ни одну из своих дочерей. Можно предположить, что биологическая мать или внутренняя мать в ней спит или сама наивна, как это часто бывает с очень молоденькими девушками или же женщинами, которые не знали материнской ласки.

Интересно, что старшие сестры демонстрируют некоторую осознанность – говорят, что Синяя Борода им не понравился, несмотря на то что занимал и развлекал их в самом что ни на

есть романтическом и изысканном духе. Есть ощущение, что в этой сказке некоторые стороны души, олицетворяемые старшими сестрами, несколько более развиты с точки зрения интуиции, обладают "знанием", которое подсказывает им, что не следует идеализировать хищника. Приобщенная к такому знанию женщина обращает внимание на звучащие в душе голоса старших сестер, которые предупреждают ее об опасности. Не приобщенная к знанию женщина не обращает внимания: она все еще слишком близка к наивности.

Например, наивная женщина постоянно выбирает себе неподходящих партнеров. Где-то в душе она знает, что такой подход бесплоден, что нужно остановиться и найти другие критерии оценки. Нередко она даже знает, что для этого нужно сделать. Но есть нечто притягательное, некое гипнотическое качество, присущее Синей Бороде, которое заставляет ее и дальше поступать по той же заведомо обреченной схеме. В большинстве случаев женщина думает: если она еще немножко, совсем ненадолго, сохранит прежний подход, то райское ощущение, которого она ищет, придет со следующим ударом сердца.

Есть и другая крайность. Женщина, у которой развилась зависимость от каких-то препаратов, в глубине души слышит голоса старших сестер: "Нет! Ни в коем случае! Это вредно для души и для тела. Мы отказываемся это принимать". Но желание обрести рай толкает эту женщину на брак с Синей Бородой, который рекламирует полеты к высотам духа.

С какой бы дилеммой женщина ни сталкивалась, звучащие в душе голоса старших сестер продолжают взывать к ее сознанию, убеждая делать обдуманный выбор. Эти голоса напоминают нам об истинах, которые женщина чаще всего не хочет услышать, ибо они положат конец ее фантазиям об обретенном рае.

Итак, происходит роковое бракосочетание, соединение милой наивности и жестокой тьмы. Когда Синяя Борода уезжает, юная женщина не понимает: хотя ей позволено делать все, что она пожелает, – за одним-единственным исключением, – жизнь ее стала еще менее свободной. Многие женщины живут точь-в-точь по сказке о Синей Бороде. Выходят замуж юными и наивными, не ведая о хищниках, и выбирают губительного для их жизни человека. Они полны решимости "исцелить" его своей любовью. Они как будто играют в семейную жизнь. Они, можно сказать, твердят одно и то же: "На самом деле его борода не такая уж синяя".

В конце концов женщина, попавшая в такую западню, увидит, как ее надежды обеспечить пристойную жизнь себе и своим детям тают как дым, и тогда она откроет дверь в комнату, где скрыта вся погибель ее жизни. Хотя это может быть и ее реальный партнер, и фактически именно он омрачает и разрушает ее жизнь, но врожденный хищник, обитающий в ее душе, действует с ним заодно. До тех пор, пока женщина вынуждена думать, что она бессильна, и/или по заученной привычке намеренно не замечать многих вещей, будучи уверена, что там все в порядке, женские импульсы и дары ее души продолжают гибнуть.

Когда юная душа сочетается браком с хищником, она томится в плену или в жестких границах в ту пору своей жизни, которая должна была стать порой ее расцвета. Вместо того чтобы жить на воле, она начинает жить во лжи. Хищник лживо пообещал женщине, что она будет жить как царица, хотя на самом деле замыслил ее убить. Из этого положения есть выход, но нужно иметь ключ.

Ключ к знанию: важность вынюхивания

Да, тот самый маленький ключик. Это он помогает проникнуть в тайну, которую знают все женщины и которой все же не знают. Этот ключ символизирует разрешение познать самые потаенные, самые темные тайны души, в данном случае – то, что бездумно ослабляет и губит женский потенциал.

Продолжая осуществлять свой губительный план, Синяя Борода провоцирует жену поставить под угрозу ее собственную душу. "Делай что пожелаешь", – говорит он, поощряя ее пережить ложное чувство свободы. Он внушает ей, что она вольна отдыхать и резвиться на фоне буколических пейзажей, по крайней мере в пределах его владений. На самом же деле она не свободна, потому что вынуждена не замечать зловещие знаки, изобличающие хищника, даже если в глубине души уже прекрасно понимает, в чем дело.

Наивная женщина безропотно соглашается пребывать в неведении. Легковерные женщины или те, чьи инстинкты повреждены, склонны, как цветы, поворачиваться в том направлении, где покажется солнце. Поэтому наивную или травмированную женщину легко соблазнить, посулив возвысить ее в глазах родных или сверстников или пообещав полную защищенность, вечную любовь, захватывающие приключения или страстный секс.

Синяя Борода запрещает своей юной жене пользоваться одним-единственным ключом – тем, что приведет ее в сознание. Запрет пользоваться ключом к сознательному постижению собственной самости обнажает ее интуитивную природу, ее естественное инстинктивное любопытство, и это позволяет ей обнаружить то, что скрыто под очевидным и за ним. Без такого знания у женщины нет надлежащей защиты. Старательно выполнять приказ Синей Бороды и не воспользоваться ключом – значит выбрать смерть духа. Предпочесть открыть дверь в страшную потайную комнату – значит выбрать жизнь.

В сказке старшие сестры приходят навестить младшую, и "они, как все смертные, очень любопытны". Жена Синей Бороды весело говорит им: "Мы можем делать все, что пожелаем, кроме одной-единственной вещи". Сестры решают поиграть в игру: найти, к какой двери подходит маленький ключик. Они снова проявляют верный импульс к сознанию.

Некоторые ученые-психологи, в том числе Фрейд и Беттельгейм, интерпретируют эпизоды вроде этого, из сказки о Синей Бороде, как психологическое наказание за женское любопытство к вопросам пола [4]. В ранних теориях классической психологии женскому любопытству давалась отрицательная оценка, тогда как обладающие таким же качеством мужчины назывались любознательными. Про женщин говорили, что они повсюду суют свой нос, а про мужчин – что они обладают пытливым умом. В действительности опошление женского любопытства до такой степени, что оно кажется не более чем несносным подглядыванием, отрицает женскую интуицию, предчувствия, прозорливость, отрицает все чувства женщины. Оно старается подорвать ее самые главные способности: различать и анализировать.

Поэтому, если учесть, что женщины, еще не открывшие запретную дверь, склонны стать женщинами, которые сами идут в руки Синей Бороде, то это счастье, что старшие сестры в совершенстве обладают необходимым первозданным инстинктом любопытства. Это призрачные женщины в душе каждой из нас, это шепоты и окрики внутреннего голоса: они взывают к нашему здравому уму и твердой памяти. Важно найти маленькую дверь, важно не послушаться приказа хищника, но самое главное – выяснить, что же такого особенного в этой единственной в своем роде комнате.

На протяжении веков разные народы делали двери из камня и дерева и думали, что дух камня или дерева продолжает жить в двери, а потому призывали его в качестве хранителя помещения. В древности большинство дверей вело в гробницы, а не в жилые дома, и сам образ двери строился на том, что внутри заключена некая духовная ценность или нечто такое, что следует охранять.

В сказке дверь символизирует душевный барьер, нечто вроде часового, поставленного перед тайной. Этот страж снова напоминает нам, что хищник слывет чародеем – это психическая сила, которая, как по волшебству, вертит нами и запутывает нас, мешая узнать то, что мы уже знаем. Женщины укрепляют этот барьер или эту дверь, когда уговаривают себя или друг друга не задумываться или не забираться слишком глубоко, потому что "лучшее враг хоро-

шего". Чтобы сломать этот барьер, нужно нанести правильный волшебный контрудар. И такое волшебство мы находим в символе ключа.

Задать нужный вопрос – вот главное преображающее действие в волшебной сказке, в анализе и в развитии личности. Ключевой вопрос вызывает рост сознания. Правильно поставленный вопрос всегда вытекает из законного любопытства по поводу того, что от нас скрыто. Вопросы – те же ключи, которые заставляют открыться потаенные двери души.

Хотя сестры не знают, что лежит за дверью, сокровище или пустяк, они призывают на помощь свои здоровые инстинкты, чтобы задать единственный психологически точный вопрос: "Как ты думаешь, куда ведет эта дверь и что может за ней находиться?"

Именно в этот миг наивное естество начинает взрослеть, начинает вопрошать: "Что кроется за видимостью? Что является источником тени, которая маячит на стене?" Наивное юное естество начинает понимать: если есть нечто тайное, нечто скрытое, нечто запретное, то необходимо в него заглянуть. Те, кто стремится развить сознание, исследуют то, что таится за легко заметным: незримое щебетанье, затуманенное окно, жалобно скрипнувшую дверь, полоска света над порогом. Они исследуют эти тайны, пока перед ними не откроется суть дела.

Способность вытерпеть увиденное позволяет женщине вернуться к своей сокровенной природе и получить в ней опору для всех своих мыслей, чувств и поступков.

Жених-зверь

Поэтому, хотя юная женщина пытается выполнять приказы хищника и соглашается оставаться в неведении относительно тайны подвала, она способна продержаться не так уж долго. В конце концов она вставляет ключ в дверь – ставит вопрос – и обнаруживает в какой-то части своей глубинной жизни кровавые останки. А ключ, этот крошечный символ ее жизни, неожиданно не желает унять кровь, не желает унять крик: что-то не так! Женщина может попытаться скрыться от опустошительных жизненных бурь, но кровотечение, потеря энергии будут продолжаться, пока она не узнает в хищнике хищника и не отразит его натиск.

Когда женщина открывает дверь своей жизни и обнаруживает там, в глубине, гору трупов, она чаще всего понимает, что допускала массовые убийства своих самых важных мечтаний, целей и надежд. Она находит безжизненные мысли, чувства и желания – когда-то яркие и многообещающие, а теперь обескровленные. С чем бы ни были связаны эти мечты и надежды: с жаждой любви, успеха или художественного творчества, – ясно одно: когда в душе обнаруживается столь страшная находка, мы можем быть уверены, что природный хищник, который в сновидениях часто принимает образ жениха-зверя, работает, методично уничтожая наши самые дорогие желания, представления и надежды.

В сказках образ жениха-зверя – распространенный мотив, который можно понимать как символ зла, маскирующегося под добро. Это или какое-то сходное качество присутствует, когда женщина имеет наивные представления о чем бы то ни было. Когда женщина пытается не видеть фактов собственного опустошения, ее ночные сны могут посылать ей предупреждения – предупреждения и призывы: "Проснись!", "Зови на помощь!", "Спасайся!" или "Иди и убей!".

За годы моей практики я познакомилась со многими женскими снами, в которых присутствовал образ жениха-зверя или ощущение "все не так хорошо, как кажется". Одной женщине приснился красивый, обаятельный мужчина, но, опустив взгляд, он увидела, что у него из рукава вылезает моток страшной колючей проволоки. Другой женщине приснилось, что она помогает старичку перейти улицу, и вдруг старичок коварно ухмыляется и превращается в пар, причиняя ей сильный ожог. Еще одной женщине приснилось, что она обедает с неизвестным другом, и его вилка, перелетев через стол, смертельно ее ранит.

Такая неспособность видеть, понимать, замечать, что наши внутренние желания не совпадают с нашими внешними действиями, – след, оставленный женихом-зверем. Присутствие в душе этого фактора объясняет, почему женщины, которые говорят, что хотели бы прочных отношений, делают все возможное, чтобы оттолкнуть любящего человека. Вот почему женщины, запланировав к такому-то времени быть в пункте А, В или С, так и не удосуживаются проделать даже первый этап маршрута или отказываются от свой цели при первой же трудности. Вот откуда все проволочки, из-за которых мы становимся сами себе ненавистны, все постыдные ощущения, которые мы заталкиваем подальше, вот почему все новые начинания, так отчаянно нужные нам, и все долгожданные свершения никогда не сбываются. Повсюду, где шныряет и делает свое дело хищник, все разлаживается, разваливается и обезглавливается.

Жених-зверь – широко распространенный символ сказок, общая сюжетная линия которых развивается примерно так: какой-то странный человек ухаживает за девушкой, которая соглашается стать его невестой, но за несколько дней до свадьбы уходит на прогулку в лес, сбивается с пути, а когда смеркается, забирается на дерево, чтобы уберечься от хищников. Пережидая ночь, она видит своего нареченного с лопатой на плече. Ей кажется, что в будущем женихе есть что-то не совсем человеческое: иногда это странной формы ступня, рука, кисть или волосы, которые ни на что не похожи и выдают его с головой.

Он начинает рыть могилу как раз под тем деревом, на котором она сидит, приговаривая и напевая, как он убьет свою очередную жену и похоронит в этой могиле. Перепуганная девушка всю ночь прячется, а утром, когда ее будущий муж уходит, бежит домой, рассказывает все отцу и братьям, мужчины хватают жениха-оборотня и убивают.

Это мощный архетипический процесс, происходящий в женской душе. Женщина достаточно восприимчива и, хотя вначале она сама соглашается вступить в брак с этим природным хищником, пожирателем души, хотя она тоже проходит через период блуждания в закоулках души, в конце она вырывается на волю, ибо способна увидеть во всем этом истину, способна сохранить ее в сознании и совершить действие, которое позволит решить задачу.

И тогда очередь за следующим шагом, еще более трудным – выдержать то, что видишь, все свое саморазрушение и омертвение.

Запах крови

В сказке сестры захлопывают дверь в комнату, где совершались убийства. Юная жена в ужасе видит выступившую на ключе кровь, «Я должна во что бы то ни стало оттереть кровь, иначе он узнает!» – причитает она.

Теперь наивная личность знает о смертоносной силе, свободно обитающей в душе. И кровь на ключе – это женская кровь. Будь это только кровь принесенных в жертву легкомысленных фантазий, на ключе осталось бы едва заметное пятнышко. Но дело куда серьезнее, потому что кровь здесь символизирует гибель самых глубоких и задушевных аспектов творческой жизни женщины.

В таком состоянии женщина утрачивает способность к творчеству как при решении повседневных жизненных вопросов, связанных, скажем, с учебой в институте, с семьей, с дружескими отношениями, так и при столкновении с настойчивыми вопросами более широкого мира или с проблемами духовности: ее личного развития, ее жизни в искусстве. И это не обычные проволочки, ибо такое состояние затягивается на недели и даже месяцы. Женщина кажется подавленной: она может быть полна идей, но совершенно обескровлена и все менее и менее способна эти идеи осуществить.

В этой сказке кровь – не менструальная кровь, но артериальная, кровь души. Она не только пятнает ключ, но и заливает всю героиню, персону. Кровью запятнано надетое на ней

платье и все наряды в ее шкафу. В архетипической психологии одежда может олицетворять внешнее присутствие. Персона – это маска, которую человек показывает миру. Она многое скрывает. Скрыв душу под удачными накладками и личинами, и мужчина, и женщина могут явить миру почти совершенную персону, почти совершенный фасад.

Когда плачущий кровавыми слезами ключ – вопиющий вопрос – пятнает наши персоны, мы уже больше не можем скрывать свои муки. Мы можем говорить все что угодно, изображать сияющий улыбками фасад, но, узрев потрясающую истину комнаты, где совершались убийства, мы больше не можем притворяться, что ее не существует. И вид истины заставляет нас все сильнее истекать энергией. Это мучительно, это разрывает наши артерии. Необходимо постараться немедленно исправить это ужасное положение.

Итак, в этой сказке ключ также действует как вместилище – вместилище крови, то есть того, что человек видел и знает. Для женщин ключ всегда символизирует проникновение в тайну или в знание. В других сказках символический ключ часто выражен словами – например, "Сезам, откройся", с которыми Али-Баба обращается к дикой горе, заставляя ее с грохотом открыться и впустить его внутрь. Еще более яркий пример можно увидеть в диснеевском фильме "Золушка": стоит фее-крестной проворковать "Биббити-боббити-бу!", как тыква превращается в карету, а мыши в лакеев.

В элевсинских мистериях ключ был скрыт в языке, который подразумевает суть дела, ключ, след, и мог быть обнаружен в особом наборе слов или в ключевых вопросах. А вопросы, которые больше всего нужны женщинам в ситуациях, похожих на описанную в сказке о Синей Бороде, таковы: "Что скрывается за очевидным?", "Что не такое, каким кажется?", "Что я знаю в глубине своих овариос такое, чего предпочла бы не знать?", "Какая часть меня убита или лежит на смертном одре?".

Любой из них и все они – ключи. И если женщина жила полумертвой жизнью, очень может быть, что ответы на эти четыре вопроса будут запятнаны кровью. Убийственный аспект души, часть работы которого – следить, чтобы сознание не возникало, будет время от времени утверждать себя, искореняя или отравляя любую новую поросль. Такова его природа. Такова его работа.

Поэтому здесь есть и положительный смысл: ведь только постоянно выступающая на ключе кровь заставляет душу усвоить увиденное. Вы же знаете: мы по природе своей склонны вычеркивать из памяти все дурное и болезненное, что происходит в нашей жизни. Наверняка эго-цензор захочет забыть, что видело комнату, видело трупы. Вот почему жена Синей Бороды пытается оттереть ключ конским волосом. Она пробует все известные в женской народной медицине средства от ссадин и глубоких ран: паутину, золу и огонь, связанные с парками, прядущими и обрезающими нить жизни. Однако ей не удается ни осушить ключ, ни остановить кровотечение, сделав вид, что его не существует. Она не может остановить сочащуюся из маленького ключика кровь. Парадоксально, но по мере того как ее прежняя жизнь умирает и даже лучшие средства не могут скрыть этот факт, она пробуждается к пониманию своей кровопотери и, следовательно, начинает жить.

Прежняя наивная женщина должна осознать, что происходит. Убивая своих "любопытных" жен, Синяя Борода убивает женское творческое начало, тот потенциал, из которого развиваются разнообразные возможности новой, интересной жизни. Хищник особенно агрессивен, преследуя первозданную женскую природу. Он стремится как минимум унизить, а то и обрубить связь женщины с ее интуицией и вдохновением, добравшись до самих ее истоков.

Еще одна моя пациентка, интеллигентная и одаренная женщина, рассказала мне о своей бабушке, жившей на Среднем Западе. Вот как та представляла себе по-настоящему приятное времяпрепровождение: сесть на поезд до Чикаго, надеть шляпу с большими полями и прогуливаться по Мичиган-авеню, любуясь витринами и изображая из себя важную даму. Однако судьба распорядилась так, что она вышла замуж за фермера. Они поселились посреди бескрай-

них полей, и она стала прозябать в своем хорошеньком деревенском домике, хотя и дом был замечательный, и муж, и дети были замечательные. Но теперь У нее уже не было времени на ту "легкомысленную" жизнь, которую она вела раньше: слишком много ребятишек, слишком много женской работы.

Прошли годы, и вот однажды, вымыв полы в кухне и в гостиной, она надела свою лучшую шелковую блузку, застегнула на все пуговицы длинную юбку и пришпилила булавкой шляпу с большими полями. Потом вставила в рот дуло мужниного дробовика и нажала на спуск. Каждая женщина на земле поймет, почему она сначала вымыла полы.

Изголодавшаяся душа может болеть так, что нет больше сил терпеть. Ведь у женщин есть насущная потребность выражать себя в движениях души, женщины должны развиваться и цвести так, как это представляется разумным им самим, и без какого-либо понуждения со стороны. В этом смысле можно сказать, что окровавленный ключ также символизирует предшествующие поколения женщин по материнской линии. Кто из нас не знает хотя бы одной женщины, которую любили и которая утратила инстинкт, позволяющий сделать правильный выбор, и из-за этого вынуждена вести убогую жизнь или того хуже? А может быть, эта женщина – вы сами?

Один из наименее обсуждаемых вопросов индивидуации таков: когда направляешь яркий луч света в глубины души, неподвластные ему тени становятся еще темнее. Поэтому, когда мы освещаем какую-то часть души, в итоге возникает еще более густой мрак, с которым предстоит сражаться. Этот мрак нельзя оставить на произвол судьбы. Ключ, вопросы невозможно спрятать или забыть. Необходимо их задать. Необходимо получить на них ответы.

Чем глубже работа, тем гуще мрак. Храбрая женщина, чья мудрость прибывает, возделает даже самый тощий участок души: ведь если она будет строить только на лучших участках, то ее взгляд сможет охватить лишь ничтожную часть того, чем она является. Поэтому не бойтесь исследовать самое худшее. Это только гарантирует возрастание душевной силы за счет новых откровений и возможность заново обозреть свою жизнь и самое себя.

Именно при таком возделывании душевной почвы возникает проблеск Дикой Женщины. Она не боится самой темной тьмы – в сущности, Она умеет видеть в темноте. Она не боится падали, отбросов, разложения, смрада, крови, голых костей, умирающих девушек и мужей-убийц. Она умеет видеть все это, воспринять и прийти на помощь. Именно этому учится младшая сестра в сказке о Синей Бороде.

В самом положительном смысле скелеты в запертой комнате олицетворяют несгибаемую силу женского начала. С точки зрения архетипа, кости символизируют то, что невозможно уничтожить. Сказки, в которых фигурируют кости, повествуют о чем-то таком в нашей душе, что трудно разрушить. И из всего, чем мы владеем, меньше всего поддается уничтожению сама душа.

Когда мы говорим о женской сути, мы в действительности говорим о женской душе. Когда мы говорим о брошенных в подвале трупах, мы говорим о чем-то таком, что произошло с силами души, и все же, хотя ее внешняя жизнеспособность отнята, хотя у нее по существу отнята жизнь, она не уничтожена до конца. Она способна возродиться.

Она возвращается к жизни благодаря юной женщине и ее сестрам, которые в конце концов оказываются способными сломать старые рамки неведения, заметить ужасное и не отвести взгляд. Они способны увидеть и вынести увиденное.

Здесь мы снова попадаем туда, где обитает La Loba, в архетипическую пещеру костяной женщины. Перед нами останки того, что некогда было целостной женщиной. Однако в отличие от цикличных аспектов жизни и смерти, присущих архетипу Дикой Женщины, которая берет жизнь на грани смерти, выхаживает ее и отправляет обратно в мир, Синяя Борода только убивает и расчленяет женщину, пока от нее не останутся одни кости. Он не оставляет ей ни красоты, ни любви, ни индивидуальности, а значит, не оставляет способности действовать в

собственных интересах. Чтобы исправить такое положение, мы, женщины, должны взглянуть на то убийственное, что завладело нами; увидеть результат его страшной работы; осознать, запомнить и сохранить в сознании; а потом действовать в своих, а не в его интересах.

Подвал, темница и пещера – символы, тесно связанные между собой. С древних времен это – места, где проводились посвящения; места, в которые или через которые женщина нисходит к убитым или убитому, нарушает табу во имя обретения истины и смекалкой и/или тяжким трудом одерживает победу, изгоняя, преображая или уничтожая убийцу души. Сказка о Синей Бороде намечает работу для нас, сопровождая ее ясными наставлениями: отыскать трупы, следовать своим инстинктам, видеть то, что видишь, призвать на помощь душевную силу, уничтожить разрушительную энергию.

Не обращая внимания на собственное омертвение и гибель, женщина покорно выполняет приказы хищника. Открыв же в душе ту комнату, которая показывает, насколько она мертва, насколько погублена, она видит, что разные части ее женской природы и инстинктивной души были убиты и безропотно умерли за богатым фасадом. Теперь, когда она это видит, когда понимает, что находится в плену и что вся ее душевная жизнь поставлена на карту, она может утвердить себя еще прочнее.

Петлять и запутывать следы

Петлять и запутывать следы – это термины, описывающие поведение животного, которое, чтобы скрыться, ныряет под землю, а потом выскакивает у хищника за спиной. Именно такой психический маневр предпринимает жена Синей Бороды, чтобы вернуть утраченную власть над собственной жизнью.

Обнаружив поступок жены, который он расценивает как обман, Синяя Борода хватает ее за волосы и тащит вниз по лестнице. "Пришел твой черед!" – рычит он. Убийственный элемент бессознательного восстает и угрожает уничтожить сознательную женщину.

Анализ, толкование снов, самопознание, поиски себя – ко всему этому прибегают потому, что это способы, помогающие петлять и запутывать следы. Это способы, дающие возможность нырнуть и, выскочив позади проблемы, увидеть ее в иной перспективе. Если нет способности видеть, видеть по-настоящему, то все усвоенное об эго-Я и божественном Я, ускользает.

В сказке о Синей Бороде душа уже старается спастись от смерти. Утратив наивность, она стала хитрой: она просит дать ей время прийти в себя, иными словами, время, чтобы собраться перед решающей схваткой. Во внешней реальности мы видим женщин, которые тоже замышляют побег, будь то бегство от прежнего разрушительного образа жизни, любовника или занятия. Прежде чем совершить внешнюю перемену, она берет отсрочку, тянет время, вырабатывает стратегию и внутренне собирается с силой. Иногда именно такая грозная опасность, исходящая от хищника, побуждает женщину превратиться из кроткой лани в зоркое и бдительное существо.

Так получается, что оба аспекта души – хищник и новая возможность – достигают точки кипения. Когда женщина понимает, что и во внешнем мире и во внутреннем она стала жертвой хищника, ей едва удается вынести такой удар. Он подрубает корень ее сердечной сущности, и женщина, находясь в безвыходном положении, решает покончить с этой хищной силой.

Тем времени комплекс хищника приходит в ярость оттого, что женщина тайком открыла запретную дверь; он деловито совершает обход, стараясь перекрыть ей все пути бегства. Эта разрушительная сила становится смертельно опасной: она заявляет, что женщина нарушила святая святых и теперь должна умереть.

Когда оба противоборствующих аспекта женской души достигают точки воспламенения, женщина может ощущать невероятную усталость, потому что ее либидо утекает в двух проти-

воположных направлениях. Но даже если женщина смертельно устала от ничтожных конфликтов, какими бы они ни были, даже если изголодалась душой, все равно она должна думать о спасении, все равно должна любыми средствами заставить себя бежать. Жить в такой критический период – все равно что ночью и днем находиться на холоде. Чтобы выжить, необходимо не поддаваться усталости. Уснуть в такое время – значит обречь себя на верную смерть.

Это самое глубокое посвящение – посвящение, которое открывает женщине свойственные ей инстинктивные чувства, помогающие обнаружить и изгнать хищника. Это миг, когда женщина-пленница меняет статус жертвы на статус хитроумного, востроглазого, алертного существа. Это время, когда ей почти сверхчеловеческими усилиями удается подвигнуть смертельно усталую душу на последний рывок. Ключевые вопросы продолжают помогать, потому что ключ продолжает ронять мудрую кровь как раз в то время, когда хищник пресек доступ к осознанию. Его маниакальный приговор гласит: "Умри за осознание". В ответ она должна заставить его поверить, что является покорной жертвой, а сама в это время придумать, как в ним разделаться.

Говорят, что у животных существует загадочный танец души, исполняемый хищником и его жертвой. Если жертва смиренно отведет взгляд или вздрогнет, от чего по ее шкуре пробежит рябь, это значит, что она признает свою слабость и согласна стать добычей хищника.

Есть время дрожать и спасаться бегством, но бывает и время действовать иначе. В это критическое время женщина не должна содрогаться и унижаться. То, что жена Синей Бороды умоляет дать ей время, чтобы прийти в себя, не является знаком ее покорности хищнику. Это ее хитрая уловка, позволяющая собраться с силами. Как и некоторые лесные твари, она готовится дать хищнику ожесточенный бой. Она ныряет под землю, чтобы ускользнуть от преследователя, а потом неожиданно появляется за его спиной.

Подать голос

Когда Синяя Борода зовет жену, а она тянет драгоценное время, женщина таким образом пытается собрать энергию, чтобы справиться со своим преследователем, будь он одинок или в союзе с разрушительной религией, мужем, семьей, культурой или с ее собственными губительными комплексами. Жена Синей Бороды умоляет о пощаде, но делает это с умом:

– Прошу тебя, – шепчет она, – позволь мне приготовиться к смерти.

– Ладно, – рычит он, – только поторопись.

Юная женщина призывает душевных братьев. Каким сторонам женской души они соответствуют? Это самые сильные, самые по природе своей агрессивные движители души. Они олицетворяют ту женскую силу, которая действует, когда приходит время убить пагубные импульсы. Хотя здесь это качество изображают персонажи мужского пола, для этого могут подойти существа любого пола, а также бесполые силы: гора, встающая преградой перед преследователем, или солнце, которое на миг сходит с небес, чтобы спалить убийцу дотла.

Жена Синей Бороды мчится по лестнице наверх в свою комнату и посылает сестер на сторожевые башни. "Поглядите, не едут ли наши братья!" – кричит она сестрам. А сестры отзываются, что пока никого не видно. Когда Синяя Борода кричит, чтобы жена спускалась в подвал, где он отрубит ей голову, она снова кричит: "Поглядите, не едут ли наши братья!" А сестры отзываются, что, наверное, это вихрь или пыльная буря виднеется вдали.

Здесь перед нами весь сценарий подъема женской душевной силы. На этой последней стадии посвящения ее сестры – более мудрые – играют главные роли: они становятся ее глазами. Крик женщины летит через просторы души в далекий край, где живут ее братья – те силы души, которые воспитаны для боев, для того, чтобы биться не на жизнь, а на смерть. Но

поначалу защитные силы души находятся не так близко к сознанию, как было бы нужно. У многих женщин боевой и воинственный дух не так близок к сознанию, как следовало бы.

Женщина должна научиться мобилизовать или призывать свою агрессивную природу, те качества, которые роднят ее с вихрем, с пыльной бурей. Вихрь – это символ главной движущей силы, той решимости, которая, если ее сосредоточить, а не распылять, придает женщине колоссальную энергию. Имея наготове такой гневный настрой, она не потеряет сознание и не позволит себя похоронить вместе со своими предшественницами. Она раз и навсегда решит проблему внутреннего женоубийства, утраты либидо, утраты желания жить. Ключевые вопросы помогают женщине открыть дверь и развязать руки, что необходимо для освобождения, но без вмешательства вооруженных мечами братьев она не смогла бы одержать полную победу.

Синяя Борода настойчиво зовет жену и начинает подниматься по каменным ступеням. "А теперь, теперь вы их видите?" – кричит его жена сестрам. "Да, – отзываются они, – теперь мы их видим, они совсем близко". Братья скачут на конях по коридору. Они врываются в комнату сестры и волокут Синюю Бороду во двор. Там они убивают его мечами, а останки бросают пожирателям падали.

Когда женщины оправляются от былой наивности, они приносят с собой и для себя нечто ранее неведомое. В данном случае женщина, ставшая более умудренной, призывает на помощь внутреннюю мужскую энергию. В психологии Юнга этот элемент носит название анимус – почти искорененный, отчасти инстинктивный, отчасти культурно приобретенный элемент женской души, который в сказках и символах сновидений проявляется в виде сына, мужа, незнакомца и/или возлюбленного; иногда, в зависимости от душевных обстоятельств конкретного момента, он может быть настроен враждебно. Этот образ души особенно ценен, ибо наделен качествами, которые в женщинах традиционно искореняются, и одно из самых распространенных из них – агрессия.

Если эта присущая противоположному полу природа здорова – что символизируют братья в сказке "Синяя Борода", – то она любит женщину, в душе которой обитает. Именно эта душевная энергия позволяет ей добиться всего, что она пожелает. Если мужское начало обладает душевной силой, то женскому могут быть присущи другие достоинства. Мужское начало поможет ей и поддержит ее в поисках осознания. Для многих женщин такой аспект, свойственный противоположному полу, становится мостом между миром внутренних мыслей и чувств и внешним миром.

Чем сильнее, целостнее и обширнее анимус (считайте анимус мостом), тем более непринужденно, с большим талантом и вкусом женщина конкретно выражает во внешнем мире свои идеи и творческие замыслы. Если анимус у женщины недоразвит, то у нее может возникать множество мыслей и идей, но она не способна выразить их во внешнем мире. Ей всегда недостает способности организовать или осуществить свои замечательные замыслы.

Братья олицетворяют благодать силы и действия. Благодаря им под занавес происходит несколько событий: одно из них заключается в том, что в женской душе нейтрализована огромная и губительная сила хищника, второе – в том, что на место женщины с наивными глазами приходит женщина с бдительным взглядом, а третье – что теперь у нее со всех сторон есть защитники, готовые прийти на помощь по первому зову.

Пожиратели греха

«Синяя Борода» – это во всех отношениях «пронзительная» история о разделении и воссоединении. В конце сказки труп Синей Бороды оставляют на съедение хищным птицам и зверям. Здесь мы имеем дело с очень странным, мистическим финалом. В старину существовали души, которые именовались пожирателями греха. Их олицетворяли духи, птицы или звери,

а иногда и люди, которые, вроде козла отпущения, брали на себя грехи, то есть психические отбросы общества, чтобы обеспечить людям очищение и избавление от скверны трудной или неправедно прожитой жизни.

Мы видели, что дикую природу человека может олицетворять Та, кто находит мертвых, Та, кто поет над костями мертвых, возвращая их к жизни. Эта функция Жизни-Смерти-Жизни – главный атрибут инстинктивной природы женщины. Сходным образом, в скандинавской мифологии пожиратели греха – это пожиратели падали: они поедают мертвых, вынашивают их в своих животах и приносят Хель, богине жизни и смерти. Она учит мертвых проживать жизнь от конца к началу. Они молодеют и молодеют, пока не становятся готовы снова родиться и обрести освобождение в новой жизни.

Такое пожирание грехов и грешников, их последующее вынашивание и высвобождение в новую жизнь составляет процесс индивидуации самых низменных аспектов души. В этом смысле правильно и справедливо, что энергия черпается из хищнических элементов души, что их, так сказать, убивают, лишают силы. Таким образом их можно вернуть сострадательной Матери Жизни-Смерти-Жизни, чтобы она преобразила их и снова выпустила в свет – будем надеяться, в менее агрессивном обличье.

Многие ученые, исследовавшие эту сказку, считают, что Синяя Борода символизирует силу, для которой искупление невозможно [5]. Я же чувствую, что Для этого аспекта души существует дополнительная перспектива – не преображение серийного убийцы в мистера Чипса, [18] а, скорее, нечто вроде лечебницы для душевнобольных, только пристойной, где можно видеть небо и деревья, где хорошо кормят и, может быть, даже используют музыку в качестве успокаивающего средства, но не изгоняют на окраины души для мучений и унижений.

С другой стороны, я не хочу сказать, что нет такого явления, как очевидное и неискупимое зло, поскольку оно действительно существует. Во все времена существовало мистическое представление, что любая человеческая работа, направленная на индивидуацию, попутно высветляет тьму в коллективном бессознательном всех людей – именно в том месте, где обитает хищник. Юнг как-то сказал, что Бог стал более сознательным [6], потому что люди стали более сознательными. Он утверждал, что люди, выпуская своих личных демонов на дневной свет, становятся причиной того, что свет падает на темную сторону Бога.

Я не хочу сказать, что знаю, как это все работает, но, если следовать архетипической модели, это выглядит и работает примерно так: вместо того чтобы осуждать обитающего в душе хищника или убегать от него, мы его уничтожаем. Чтобы это сделать, мы не позволяем себе уничижительных мыслей о жизни своей души и, особенно, о собственной значимости. Мы ловим оскорбительные мысли, прежде чем они вырастают настолько, чтобы причинить нам вред, и уничтожаем.

Мы уничтожаем хищника, противопоставляя его обличениям собственные питательные истины.

Хищник: Ты никогда не завершаешь начатого.

Вы: Я многое завершаю.

Мы отражаем нападки природного хищника, принимая во внимание то справедливое, что содержится в его словах, и работая над ним, а остальное отбрасываем.

Мы уничтожаем хищника, развивая интуицию и инстинкты и не поддаваясь на соблазны противника. Если бы нам пришлось перечислить все свои потери, вплоть до сегодняшнего дня, припомнить моменты, когда мы переживали разочарование, когда были не в силах вынести мучения, когда лелеяли сладкие, сентиментальные фантазии, мы бы поняли, что именно это и есть уязвимые места нашей души. Именно к этим голодным и обездоленным ее частям обра-

[18] Добропорядочный педант, персонаж фильма «Прощайте, мистер Чипс».

щается хищник, чтобы скрыть тот факт, что его единственное намерение – уволочь вас в подвал и, как кровь, перелить себе вашу энергию.

В финале сказки о Синей Бороде его кости и жилы бросают хищным птицам. Это позволяет нам ясно увидеть преображение хищника. Вот последняя задача женщины в этой сказке: предоставить природе Жизни-Смерти-Жизни подобрать расчлененного хищника, чтобы потом его выносить, преобразить и выпустить обратно в жизнь.

Если мы отказываемся ублажать хищника, он лишается своей силы и не способен действовать без нас. В сущности, мы загоняем его в тот слой души, где все творение еще пребывает в бесформенном виде, и пусть себе булькает в этой эфирной похлебке, пока мы не подыщем для него форму – наилучшую оболочку, которую он сможет занять. Если очистить душевную одержимость хищника, можно будет, придав ей новую форму, использовать ее для других целей. Тогда мы становимся творцами, и это исходное вещество становится сырьем для нашего творчества.

Женщины обнаруживают, что, победив хищника, взяв от него все полезное и отбросив остальное, они наливаются силой, радостью жизни и задором. Они получили от хищника то, что было у них украдено: энергию и сущность. Если мы берем энергию хищника и превращаем ее во что-то полезное, это можно понимать так: ярость хищника можно претворить в огонь души, помогающий вершить великие дела. Хитрость хищника можно использовать для того, чтобы следить издали и понимать с первого взгляда. Свойственную хищнику природу убийцы можно использовать, чтобы убить то, что в жизни женщины должно отмереть само, или то, для чего она должна умереть в своей внешней жизни, – в разное время это могут быть самые разные вещи. Как правило, женщина сама безошибочно знает, что это такое.

Использовать части Синей Бороды – все равно что взять целебные части ядовитого паслена или белладонны и осмотрительно использовать это сырье для лечения и помощи. Тогда оставшийся от хищника прах снова восстанет, но уже в значительно уменьшенном, гораздо более узнаваемом виде и куда менее способным обманывать и уничтожать, ведь вы лишили его многих качеств, которые он направлял на разрушение, и дали им полезное и уместное применение.

Я считаю, что "Синяя Борода" – одна из тех немногих сказок-притч, которые особенно важны для женщин юных – не обязательно годами, но какой-то частью души. Это притча о душевной наивности, но еще и о том, как отважно нарушить запрет "не смотреть". Это притча о том, как окончательно победить и использовать обитающего в душе хищника.

Я убеждена, что задача этой сказки в том, чтобы снова привести внутреннюю жизнь в движение. Сказка о Синей Бороде – это лекарство, принимать которое особенно важно в тех случаях, когда внутренняя жизнь женщины испугана, стеснена или загнана в угол. Подсказанный в ней выход уменьшает страх, снижает выделение адреналина как раз тогда, когда это нужно, и, что важнее всего для пойманной в ловушку наивной самости, прорубает двери в стенах, которые прежде были глухими.

Может быть, самое главное – это то, что сказка о Синей Бороде дает сознанию психический ключ, способность задавать всевозможные вопросы о себе, о своей семье, о своих стремлениях и об окружающей жизни. Тогда, подобно дикому животному, которое, втягивая в себя воздух, обнюхивает предметы со всех сторон, чтобы выяснить, что они собой представляют, женщина обретает способность находить верные ответы на свои самые сокровенные и смутные вопросы. Она обретает способность отнять силы у того, что ей угрожает, и разумно и с пользой направить эти силы, некогда обращенные против нее, себе на благо.

Темный человек в женских снах

Обитающий в душе хищник встречается нам не только в сказках, но и в снах. Всем женщинам знаком сон-посвящение, который настолько универсален, что редкая женщина, дожив до двадцати пяти лет, не видела такого сна. Обычно он заставляет женщину проснуться, как от толчка, в смятении и тревоге.

Вот схема, по которой развивается этот сон. Спящая одна, часто у себя дома. На улице, в темноте, маячит подозрительная фигура – одна или несколько. Испуганная женщина набирает номер телефона [7] службы спасения, чтобы попросить о помощи. Вдруг она понимает, что темный человек уже в доме, совсем близко; возможно, она уже чувствует его дыхание; возможно, он даже прикасается к ней, а она все еще не может дозвониться в службу спасения. Спящая мгновенно просыпается, тяжело дыша, сердце стучит, как обезумевший барабан.

Снам о темном человеке сопутствуют сильные проявления на телесном уровне. Часто бывает, что, когда женщине снится такой сон, она потеет, бьется, хрипло дышит, сердце у нее колотится, иногда она кричит и стонет от страха. Можно подумать, что творец снов запоздал с тонкими посланиями и теперь шлет образы, которые сотрясают нервную систему спящей, таким способом напоминая о неотложности дела.

Обычно преследователи, действующие в таких снах о темном человеке, – это, выражаясь словами самих женщин, "террористы, насильники, бандиты, нацисты из концентрационных лагерей, грабители, убийцы, преступники, взломщики, плохие люди, воры". Есть несколько уровней толкования подобных снов в зависимости от жизненных обстоятельств и внутренних драм, которые окружают женщину.

Часто такой сон, например, указывает почти безошибочно на то, что сознание женщины – особенно если она очень молода – еще только начинает отдавать себе отчет в существовании врожденного хищника души. Такой сон может также быть предвестником: женщина только что обнаружила или вот-вот обнаружит забытую и плененную функцию души и начнет ее освобождать. Или же, при других обстоятельствах, этот сон свидетельствует о все более нестерпимой ситуации, складывающейся в обществе, вне личной жизни женщины, о ситуации, в которой ей нужно либо сражаться, либо спасаться бегством.

Давайте вначале рассмотрим субъективные мысли, присутствующие в этом мотиве, и то, как они соотносятся с личной и внутренней жизнью женщины. Сон о темном человеке рассказывает женщине о том, с какой неприятностью она столкнулась. Этот сон говорит о жестоком отношении к себе самой – это олицетворяет бандит из сна. Если женщина, по примеру жены Синей Бороды, сумеет сознательно поставить "ключевой" вопрос об этом и честно на него ответить, она сможет освободиться. Тогда грабители, тайные враги и хищники души будут докучать ей гораздо меньше. Они уберутся на дальний уровень бессознательного, и она сможет общаться с ними спокойно, а не в горячке.

Темный человек появляется в женских снах, когда неизбежна инициация – переход души с одного уровня знания и поведения на другой, более зрелый или более энергичный. Этот сон приходит и к тем, кому еще только предстоит пройти инициацию, и к ветеранам, пережившим не один ритуал перехода, ибо всегда есть новые инициации. Каков бы ни был возраст женщины, сколько бы лет ни прошло, впереди у нее еще много возрастов, много этапов и много "в первый раз". Именно в этом суть инициации: она образует переход, который мы готовимся преодолеть на пути к новому образу знания и бытия.

Сновидения – это портал, врата, подготовка и практика для перехода на новую ступень сознания, в "новый день" процесса индивидуации. Поэтому женщина может увидеть сон о хищнике, когда ее душевные обстоятельства слишком застойны или безмятежны. Можно сказать, что цель его – поднять бурю в душе, которая позволит выполнить какую-то работу, требую-

щую прилива энергии. Но подобный сон еще и утверждает, что жизни женщины необходима перемена, что там, где нужно сделать сложный выбор, женщину одолела тоска или пустота, что она медлит сделать следующий шаг, пройти следующий отрезок пути, что она не решается отбить у хищника свою собственную силу, что она не привыкла жить/действовать/бороться с азартом, в полную силу.

Кроме того, сны о темном человеке – это еще и тревожные сигналы. Они зовут нас: "Проснись! Обрати внимание! Что-то коренным образом разладилось во внешнем мире, в личной жизни или во внешней коллективной культуре". Теория классической психологии склонна огульно отказывать человеческой психике в какой бы то ни было связи с землей, на которой живут люди, в знании культурной этиологии болезней и тревожных состояний; она склонна также отделять психику от политики и жизни общества, формирующей внешнюю и внутреннюю жизнь людей, будто этот внешний мир не столь же сюрреалистичен, не столь же насыщен символами, не так же влияет и воздействует на жизнь души, как внутренняя болтовня. Страна, культурная и политическая среда, в которой мы живем, точно так же определяют психический ландшафт человека и в этом свете имеют такую же ценность, как и его субъективная среда.

Когда внешний мир вторгается в сокровенную жизнь души одного человека или многих, сны о темном человеке идут косяком. Я собрала очень яркие переживания, регистрируя сновидения женщин, на которых оказал влияние какой-нибудь разлад в обществе, например, у тех, кто живет неподалеку от ядовитого плавильного завода в Йорк-Сити [8], штат Айдахо; сновидения некоторых чрезвычайно сознательных женщин, активно участвующих в общественных выступлениях и защите окружающей среды, например, guerillas compagnems, боевых сестер из Квебрады, захолустья Центральной Америки [9], женщин из Cofradios des Santuarios [10] в Соединенных Штатах и защитниц гражданских прав в округе Латино [11]. Всем им часто снятся сны о темном человеке.

Похоже, что для наивных или не осознающих себя женщин эти сны, как правило, играют роль призыва к пробуждению: "Эй, будь начеку, ты в опасности!" А для тех женщин, которые вполне сознательны и участвуют в общественной деятельности, сны о темном человеке можно сравнить с тонизирующим средством, которое напоминает женщине о том, с чем она борется, побуждает ее быть сильной, бдительной и продолжать начатое дело.

Поэтому, когда женщина видит во сне обитающего в душе хищника, это не всегда и не только весть о ее внутренней жизни. Иногда это весть о какой-то опасной стороне общества, в котором она живет, будь то маленькое, но жестокое общество на службе, в собственной семье, в соседнем городке – или же широкое, включающее в себя всю религиозную общину или нацию. Как можно убедиться, у каждой группы, у каждого общества есть свой собственный врожденный хищник души, а из истории мы видим, что разным народам свойственны эпохи, с которыми этого хищника отождествляют, давая ему полную волю, пока не появится масса людей, которые думают иначе.

Если многие психологи подчеркивают влияние семьи как главную причину человеческого страха, то общественный компонент несет такую же нагрузку, ибо общество – семья семьи. Если семья семьи страдает разными болезнями, то и всем семьям этого общества придется бороться с теми же недугами. У моего народа есть поговорка: cultura cura, общество лечит. Если общество является лекарем, семьи тоже научатся лечить – в них будет меньше борьбы, больше стараний загладить вину, меньше обид и гораздо больше милосердия и любви. В обществе, где правит хищник, вся новая жизнь, которая должна народиться, вся старая жизнь, которая должна уйти, обездвижены, а душевная жизнь граждан скована страхом и духовным голодом.

Никто не может сказать уверенно, почему этот захватчик, который в женских снах чаще всего принимает облик агрессивного мужчины, стремится напасть на инстинктивную душу, в особенности на ее первозданные мудрые силы. Мы говорим, что это в порядке вещей. И все же

мы обнаруживаем, что этот разрушительный процесс усугубляется, когда окружающее общество поощряет, питает и защищает разрушительное отношение к глубинам инстинктивной и душевной природы. Таким путем эти разрушительные культурные ценности усиливаются в коллективной психике всех членов общества – к полному удовольствию хищника. Если общество призывает своих членов не доверять глубокой инстинктивной жизни и сторониться ее, хищный элемент, присущий душе каждого человека, набирает силу и скорость.

И все же даже в условиях общественного гнета, если в женщине продолжает жить, цвести и, может быть, даже сиять Первозданная Женщина, то "ключевые" вопросы будут заданы – и не только те, которые мы считаем полезными для того, чтобы заглянуть в себя, но и те, которые касаются нашего общества. "Что стоит за теми запретами, которые я наблюдаю во внешнем мире? Что хорошего или полезного в личности, обществе, земле, человеческой природе было убито или лежит при смерти?" Когда эти вопросы будут рассмотрены, женщина получит возможность действовать в соответствии с собственными способностями и талантами. Взять мир в руки и поступать с ним так, чтобы эти действия наполняли и укрепляли душу, – вот сильный поступок дикого духа.

Именно поэтому дикую женскую природу необходимо сохранять, а в некоторых случаях и чрезвычайно бдительно оберегать, чтобы ее внезапно не похитили и не задушили. Важно питать эту инстинктивную натуру, укрывать, растить, ибо даже при самых стесненных условиях общества, семьи или души в женщинах, которые сохранили связь с этой сокровенной и дикой инстинктивной природой, гораздо меньше скованности. Хотя женщине, которую держат в плену и/или обманом принуждают оставаться наивной и покорной, причиняют вред, она все же сохраняет достаточно энергии, чтобы одолеть тюремщика, ускользнуть от него, убежать и в итоге расчленить и использовать в собственных созидательных целях.

Есть один особый случай, когда у женщины возникает очень большая вероятность увидеть сны о темном незнакомце, – это время, когда ее внутренний творческий огонь начинает сам собой дымить и коптить, когда в запасе мало дров или когда с каждым днем слой пепла становится все толще, а котел остается пустым. Эти симптомы могут возникать даже если нам не занимать опыта, а также в том случае, когда мы впервые начинаем серьезно применять свои дарования во внешнем мире. Эти симптомы возникают, если произошло вторжение хищника в нашу душу, и в результате мы находим повод делать все что угодно, лишь бы не встать, не сесть, не поехать туда, где мы можем разделаться со всем, чего боимся.

В этих случаях сон о незнакомце не является зловещим, даже если он сопровождается страхом, заставляющим сердце бешено колотиться. Это очень благоприятный сон о правильной и своевременной потребности пробудиться, чтобы заметить разрушительное движение в собственной душе, то, что крадет наш внутренний огонь, посягает на нашу энергию, отнимает у нас место, пространство, время, территорию, которую мы должны создать.

Нередко творческая жизнь замедляется или застопоривается, поскольку что-то в нашей душе очень плохо о нас думает, и вот мы ползаем у его ног, вместо того чтобы дать ему по голове и убежать на свободу. Во многих случаях, чтобы исправить ситуацию, необходимо относиться к себе, к своим замыслам, к своему творчеству гораздо серьезнее, чем мы это делали раньше. Из-за того что на протяжении многих поколений в передаче помощи по материнской (и отцовской) линии образовались широкие бреши, это умение – ценить собственную творческую жизнь, то есть ценить совершенно оригинальные, прекрасные и причудливые идеи и произведения, исходящие из первозданной души, – стало для женщин постоянной загвоздкой.

В своем кабинете я наблюдаю, как поэтессы швыряют на кушетку свои рукописи так, будто их поэзия – не сокровище, а мусор. Вижу, как художницы, принося на выставку свои картины, с грохотом задевают ими о дверной косяк. Вижу зеленые искры в глазах женщин, когда они пытаются скрыть гнев из-за того, что другие могут творить, а они почему-то нет.

Я слышу все те оправдания, которые способна выдумать каждая женщина: "Я бездарна", "Я никчемна", "Я необразованна", "У меня нет никаких мыслей", "Я ничего не знаю", "Не знаю почему", "Не знаю когда". И самое смехотворное: "У меня нет времени". Мне всегда хочется схватить таких женщин за ноги и трясти до тех пор, пока они не раскаются и не пообещают больше никогда не лгать. Но мне не нужно их трясти, потому что это сделает незнакомец из сна, а если не он, то какой-нибудь другой персонаж сновидения.

Сон о темном человеке – это страшный сон, а страшные сны чаще всего очень полезны для творческого процесса: они показывают художнику, что с ним случится, если он позволит низвести себя до положения талантливого бездельника. Такого сна о незнакомце часто бывает достаточно, чтобы испуганная женщина снова занялась творчеством. На самый крайний случай она может создать произведение, в котором прольет свет на темного человека из своих снов.

Угроза, исходящая от таинственного незнакомца, служит всем нам предупреждением: если не будешь беречь сокровища, их украдут. Таким образом, когда женщина видит один из таких снов или целую серию, это означает, что открывается широкая дверь, ведущая к месту инициации, где может произойти переоценка ее дарований. Там она сможет узнать и оценить то, что больше всего губит ее или грабит, а потом и справиться с этим.

Если женщина постарается выследить хищника, посягающего на ее душу, если она осознает его присутствие и вступит с ним в неизбежный бой, хищник переместится в гораздо более уединенное и скромное место души. Если же не обращать на него внимания, он проникается все более острой и глубокой ненавистью и ревностью и стремится заставить женщину замолчать навеки.

Если взять самый земной уровень, то женщине, которая видит во сне персонажей типа темного человека или Синей Бороды, важно как можно лучше очистить свою жизнь от всего неблагоприятного. Иногда необходимо ограничить или ослабить некоторые отношения: ведь если во внешнем мире женщину окружают люди, которые настроены к ней враждебно или безразлично, это питает внутреннего хищника, и он наращивает силу в ее душе и становится еще агрессивнее.

Когда приходится проявить агрессию по отношению к захватчику, женщина порой испытывает очень двойственное чувство, потому что видит в этом ситуацию, в которой сделать – плохо и не сделать – плохо. Если не пойти на разрыв, зловещий незнакомец станет ее хозяином, а она – его рабыней. Если пойти на разрыв, он будет ее безжалостно преследовать, как будто она его собственность. Женщина боится, что он будет травить ее, как дичь, чтобы снова подчинить своей власти, и этот страх отражается в содержании ее снов.

Поэтому часто бывает, что в ответ на угрозы хищника женщина умерщвляет свою сокровенную дикую натуру, глубоко самобытную и творческую. Вот почему в подвале Синей Бороды лежат женские трупы и скелеты. Эти женщины увидели западню, но слишком поздно. Осознание – это выход из клетки, спасение от мук. Это избавление от зловещего незнакомца. И право женщины – биться не на жизнь, а на смерть, чтобы завоевать его и сохранить.

В сказке о Синей Бороде мы видим, как женщина, которая поддалась чарам хищника, собирается с силами и ускользает от него, выйдя из этого испытания умудренной опытом. Это сказка о преображении четырех призрачных интроектов, [19] которые для женщин являются особенно противоречивыми. Вот они: отсутствие целостного видения, отсутствие глубокой интуиции, отсутствие самобытного голоса, отсутствие решительного действия. Чтобы изгнать хищника, мы должны отпереть или вскрыть себя и другие вещи и увидеть, что находится внутри. Мы должны использовать свои способности, чтобы вынести то, что увидим. Мы должны отчет-

[19] Психическая структура, образовавшаяся в результате интроекции, когда функции внешнего объекта берет на себя его психическое представление, посредством которого отношения с внешним объектом заменяются отношениями с воображаемым объектом внутри себя.

ливо высказать свою правду. И в довершение, мы должны использовать свой разум, чтобы сделать с увиденным то, что необходимо сделать.

Женщина, чья инстинктивная природа сильна, интуитивно распознает врожденного хищника зрением, слухом, чутьем: предвидит его приход, слышит его приближение и принимает меры, чтобы его прогнать. Если у женщины неполноценные инстинкты, хищник нападает на нее прежде, чем она заметит его присутствие, потому что ее слух, знание и восприятие повреждены – главным образом интроектами, которые побуждают ее быть милой, вести себя прилично и, особенно, закрывать глаза на то, что ее используют.

С психологической точки зрения бывает трудно с первого взгляда различить непосвященных, которые просто еще молоды, а потому наивны, и женщин с поврежденными инстинктами. Ни те, ни другие почти ничего не знают о зловещем хищнике, а значит, и те, и другие все еще доверчивы. Но, к счастью для нас, когда хищный элемент женской души приходит в движение, он оставляет безошибочно узнаваемые следы в сновидениях. Эти следы в конце концов позволяют его обнаружить, изловить и ликвидировать.

Лекарство для наивной женщины и женщины с поврежденными инстинктами одинаково: прислушивайтесь к своей интуиции, к своему внутреннему голосу; задавайте вопросы; проявляйте любопытство; видьте то, что видите; слышьте то, что слышите; а потом действуйте, опираясь на свое знание истины. Интуиция – способность, которую ваша душа получила при рождении. Может быть, она долгие годы была скрыта под слоем пепла и экскрементов. Но это еще не конец света, потому что все можно смыть. Стоит немного потереть, поскрести, потренироваться, и ваши способности восприятия снова вернутся к первозданному состоянию.

Если извлечь эти способности из мрака души, мы перестанем быть лишь жертвами внутренних и внешних обстоятельств. Какие бы требования ни предъявляли общество, личность, душа и все остальное к одежде и поведению женщины, как бы ни хотели окружающие, чтобы все женщины держались стайкой под присмотром десятка бдительных дуэний, какие бы силы ни пытались подавить жизнь женской души, никто и ничто не в состоянии изменить факт: женщина – то, что она есть, это продиктовано диким бессознательным и просто замечательно.

Очень важно, чтобы мы помнили: когда у нас бывают сны о зловещем темном человеке, всегда есть противоположная, то есть уравновешивающая сила, которая постоянно наготове и ждет, чтобы прийти нам на помощь. Угадайте, кто появляется, как только мы призываем дикую энергию, чтобы дать отпор хищнику? Дикая Женщина, которая одним махом преодолевает все ограды, стены и препятствия, воздвигнутые хищником. Она не икона, которую нужно повесить на стену как retablo, картину религиозного содержания. Она живое существо, Она приходит к нам везде, при любых обстоятельствах. Она и хищник знакомы с незапамятных времен. Она идет по его следу в снах, в сказках, в легендах, на протяжении всей женской жизни. Где он – там и Она, ибо Она уравновешивает его хищные набеги.

Первозданная Женщина учит женщин, когда не следует быть "умницей" в интересах защиты жизни собственной души. Дикая натура знает, что если в таких обстоятельствах вести себя "паинькой", это только вызовет у хищника улыбку. Когда жизнь души в опасности, провести черту и не отступать ни на шаг не только допустимо, но обязательно. Если женщина сделает это, в ее жизнь уже никто не вмешается, потому что она сразу узнает, что не так, и сможет отогнать хищника туда, где ему место. Она уже больше не наивна. Она уже не цель и не мишень. Вот средство, которое заставит ключ – тот маленький, с завитушками – наконец-то прекратить кровоточить.

Глава 3
РАЗНЮХАТЬ ФАКТЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНТУИЦИИ КАК ИНИЦИАЦИЯ

Кукла в кармане: Василиса Премудрая

Интуиция – сокровище женской души. Она сродни гадательной принадлежности, сродни магическому кристаллу, в который можно заглянуть сверхъестественным внутренним зрением. Она сродни старой мудрой женщине, которая всегда с вами, которая точно скажет вам, в чем дело, точно скажет вам, куда идти: налево или направо. Это одна из ипостасей Той, Кто Знает, старой La Que Sabe, Первозданной Женщины.

В традиции, которая окружала меня в детстве, истинная сказительница всегда трудится под какой-то душевной горой, по колено в прахе истории, сметая пыль столетий, копаясь в напластованиях культур и войн, нумеруя каждый рельеф и каждую фреску сказки, которую удается обнаружить. Порой от сказки осталась одна труха, иногда не хватает каких-то частей и деталей, часто бывает, что форма сохранилась, а от росписи ничего не осталось. Тем не менее, начиная каждый новый раскоп, женщина втайне надеется найти всю историю в целости и сохранности. Сказка, о которой пойдет речь, относится к разряду таких невероятных сокровищ.

На мой взгляд, старинная русская сказка о Василисе [1] – это история об инициации женщины, в которой почти все основные кости на месте. О постижении того, что большинство вещей не такие, какими кажутся. Чтобы это разнюхать, мы, женщины, призываем на помощь интуицию и инстинкты. Мы используем все свои чувства, чтобы выжать из вещей правду, извлечь пищу из своих собственных идей, увидеть то, что следует видеть, узнать то, что следует знать, стать хранительницами своего творческого огня и получить сокровенное знание о циклах Жизни-Смерти-Жизни всей природы – после этого женщину можно назвать инициированной, посвященной.

Сказки, где главным действующим лицом выступает Василиса, рассказывают в России, Румынии, Югославии, Польше и по всей Прибалтике. Иногда в народе эту сказку называют "Василиса Премудрая". Я нахожу подтверждения того, что ее архетипические корни восходят по крайней мере к древним культам Богини-лошади, которые предваряют классическую культуру Греции. Эта сказка рисует извечную психическую картину введения в глубинный мир первозданной богини. Она посвящена наделению земной женщины главной инстинктивной способностью Дикой Женщины – интуицией.

Схему для этой литературной версии сказки о Василисе я получила от своей тетушки Кэйти. Сказка начинается с одного из самых старых сказочных приемов: "Было ли, не было…" [2] Это парадоксальное выражение имеет целью настроить душу слушателя на то, что действие сказки разворачивается в мире между мирами, где все не такое, каким кажется на первый взгляд. Итак, приступим.

ВАСИЛИСА

Было ли, не было, только жила-была когда-то молодая женщина. Занемогла она и лежала на смертном ложе, бледная, как белые розы в ризнице соседней церкви. Ее малая дочь и муж

сидели на краю старой деревянной кровати и молились, чтобы Бог благополучно препроводил ее в мир иной.

Умирающая позвала Василису, и девочка в красных башмачках и белом фартучке опустилась на колени у материнской постели.

– Вот тебе куколка, моя милая, – прошептала мать и вытащила из-под шерстяного покрывала маленькую куколку, которая, как и Василиса, была одета в красные башмачки, белый фартучек, черную юбку и жилетку, расшитую цветными нитками.

– Вот мои последние слова, душенька, – сказала мать. – Если заблудишься в лесу или тебе понадобится помощь, спроси у куколки, что делать. Она тебе поможет. Всегда носи куколку с собой, никому про нее не рассказывай, а захочет есть – накорми. Вот тебе мой материнский завет и мое благословение, милая доченька.

Только она это промолвила, как дыхание ее ушло вглубь, подхватило душу, вырвалось из уст – и она умерла.

Девочка с отцом долго горевали. Но, как поле, жестоко перепаханное войной, жизнь отца снова дала новые всходы, и он взял в жены вдову с двумя дочерьми. Хотя мачеха и ее дочери вели учтивые речи и улыбались, будто важные дамы, было в их улыбках что-то крысиное, чего не заметил отец Василисы.

И, разумеется, когда мачеха с дочерьми оставались с Василисой одни, они мучили ее, заставляли себе прислуживать, посылали в лес за хворостом, чтобы ее нежная кожа потрескалась. Они ненавидели ее, потому что была в ней неземная прелесть. Девочка была чудо как хороша. Ее груди наливались, а их сохли от злости. Она всем помогала и никогда не роптала, а мачеха и сестры грызлись, как собаки из-за кости.

Настал день, когда мачеха и сестры просто не могли больше видеть Василису. "Давайте нарочно потушим огонь, – сговорились они, – и пошлем Василису в лес к старой колдунье Бабе Яге попросить огня для нашей печи. Она придет к Бабе Яге, а та ее и съест". Тут они захлопали в ладоши и заухали, как ночные твари.

И вот вечером, когда Василиса вернулась с хворостом домой, весь дом был погружен во тьму. Она встревожилась и спросила мачеху:

– Что случилось? Как же нам приготовить еду? Как сделать, чтобы было светло?

– Глупая ты девчонка, – набросилась на нее мачеха, – разве не видишь, что у нас нет огня? Я уже стара и не могу пойти в лес. А дочери мои не могут, потому что боятся. Так что только ты одна можешь пойти в лес, отыскать там Бабу Ягу и взять у нее уголек, чтобы снова разжечь огонь.

– Ладно, я так и сделаю, – безропотно ответила Василиса и отправилась в путь.

Лес становился все темнее и темнее, сучья трещали под ногами, пугая девочку. Она сунула руку в глубокий карман фартука – там была куколка, которую дала ей мать. Василиса погладила куколку в кармане и сказала: "Дотронусь до куколки, и мне сразу станет легче".

На каждой развилке дороги Василиса совала руку в карман и советовалась с куколкой: "Куда мне идти – налево или направо?" Куколка отвечала "да" или "нет", "туда" или "сюда". Василиса кормила ее хлебом и шла дальше, повинуясь указаниям, которые давала ей куколка.

Вдруг мимо проскакал белый всадник на белом коне, и стало светло. Потом промчался красный всадник на красном коне, и взошло солнце. Василиса все шла и шла, и только она подошла к жилью Бабы Яги, как появился черный всадник на черном коне и въехал прямо в избушку. И сразу спустилась ночь. Забор из костей и черепов, которым была огорожена избушка, засветился изнутри, так что лесная поляна озарилась призрачным светом.

Баба Яга была очень страшна собой. Ездила она не в карете и не на повозке, а в ступе, которая летала сама собой. Она погоняла ступу пестом, а следы заметала помелом из волос мертвецов.

Когда ступа летела по небу, длинные космы Бабы Яги развевались следом. Ее длинный подбородок задирался вверх, а длинный нос загибался вниз, так что они соединялись на полпути. У нее была белая козлиная бороденка, а кожа покрыта бородавками, потому что она вечно возилась с жабами. Бурые ногти были толстые и горбатые, как крыша у дома, и такие крючковатые, что она не могла сжать пальцы в кулак.

Еще чуднее был дом Бабы Яги. То была избушка на курьих ножках, которая ходила сама собой, а иногда кружилась, будто в бешеном танце. Засовы на дверях и ставнях были из человечьих пальцев, а вместо замка на передней двери висела звериная морда с острыми зубами.

Василиса обратилась к куколке и спросила:

– Не это ли тот дом, который мы ищем? И куколка подала ей условный знак:

– Да, это тот самый дом, который ты ищешь.

Не успела Василиса сделать шаг, как Баба Яга спустилась с неба в своей ступе и крикнула:

– А тебе чего надобно?

– Я пришла за огнем, бабушка, – дрожа, ответила девочка. – В доме холодно… мои родные умрут… Мне нужен огонь.

– Как же, знаю я тебя и твоих родных, – проворчала Баба Яга. – И ты, никчемная девчонка, упустила огонь. Это не очень умно. А с чего ты взяла, что я дам тебе огня?

Василиса посоветовалась с куколкой и быстро ответила:

– Потому что я прошу.

– Повезло тебе, – пробормотала Баба Яга. – Ты дала верный ответ. Василиса очень обрадовалась, что правильно ответила.

– Только не дам я тебе огня, пока не выполнишь для меня кое-какую работу, – предупредила Баба Яга. – Справишься – получишь огонь, а не справишься… – тут Василиса увидела, как глаза бабы Яги полыхнули красным пламенем. – А не справишься – с жизнью простишься.

Баба Яга с грохотом въехала в избушку, улеглась на постель и велела Василисе принести то, что варилось в печи. Еды там было на десятерых, но Яга съела все, а девочке оставила только корку хлеба да с наперсток супа.

– Постирай мою одежду, подмети двор, прибери в избе, наготовь еды, отдели хорошее зерно от гнилого да проследи, чтобы все было в порядке. А я вернусь – проверю твою работу. Не справишься – я тебя съем! – И с этими словами Баба Яга улетела в ступе: нос указывал курс, а волосы развевались по ветру, словно паруса. И снова наступила ночь.

Как только Яга исчезла, Василиса стала спрашивать куколку: "Как мне быть? Разве можно успеть переделать все эти дела?" Куколка успокоила девочку и, обещав все уладить, велела ей поесть и ложиться спать. Василиса поделилась едой с куколкой и легла спать.

Утром куколка переделала всю работу, так что осталось только приготовить еду. Вечером вернулась Баба Яга и обнаружила, что все выполнено. С одной стороны, она была довольна, а с другой – рассердилась, потому что не могла ни к чему придраться.

– Везет тебе, девчонка, – усмехнулась она и кликнула трех верных слуг, чтобы они смололи зерно.

Тут откуда ни возьмись появились три пары рук и стали шелушить и дробить зерно. Шелуха залетала по избе, как золотой снег. Наконец все было готово, и Баба Яга уселась за еду. Она ела несколько часов подряд, а потом велела Василисе утром снова убрать в избе, подмести двор и постирать одежду.

Яга показала девочке большую кучу грязи во дворе.

– В этой куче полным-полно маковых семян, так вот, я хочу, чтобы утром маковые семена были отдельно, а грязь отдельно. Поняла?

Василиса едва не лишилась чувств: "Как же мне это сделать?" Она нащупала в кармане куколку, и та шепнула:

– Не печалься, я обо всем позабочусь.

Ночью, когда баба Яга захрапела, Василиса принялась выбирать из грязи маковые семена, но скоро куколка сказала ей:

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

И на этот раз она выполнила всю работу, так что, когда старая карга вернулась домой, все было готово.

– Ладно, – пробурчала Баба Яга, – повезло тебе, что ты смогла все сделать.

Она кликнула верных слуг выжать масло из макового семени, и снова, откуда ни возьмись, появились три пары рук и выполнили приказ.

Наевшись жирного мяса, Баба Яга облизывала губы, а Василиса стояла рядом.

– Ну, чего уставилась? – буркнула старуха.

– Можно я задам один вопрос, бабушка? – спросила Василиса.

– Спрашивай, – разрешила Баба Яга, – только помни: много будешь знать – скоро состаришься.

Василиса спросила про белого всадника на белом коне.

– А, – милостиво сказала Баба Яга, – это мой первенец, День.

– А красный всадник?

– А, это мое Красное Солнышко.

– А черный всадник на черном коне?

– А, это мой третий, Ночь.

– Вот оно что, – сказала девочка.

– Ну, что же ты, милая! Неужто у тебя больше нет вопросов? – вкрадчиво спросила колдунья.

Василиса совсем уж было собралась спросить о трех парах рук, которые откуда ни возьмись появлялись и неведомо куда исчезали, но куколка в кармане начала подпрыгивать, и тогда девочка сказала:

– Нет, бабушка. Ведь ты сама говоришь: много будешь знать, скоро состаришься.

– Что-то ты умна не по годам, красавица, – проворчала Баба Яга, вертя головой, как сова. – И откуда это у тебя?

– От матушкиного благословения, – усмехнулась Василиса.

– Благословения?! – взвизгнула колдунья. – Благословения?! В этом доме нет места для благословений! Убирайся-ка ты отсюда восвояси, милая! – И она вытолкала Василису за дверь, в ночь.

– Вот тебе напоследок, держи! – Баба Яга сняла с забора череп с горящими глазами и насадила на палку. – Вот тебе огонь, забирай череп с собой. А теперь ни слова больше, ступай!

Василиса хотела было поблагодарить старуху, но куколка в кармане стала подпрыгивать, так что девочка поняла: нужно брать огонь и убираться поскорее. Она побежала через лес домой, выбирая те дороги и тропинки, которые указывала ей куколка. В руке она крепко сжимала палку с черепом – из его глазниц и отверстий на месте носа и рта полыхало пламя. Вдруг от его тяжести и призрачного света Василисе стало страшно и захотелось бросить череп. Но он заговорил с ней и велел успокоиться и идти дальше, к дому, где жили ее мачеха и сестры. Так она и сделала.

Когда девочка подошла к дому совсем близко, мачеха и сестры выглянули в окно и увидели, что по лесу разливается странное сияние. Оно все приближалось и приближалось. Злодейки не могли понять, что бы это могло быть. Они решили, что, раз Василисы так долго нет, она, должно быть, умерла, а кости ее растащили дикие звери – вот и прекрасно.

Василиса подходила все ближе к дому. Увидев, что это она, мачеха и сестры выбежали к ней и стали жаловаться: мол, с тех пор, как она ушла, они сидят без огня, и, сколько раз они ни старались его развести, он все время гас.

Девочка вошла в дом, не чуя под собой ног от радости. Она вернулась живая и невредимая и принесла домой огонь! Но череп следил за каждым шагом мачехи и сестер и, улучив момент, спалил их дотла, так что к утру от злодеек остались одни головешки.

Вот он – внезапный конец, помогающий выбросить людей из сказки в реальную жизнь. У сказок множество таких концовок, возвращающих слушателей на землю.

"Василиса" – сказка о том, как благословение женской интуиции передается от матери к дочери, от поколения к поколению. Эта великая сила, интуиция, состоит из молниеносного внутреннего зрения, внутреннего слуха, внутреннего чутья и внутреннего знания.

На протяжении многих поколений эти интуитивные женские силы превратились в ушедшие под землю реки, а ушли они потому, что их не использовали и незаслуженно ославили. Однако Юнг как-то заметил, что в душе никогда ничего не пропадает. Я думаю, можно не сомневаться, что затерянное в душе все еще там. Так что и этот источник женской инстинктивной интуиции никогда не исчезал, и все скрывшееся можно снова обнаружить.

Чтобы уяснить себе смысл этой сказки, нужно понимать, что все ее элементы изображают качества одной-единственной женской души. Поэтому все аспекты сказки относятся к отдельно взятой душе, проходящей процесс инициации, и проливают свет именно на нее. Посвящение проводится в процессе выполнения определенных заданий. В этой сказке есть девять таких заданий, которые должна выполнить душа. Они сосредоточены на узнавании разных повадок Старой Дикой Матери.

Благодаря выполнению этих заданий в женскую душу возвращается интуиция – то мудрое существо, которое повсюду ходит вместе с женщиной, глядит на все, что та видит в жизни, и быстро и точно определяет истинность всего этого. А цель – любовные и доверительные отношения с этим существом, которое мы называем "мудрой женщиной", сущностью архетипа Первозданной Женщины.

В ритуале, который проводит Баба Яга – старое дикое божество, – задания, выполняемые в ходе посвящения, таковы:

Задача первая: позволить слишком, доброй матери умереть

В начале сказки умирающая мать завещает дочери ценное наследство. На этом этапе жизни перед женщиной стоят следующие задачи:

Смириться с тем, что вечно бдительная, слишком заботливая мать-наседка не годится для роли главного проводника в будущую инстинктивную жизнь (слишком хорошая мать умирает). Взять на себя ответственность за самостоятельную жизнь, развивать осознанность по отношению к опасности, интриге, политике. Стать бдительной к себе и для себя. Позволить умереть тому, что должно умереть. Со смертью слишком доброй матери рождается женщина.

В сказке процесс инициации начинается после того, как добрая и любимая мать умирает. Ее нет, больше никогда она не погладит Василису по голове. У каждой из нас – у каждой дочери – наступает время, когда добрая мать души, прежде служившая нам верой и правдой, превращается в слишком добрую мать, которая из-за своей чрезмерной опеки начинает мешать нашему отклику на новые задачи, а значит, и более глубокому развитию.

В естественном процессе нашего взросления слишком добрая мать должна все больше бледнеть и наконец совсем растаять, чтобы мы могли сами по-новому заботиться о себе. Хотя мы навсегда сохраняем частицу ее тепла, этот естественный психический переход оставляет нас одинокими в мире, который относится к нам совсем не по-матерински. Но погодите: эта слишком добрая мать – нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Под одеялом она прячет куколку, чтобы вручить ее дочери.

Да, за этим образом скрыто что-то от Дикой Матери. Только слишком добрая мать не может до конца это выразить, потому что она – мать наших младенческих лет, это та благодать, которая необходима каждому ребенку, чтобы укрепиться в душевном мире любви. Поэтому, пусть даже эта слишком добрая мать может жить и оказывать влияние только до некоего рубежа в жизни девочки, здесь снарядом со своим чадом. Она благословляет Василису куклой и, как мы убеждаемся, это поистине великое благословение.

Драматическое психологическое угасание слишком заботливой матери происходит по мере того, как девочка выходит из выстланного пухом гнезда детства в буйные джунгли отрочества. Однако для некоторых девочек процесс развития новой, более проницательной внутренней матери – матери по имени интуиция – в эту пору завершается лишь наполовину, и получившие такое посвящение женщины годами блуждают, томясь от жажды пережить полную инициацию и нуждаясь в ней, и сами, как могут, латают свои недостатки.

Остановка процесса инициации происходит у женщин по разным причинам, например, если на долю девочки выпало слишком много трудностей психологического характера, особенно если в раннем возрасте у нее не было постоянной "в меру доброй" матери [3]. Инициация может и прекратиться или не завершиться, если душе недостает напряжения – слишком добрая мать, обладая несокрушимым здоровьем сорной травы, продолжает жить, распускать листья и чрезмерно опекать свою дочь, даже если в сценарии о ней сказано: "Быстро покидает сцену". В такой ситуации женщины нередко оказываются слишком робкими, чтобы уйти в лес, и всеми силами противятся этому.

Для них, а также для других взрослых женщин, которых невзгоды реальной Жизни отрезают и отгораживают от жизни сокровенной, интуитивной, которые часто жалуются: "Я так устала сама о себе заботиться", – есть одно хорошее и мудрое средство. Если утвердить себя заново, пройти по собственным следам или еще раз пройти посвящение, это поможет вернуть глубокую интуицию, независимо от возраста женщины. Ведь именно глубокая интуиция знает, что для нас хорошо, знает, что нам понадобится дальше, причем узнает это с быстротой молнии – если только мы прислушиваемся к ее указаниям.

Инициация Василисы начинается с того, что она учится позволять умереть тому, что должно умереть. Это значит позволить умереть тем ценностям и отношениям, которые больше не питают душу. Следует обратить особое внимание на те укоренившиеся принципы, которые делают нашу жизнь слишком надежной, слишком оберегают нас – и заставляют нас семенить, вместо того чтобы шагать широко и свободно.

Пора, когда "хорошая мать" нашего детства угасает и свойственный ей подход тоже отмирает, – это всегда время активного обучения. У каждой из нас в жизни бывает период, когда мы вполне обоснованно держимся за юбку опекающей нас психологической матери (например, в детстве, или когда мы оправляемся от болезни, психологической или духовной травмы, или когда наша жизнь в опасности, и чем тише мы себя ведем, тем больше у нас шансов уцелеть); но, даже если мы сохраним на всю жизнь запас ее помощи, все равно приходит время, образно выражаясь, найти себе другую мать [4].

Если мы слишком надолго задержимся в своей душе с матерью-наседкой, то окажется, что мы сами перекрываем себе все дороги, а значит, препятствуем дальнейшему развитию. Я ни в коем случае не хочу сказать, что женщина должна намеренно ставить себя в мучительные или оскорбительные ситуации; я просто имею в виду, что она должна наметить для себя в жизни нечто такое, чего ей хотелось бы достичь, даже если придется пойти на риск. Именно в ходе этого процесса она обостряет свои интуитивные способности.

Когда волчица-мать выкармливает своих волчат, они проводят вместе много счастливых часов. Все возятся в одной мохнатой куче, внешний мир, полный опасностей, уходит куда-то далеко. Но когда волчица окончательно научит детенышей охотиться и добывать себе пищу,

она все чаще показывает им зубы, рычит и требует, чтобы они не отставали, а если они не делают того, что от них требуется, задает им трепку.

Поэтому, именно стремясь к дальнейшему развитию, мы меняем внутреннюю мать-наседку, которая так подходила нам, когда мы были малы, на другую, живущую еще глубже в душевной чаще мать, которая может стать нашей спутницей и наставницей. Это любящая мать, но в то же время она свирепа и требовательна.

Большинство из нас не хочет дать слишком доброй матери умереть, когда для этого приходит время. Хотя эта слишком добрая мать не позволяет нашим самым ярким энергиям проявиться, нам так хорошо рядом с ней, так спокойно – зачем же расставаться? Часто мы слышим в душе голоса, которые убеждают нас не отпускать ее, остаться в безопасном гнезде.

Эти голоса произносят что-нибудь вроде: "Не надо так говорить!", или "Ты не можешь так поступить!", или "Если ты это сделаешь, ты мне больше не дочь (подруга, сестра)!", или "Там опасно!", или "Кто знает, что из тебя получится, если ты покинешь это теплое гнездышко!", или "Разве ты не видишь, что только унижаешь себя?!", или еще более вкрадчиво: "Притворись, что идешь на риск, а сама тайком останься здесь, со мной!"

Все это голоса испуганной или изрядно рассерженной слишком доброй матери, которая живет у нас в душе. Она не может ничего с собой поделать – такой уж она уродилась. Но если мы будем возиться с этой слишком доброй матерью чересчур долго, наша жизнь и наши способности к самовыражению канут во тьму и мы станем не сильными, а хилыми.

Бывает и хуже: что происходит, когда мы подавляем бурную энергию и не даем ей жить? Как каша в волшебном горшке, который попал в неумелые руки, она растет, растет, р-р-растет, пока горшок не взорвется, – и все содержимое вываливается на землю. Поэтому нужно уметь понять: для того чтобы интуитивная душа могла черпать энергию, добрая, опекающая нас мать-наседка должна уйти. Или, может быть, еще точнее, мы в конце концов обнаруживаем себя выброшенными из этого уютного тет-а-тет – и не потому, что мы сами так решили, и не потому, что были совершенно готовы к этому – никто не бывает совершенно готов, – а потому, что на краю леса нас что-то ждет, и нам суждено с ним встретиться.

Гийом Аполлинер писал: "Мы привели их на край и стали уговаривать полетать. Они упирались. Летите! – сказали мы. Они продолжали упираться. Тогда мы столкнули их. И они полетели".

Для женщин это характерно – они боятся дать умереть слишком спокойной и слишком безопасной жизни. Иногда женщина получает удовольствие от опеки слишком доброй матери и поэтому хочет, чтобы так продолжалось до бесконечности. Но ей необходимо захотеть время от времени ощущать тревогу иначе можно всю жизнь просидеть в гнезде.

Иногда женщина боится даже совсем ненадолго потерять опору или уверенность. У нее больше оправданий, чем блох у собаки. А нужно просто нырнуть и вынырнуть, не зная, что будет дальше. Только это поможет ей обрести свою интуитивную природу. Иногда женщину настолько связывает необходимость быть слишком доброй матерью для других взрослых людей, что они присасываются к ее груди и не собираются позволить ей уйти. В этом случае женщина должна отшвырнуть их задней лапой и все равно идти дальше.

Поскольку в сновидениях душа, наряду с другими вещами, компенсирует то, чего не желает или не может признать эго, то в качестве компенсации женские сны во время такой борьбы будут изобиловать погонями, тупиками, машинами, которые никак не заводятся, неудачными беременностями и другими символами, которые показывают, что жизнь стоит на месте. Женщина нутром чует: если самость слишком долго остается слишком милой, в этом есть что-то убийственное.

Поэтому первый шаг – перестать цепляться за сияющий архетип неизменно милой, слишком доброй матери души. Мы отвалились от соска и учимся охотиться. Нас ждет дикая мать

– ждет, чтобы научить. Но пока наша вторая задача – держаться за куклу, учась в то же время ею пользоваться.

Задача вторая: разоблачить тень

В этой части сказки в мир Василисы входит отвратительная семья мачехи [5], превращая ее жизнь в ад. Задачи этого периода таковы:

Еще осознаннее учиться расставанию со слишком хорошей матерью. Понять, что если быть доброй, милой, покладистой, жизнь не осыплет тебя розами (Василиса становится служанкой, но и это не помогает). Непосредственно ощутить свою теневую природу, особенно те аспекты самости, которые связаны с неприязнью, ревностью и использованием людей в своих целях (мачеха и ее дочери). Чистосердечно признать их существование. Установить наилучшие отношения с наихудшими частями своей личности. Допустить образование напряженности между тем, кем вас учат быть, и тем, кем вы являетесь на самом деле. В итоге постараться позволить старой самости умереть, а новой родиться.

Мачеха и ее дочери олицетворяют неразвитые, но вызывающе жестокие элементы души. Это теневые элементы, то есть те аспекты личности, которые эго считает нежелательными или бесполезными и поэтому изгоняет во тьму. С одной стороны, этот теневой материал вполне может быть положительным, потому что часто во тьму вытесняются и женские дарования, скрываются там и ждут, чтобы их обнаружили. С другой стороны, отрицательный теневой материал – тот, который с готовностью уничтожает или тормозит любую новую жизнь, – тоже можно использовать в своих целях, как мы увидим дальше. Когда он прорывается, мы наконец-то опознаем его истоки и качества, отчего становимся еще сильнее и мудрее.

На этом этапе инициации женщину изводят мелочные придирки собственной души, которые вынуждают уступать любому желанию других. Такая уступчивость приводит к потрясающему открытию, которое должна заметить каждая женщина: стараясь быть собой, мы вызываем у многих людей отчуждение, стараясь же уступать желаниям других, мы вызываем отчуждение от самих себя. В этом – мучительное напряжение, которое необходимо вынести, но выбор ясен.

Василиса бесправна, потому что обретает семью, которая, считая девочку своей собственностью, не способна ее понять и оценить. Она им не нужна. Они ненавидят ее и помыкают ею. Они обращаются с ней как с Чужой, как с человеком, которому нельзя доверять. В сказках роль чужака или отверженного обычно достается тому, кто обладает самой глубокой связью со знающей природой.

Мачеху и ее дочерей можно рассматривать как существа, внедренные в женскую душу тем обществом, к которому принадлежит женщина. Неродная семья души отличается от "душевной семьи", поскольку относится к супер-эго, к тому аспекту души, который построен в соответствии с ожиданиями каждого конкретного общества, а они могут быть для женщин благоприятными или неблагоприятными. Женщины не ощущают, что эти влияния и предписания общества, то есть супер-эго, исходят от психики души-Самости, – ей кажется, что они идут откуда-то извне, из какого-то другого источника, который не является врожденным. Влияния общества (супер-эго) могут быть очень благотворными или очень пагубными.

Неродная семья Василисы – это созревшая в душе опухоль, которая ущемляет сосуды, питающие ее жизненной силой. Эти женщины возникают как хор нераскаявшихся ведьм и сыплют упреками: "Тебе это не по плечу. Ты посредственность. Тебе не хватает смелости. Ты глупа, пресна, пуста. У тебя нет времени. Тебе под силу только простые вещи. Тебе позволено делать от сих до сих и не больше. Брось, пока не поздно". Поскольку Василиса еще не вполне

осознает свои способности, она позволяет этой злой преграде пересечь линию своей жизни. Чтобы ее жизнь выправилась, должно произойти что-то еще – нечто животворное.

То же самое справедливо и для нас. В сказке мы видим, что Василиса еще очень слабо разбирается в том, что происходит вокруг нее, а отец души также не замечает враждебного окружения; он слишком добр и не обладает развитой интуицией. Интересно отметить, что тем дочерям, чьи отцы наивны, обычно необходимо гораздо больше времени, чтобы достичь пробуждения.

Нас тоже ущемляют, когда неродная семья в нас и/или вокруг нас говорит, что в нас, по меньшей мере, нет ничего особенного, и заставляет нас сосредоточиться на собственных недостатках и не замечать окружающей жестокости, откуда бы она ни исходила – из нашей души или из общества. Однако для того, чтобы заглянуть вглубь или видеть насквозь, необходима интуиция, а также способность настоять на том, что вы увидели. Как и Василиса, мы иногда стараемся быть кроткими, когда нужно быть знающими. Возможно, нас научили отказываться от острой интуиции, чтобы было легче жить. Но если быть кроткой [6], когда тебя угнетают, то в награду с тобой будут обращаться еще хуже. Хотя женщина чувствует, что быть собой – значит быть чужой для других, именно такое психическое напряжение необходимо для формирования души и создания перемены.

Итак, мачеха и ее дочери замышляют услать Василису. Втайне они думают: "Ступай-ка ты, Василиса, в лес, ступай к Бабе Яге, и, если выживешь, – да только этому не бывать! – тогда, может быть, мы тебя примем". Это очень важная мысль, потому что многие женщины в процессе инициации застревают на полпути – как будто наполовину перепрыгнули через обруч, наполовину остались. Хотя в душе и без того живет природный хищник, который твердит, как заведенный: "Умри!", "Чтоб вас!" и "Почему не послать все к черту?", общество, в котором женщина живет, и семья, в которой она выросла, могут усугублять до абсурда этот естественный, но умеренный отрицающий аспект души.

Например, женщины, выросшие в семьях, где их дарования не были признаны, часто раз за разом затевают архисложные проекты, сами не зная зачем. Им кажется, что необходимо защитить три докторские диссертации или повиснуть головой вниз на горе Эверест, или ввязываться во всевозможные авантюры, пожирающие массу времени и денег, лишь бы доказать своим семьям, что они чего-то стоят. "Ну, теперь вы меня примете? Нет? Ладно, (вздох) а как вам это?" Опухоль неродной семьи, конечно же, принадлежит нам, каким бы образом мы ее ни получили, и наша задача – справиться с ней на уровне вновь обретенной силы. Но – мы это еще увидим – если мы хотим, чтобы глубинная работа продолжалась, бесполезно пытаться доказать хору завистливых ведьм, что мы чего-то стоим; на самом деле это даже препятствует инициации.

Василиса послушно выполняет ежедневную тяжелую работу. Безропотное смирение выглядит геройством, но, в сущности, порождает все большее напряжение и конфликт между двумя противоположными натурами, одна из которых слишком добра, а другая слишком требовательна. Как и конфликт между излишней приспособляемостью и стремлением быть собой, это напряжение благотворно. Женщина, разрывающаяся между этими двумя крайностями, – на верном пути, но ей необходимо сделать следующие шаги.

В нашей сказке мачеха и сестры так притесняют расцветающую душу, что из-за их происков гаснет огонь. Здесь женщина начинает терять свои душевные ориентиры. Она может ощущать холод, одиночество и быть готова пойти на все что угодно, лишь бы вернуть свет. Это именно тот толчок, который нужен слишком кроткой женщине, чтобы продолжить процесс посвящения в собственную силу. Можно сказать, что Василиса непременно должна встретить Великую Старую Колдунью, потому что ей нужна хорошая встряска. Нам необходимо покинуть хор хулителей и нырнуть в лес. Невозможно одновременно уйти и остаться.

Василисе, как и нам, необходим путеводный свет, который помог бы различить, что полезно, а что вредно. Невозможно развиваться, если все делают из тебя козла отпущения. Женщина, которая пытается скрывать от других свои самые глубокие чувства, умерщвляет себя. Огонь гаснет. Это очень мучительная разновидность утраты чувствительности.

Перед нами противоположная, может быть несколько противоестественная, ситуация: погашенный огонь помогает выбить Василису из состояния покорности. Он заставляет ее умереть для старого образа жизни и, содрогаясь, вступить в новую жизнь, основанную на более взрослом, более умудренном внутреннем знании.

Задача третья: ориентироваться в темноте

В этой части сказки наследство покойной матери – куколка – ведет Василису через темный лес к избе Бабы Яги. Вот психологические задачи этого периода:

Отважиться проникнуть туда, где происходит настоящая инициация (войти в лес), и испытать встречу с новыми, вызывающими ощущение опасности божествами, которые олицетворяют владение силой собственной интуиции. Научиться развивать чутье, которое указывает направление к таинственному бессознательному, и полагаться только на свои внутренние чувства. Научиться находить обратный путь домой, к дикой Матери (слушаться указаний куклы). Позволить слабой, ничего не ведающей девушке умереть еще больше. Передать власть кукле (то есть интуиции).

Василисина куколка – из запасов Старой Дикой Матери. Куклы – одно из символических сокровищ инстинктуальной природы. В случае с Василисой кукла символизирует la vidacita, маленькую инстинктивную силу жизни, которая одновременно является и яростной, и терпеливой. В какую бы ситуацию мы ни вляпались, она проживает в нас свою скрытую жизнь.

Люди веками ощущали, что от кукол исходит и святость, и тапа [7] – пугающее и неотразимое присутствие, которое воздействует на человека, меняя его духовную сущность. Например, среди деревенских знахарей корень мандрагоры чрезвычайно ценится за сходство с человеческим телом: у него есть отростки, похожие на руки и ноги, а на месте головы – шишковатый нарост. Говорят, он содержит большой заряд духовной энергии. Считается, что создатели кукол вдыхают в них жизнь. Некоторые куклы используются в ритуалах, колдовстве, любовной магии и просто для развлечения. Когда я жила среди индейцев куна на островах, принадлежащих Панаме, они использовали маленькие деревянные фигурки как знаки власти, напоминающие человеку о его собственной силе.

В музеях разных стран полным-полно идолов и статуэток из глины, дерева и металла. Фигурки, дошедшие до нас из эпох палеолита и неолита, – это тоже куклы. Художественные галереи забиты куклами. Если взять современное искусство, то Сигаловы мумии в натуральную величину, обмотанные бинтами, [20] – это тоже куклы. Куклы в национальных костюмах заполонили сувенирные киоски на вокзалах и бензоколонках на главных автострадах. При дворе с древних времен дарили кукол как знак расположения. По всему свету в сельских церквях можно встретить кукол-святых. Кукол-святых не только регулярно купают и облачают в наряды ручной работы, но и «выводят на прогулки», чтобы они могли посмотреть, как дела в полях, как живет народ, а потом замолвить за людей словечко на небесах.

Кукла – это символический гомункул, маленькая жизнь [8]. Это символ того нуминозного, [21] что скрыто в людях. Это уменьшенная сияющая копия изначальной Самости. С виду

[20] Джордж Сигал – американский скульптор, известный своими белыми гипсовыми фигурами, изображающими людей.

[21] У Юнга – сильный, внушающий трепет, таинственный, обогащающий; символическое переживание, которое невозможно описать.

это просто кукла, но внутренне она олицетворяет частицу души, в которой сосредоточено все знание более широкой души-Самости. В кукле в миниатюре заключен голос старой La Que Sabe – Той, Что Знает. Кукла связана с такими символами, как лепрекон, [22] эльф, пикси, [23] фея и карлик. В сказках они выражают глубокое биение мудрости, пронизывающее культуру души. Все это создания, которые трудятся без устали, непрестанно выполняя мудрую подспудную работу. Душа трудится, даже когда мы спим, – именно когда спим, даже если мы при этом не сознаем, что происходит.

Таким образом кукла выражает наш внутренний женский дух, голос внутреннего разума, внутреннее знание и внутреннее сознание. Кукла сродни маленькой птичке из сказок, которая появляется в трудную минуту и шепчет героине на ухо необходимый совет, обнаруживает скрытого врага и подсказывает, как поступить. Это мудрость гомункула, маленького существа, обитающего внутри. Она наш помощник, который сам по себе невидим, но всегда доступен.

Нет большего благословения, которое может дать дочери мать, чем надежное ощущение, что ее интуиция верна. Интуиция передается от матери к дочери простейшим способом: "У тебя вострые глазки. Присмотрись-ка, что за всем этим кроется?" Вместо того чтобы относиться к интуиции как к чему-то сомнительному и иррациональному, мы считаем ее подлинной речью нашей души. Интуиция чует, в каком направлении нужно идти, чтобы получить наибольшую пользу. Ей свойственно самосохранение, она улавливает подспудные мотивы и намерения и делает выбор, который причинит душе наименьшие разрушения.

Этот процесс схож со сказкой. Связав девочку и куклу воедино, Василисина мать дала своей дочери огромное преимущество. Связь с собственной интуицией дает возможность надежно опираться на нее, что бы ни случилось. Она изменяет главный подход женщины с отношения "будь что будет" на отношение "дайте-ка я посмотрю, что все это значит".

Чем полезна для женщин эта дикая интуиция? Как и у волка, у интуиции есть когти, которые могут разорвать и пригвоздить; есть глаза, которые могут видеть сквозь покровы личности, есть уши, которые могут слышать недоступное обычному человеческому слуху. Благодаря этим надежным психическим орудиям женщина обретает звериное [9] сознание, проницательное и даже способное на предвидение; оно углубляет женское начало и обостряет способность уверенно передвигаться во внешнем мире.

Итак, теперь Василиса на пути к тому, чтобы достать уголек и вновь зажечь огонь. Она во тьме, в диких лесных дебрях, и ей остается только одно – слушать внутренний голос, исходящий от куколки. Она учится полагаться на эту связь и делать еще кое-что: кормить куколку.

Чем же кормят интуицию, чтобы она всегда была сыта и чутка к нашим просьбам разобраться в окружающей ситуации? Ее кормят жизнью – а для этого ее нужно слушать. Что толку от голоса, если нет уха, которое бы его улавливало? Что толку от женщины в дебрях повседневной жизни, если она не умеет слушать и полагаться на голос La Que Sabe, Той, Кто Знает?

Я слышу, как женщины говорят, и не сотни – тысячи раз: "Я знала, нужно было послушаться интуиции. Я чувствовала, что должна (не должна) была делать то-то и то-то, но не послушалась внутреннего голоса". Мы кормим, питаем глубокую интуитивную самость, когда прислушиваемся к ней и поступаем в соответствии с ее советами. Это самостоятельный персонаж, волшебное создание кукольного размера, которое обитает в душевной стране внутренней женщины. Оно сродни мышцам тела – если мышцы не используются, они постепенно усыхают. Точно так же и с интуицией: без пищи, без работы она атрофируется.

Кормление куколки – важный цикл архетипа Первозданной Женщины, хранительницы потаенных сокровищ. Василиса кормит куколку двумя способами: во-первых, крошками хлеба

---

[22] В ирландской мифологии и фольклоре – эльф, букв, «маленькое тело».

[23] В английской мифологии – одна из разновидностей эльфов; согласно преданию, это потомки друидов, не принявшие христианство.

– крошками жизни для нового душевного предприятия, и во-вторых, тем, что находит путь к Старой Дикой Матери – к Бабе Яге. Она слушает куколку на каждом повороте, на каждой развилке дороги, и та показывает, в какой стороне "дом".

Связь между куколкой и Василисой символизирует некую эмпатическую магию между женщиной и ее интуицией. Именно она должна передаваться от женщины к женщине – это благословенное усвоение, испытание и кормление интуиции. Мы, как и Василиса, укрепляем связь со своей интуитивной природой, когда напрягаем внутренний слух при каждом повороте дороги. "Куда идти: туда или сюда? Уйти или остаться? Сопротивляться или уступить? Броситься наутек или навстречу? Что кроется в этом человеке, событии, предприятии – правда или ложь?"

Нарушение связи между женщиной и ее дикой интуицией часто неверно понимают так, будто нарушена сама интуиция. Дело не в этом. Нарушена не интуиция, нарушено ее благословение, передающееся по материнской линии, передача интуитивного доверия между женщиной и всеми женщинами ее рода, которые ей предшествуют, – эта длинная река женщин была запружена [10]. В результате у женщины может быть ослаблено понимание интуитивной мудрости, но, если поупражняться, оно возвращается и полностью проявляется [11].

Куклы служат талисманами. Талисманы – это напоминания о том, что мы чувствуем, но не видим, о том, что присутствует, но не явно. Божество-талисман в образе куклы напоминает нам, подсказывает, видит раньше нас. Эта интуитивная функция свойственна всем женщинам. Это сильнейшая врожденная восприимчивость. Не та восприимчивость, которую когда-то превозносили в классической психологии, то есть пассивное средство, но восприимчивость, имеющая непосредственный доступ к глубокой мудрости, которая пронизывает женщину до мозга костей [12].

Задача четвертая: встретиться с дикой колдуньей лицом к лицу

В этой части сказки Василиса встречается с Дикой Колдуньей лицом к лицу. Эта встреча ставит такие задачи:

Суметь стойко вынести вид устрашающей Дикой Богини, то есть имаго [24] свирепой матери (встреча с Бабой Ягой). Освоиться с тайным, странным, с непохожестью дикого (жизнь в избе Бабы Яги). Принести в нашу жизнь некоторые ее ценности, став для этого немного странной в хорошем смысле слова (употребление ее пищи). Научиться переносить великую силу – сначала в других, а потом, и свою собственную. Дать слабому и слишком кроткому ребенку умереть безвозвратно.

Баба Яга живет в избушке на курьих ножках. Избушка может крутиться и вертеться по собственному желанию. В снах символ дома свидетельствует об организации психического пространства, в котором человек обитает, как сознательно, так и бессознательно. Будь эта сказка компенсирующим сновидением, столь чудной дом намекал бы на то, что Василиса слишком незначительна, слишком далека от цели и должна крутиться и вертеться, чтобы понять, что это такое, – время от времени плясать, как обезумевшая курица.

Теперь мы видим, что избушка Яги принадлежит к миру инстинкта и что Василисиной личности необходима добавка этого элемента. Эта избушка на курьих ножках расхаживает и даже кружится в каком-то причудливом танце. Она одушевленная, в ней бурлит энергия и радость жизни. Эти качества – краеугольные камни архетипической души Первозданной Женщины, радостной и дикой жизненной силы, где дома пускаются в пляс, где неодушевленные

[24] Бессознательный прообраз, избирательно направляющий восприятие одним субъектом другого; вырабатывается на основе первых межличностных отношений в семейном окружении.

предметы, вроде комьев известкового раствора, летают словно птицы, где старуха умеет колдовать, где все не такое, каким кажется, но, главным образом, гораздо лучше, чем казалось поначалу.

Василиса начинала как подавленная, приземленная личность. Именно такая "сверх-нормальность" наваливается на нас, когда мы, помимо собственной воли, ведем размеренную, безжизненную жизнь. Это побуждает нас пренебрегать интуицией [13], что, в свою очередь, ведет к недостатку света в душе. Тогда необходимо что-то делать: отправиться в лес и найти страшную женщину; или в один прекрасный день, когда мы будем идти по улице, крышка люка с лязгом откроется, и что-то бессознательное вмиг схватит нас и начнет размахивать, как тряпкой, весело или грозно – чаще всего грозно, – но с благополучным исходом [14].

Передача куколки от первой, доброй матери была бы неполной без заданий и испытаний, исходящих от Старой Дикой Матери. Баба Яга – это самая суть инстинктивной, целостной души. Об этом можно судить по тому, что ей известно все, что было раньше. "Как же, знаю я тебя и твоих родных", – говорит она, когда к ней приходит Василиса. Кроме того, выступая в других своих воплощениях как Мать Дней и Мать Нике (Мать Ночь [15], богиня Жизни-Смерти-Жизни), старуха Баба Яга является хранительницей небесных и земных сущностей: Дня, Восходящего Солнца и Ночи. Она зовет их "мой День, моя Ночь".

Баба Яга внушает страх, потому что одновременно олицетворяет и разрушительную энергию, и энергию жизненной силы. Посмотреть ей в лицо – значит увидеть vagina dentata, [25] кровавые глаза, безупречное новорожденное дитя и крылья ангелов – и все это сразу.

И Василиса, стоя перед ней, принимает это божество, Дикую Мать, вместе с ее мудростью, бородавками и всем прочим. Одна из самых удивительных черт Яги, запечатленных в этой сказке, – то, что, несмотря на все угрозы, она справедлива. Она не обижает Василису, пока та относится к ней почтительно. Почтение перед лицом великой силы – решающий урок. Женщина должна суметь выстоять перед силой, ведь в конце концов какая-то часть этой силы перейдет к ней. Василиса держит себя с этой силой не подобострастно, не хвастливо и не спесиво, не убегает от нее и не прячется. Она ведет себя честно – так, как ей это свойственно.

Многие женщины излечиваются от комплекса "излишней кротости", из-за которого – что бы они ни ощущали, кто бы на них ни покушался – они всегда реагировали так кротко, что практически обрекали себя на роль жертвы. Но, хотя днем они могли мило улыбаться, по ночам они скрежетали зубами, как хищные звери – это обитающая в их душах Яга стремилась выразить себя.

Такая излишняя, слишком кроткая приспособляемость часто бывает у женщин, когда они отчаянно боятся чего-то лишиться или оказаться ненужными. Два самых пронзительных сна, о которых я слышала, снились молодой женщине, которая определенно нуждалась в том, чтобы стать менее ручной. В первом она видела, что получила в наследство альбом – особый, с фотографиями "Дикой Матери". Как же она была счастлива – но лишь до тех пор, пока на следующей неделе ей не приснилось, что она открывает похожий альбом, и оттуда на нее смотрит устрашающего вида старуха. У этой ведьмы были зеленые зубы, а по подбородку стекали черные струйки – сок бетеля.

Этот сон характерен для женщины, которая излечивается от излишней кротости. Первый сон демонстрирует одну сторону дикой натуры, благодетельную и щедрую, и все то хорошее, что есть в ее мире. Когда же Дикая Женщина приходит в сон в образе страшной карги с зелеными зубами… ой-ой-ой! – нельзя ли убрать ее куда-нибудь подальше? Ответ: нельзя.

Бессознательное по-своему великолепно дает спящей представление о новом образе жизни, а это не только жеманная улыбка слишком кроткой женщины. Узреть эту дикую, творческую энергию в себе – значит получить доступ к миллионам ипостасей потаенной женствен-

[25] «Зубастое влагалище», у Фрейда – женские гениталии, способные убить или кастрировать.

ности. Они все принадлежат нам от рождения, и мы можем выбирать любую – ту, которая больше всего подходит нам в каждый конкретный момент.

В этой драме инициации Баба Яга – инстинктивная природа в обличье ведьмы. Слово "ведьма", как и слово "дикая", стало восприниматься в отрицательном смысле; но в давние времена этими словами называли знахарок, как старых, так и молодых, и само слово "ведьма" произошло от глагола "ведать", то есть знать. Это было еще до того, как цивилизации, принесшие с собой образ единственного Бога, возобладали над древними пантеистическими цивилизациями, в которых божество постигалось через многообразные религиозные образы Вселенной и всех ее явлений. Но, несмотря на это, великанша, ведьма, дикая натура и любые другие создания и целостные аспекты, существование которых в душе женщины общество считает чем-то ужасным, – это та самая благодать, которую женщинам, как правило, больше всего необходимо вновь обрести и вывести на поверхность.

В большинстве источников, посвященных женской силе, утверждается, что мужчины этой силы боятся. Мне всегда хочется воскликнуть: "Матерь Божья! А сколько женщин сами боятся женской силы!" Ведь древние женские качества и силы так обширны, так по-настоящему могучи! Вполне понятно, что, впервые встретившись лицом к лицу с Древними Дикими Силами, и мужчины, и женщины испуганно вглядываются в эти Силы – и наутек, поджав хвост и теряя клочья шерсти.

Если мужчины хотят хоть когда-нибудь научиться их выдерживать, то уж женщины должны научиться выдерживать их и подавно. Если мужчины хотят хоть когда-нибудь научиться понимать женщин, женщинам придется объяснить им, как устроена первозданная женственность. Для этого сно-творящая функция души по ночам приносит Бабу Ягу и всю ее свиту прямо в женские спальни. Если нам повезет, Яга оставит свои огромные следы на ковре около нашей постели. Она придет, чтобы вглядеться в тех, кто ее не знает. Если мы опоздали с нашей инициацией, Баба Яга будет недоумевать, почему это мы не пришли ее проведать, и тогда уж сама приходит с визитом в наши ночные сновидения.

Одной пациентке, с которой я работала, приснились женщины в длинных рваных ночных сорочках: они радостно поедали такие вещи, которых никогда не найдешь в ресторанном меню. Другой приснилась старуха в облике старой колченогой ванны, которая завывала трубами и грозилась их взорвать, если спящая не пробьет стену, чтобы ванна могла "видеть". Третьей приснилось, что она – одна из трех слепых старух, вот только она все время теряла свои водительские права и оставляла товарок, чтобы их найти. В каком-то смысле можно сказать, что ей было трудно отождествить себя с тремя парками, силами, которые управляют жизнью и смертью души. Но со временем она тоже научилась это переносить, научилась не уходить от того, чего когда-то боялась – своей же дикой природы.

В снах все эти существа напоминают женщине о ее стихийной самости – о Самости Яги, о загадочной и мощной силе Матери Жизни-Смерти-Жизни. Да, мы говорим, что быть ягой – хорошо; и что мы должны быть способны это выносить. Быть сильной – не значит нарастить мышцы и играть ими. Это значит встретиться с собственной нуминозностью и не сбежать от нее, а активно уживаться с дикой природой на свой лад. Это значит уметь учиться, уметь выносить то, что знаешь. Это значит быть выносливой и жить.

Задача пятая: служить нерациональному

В этой части сказки Василиса просит у Бабы Яги огня, и колдунья соглашается – но только в том случае, если взамен девочка будет выполнять для нее Домашнюю работу. На этом этапе обучения перед душой стоят такие задачи:

Жить с колдуньей; освоиться с великими дикими силами женской души; научиться узнавать ее (свою) силу и силы внутреннего очищения; омывать, перебирать, питать, выстраивать энергии и замыслы (стирать одежду Яги, стряпать для нее, убирать у нее в доме и перебирать семена).

Еще не так давно женщины были тесно связаны с ритмами жизни и смерти. Они вдыхали резкий запах железа – запах свежей крови при родах. Они обмывали остывающие тела умерших. Душа современной женщины, особенно той, что принадлежит к промышленному, техническому обществу, часто лишена этих важных и благодатных переживаний, сокровенных и простых. Но есть способ, который позволяет и новичкам полностью участвовать в чувственных аспектах циклов жизни и смерти.

Баба Яга, Дикая Мать, – вот наставница, которая может дать нам совет в этих вопросах. Она научит наводить порядок в доме нашей души. Она внушает эго другой порядок – тот, при котором могут происходить чудеса, может царить радость, может разыгрываться аппетит, и все можно делать со вкусом. Баба Яга – образец того, как оставаться верной своей Самости. Она учит и смерти и обновлению.

В сказке она учит Василису ухаживать за душевным домом первозданной женственности. Стирка одежды Бабы Яги – поразительный символ. Чтобы выстирать белье, в старину – хотя есть места, где так делают и поныне – женщины спускались к реке и там выполняли ритуальное омовение, которое люди совершали испокон веков, чтобы обновить ткань. Это прекрасный символ очищения и освежения всего содержимого души.

В мифологии ткань – это продукт труда матерей Жизни-Смерти-Жизни. Например, в греческой мифологии есть три мойры: Клото, Лахесис и Атропос. В мифологии индейцев племени дине (навахо) есть Na'ashje'ii Asdzaa, Женщина-Паучиха, которая передала им дар прядения. Эти матери Жизни-Смерти-Жизни учат женщин чуять, что должно умереть и что должно жить, что нужно извлечь из распоротой ткани и что в нее воткать. Баба Яга заставляет Василису стирать свою одежду, чтобы вынести эти узоры, известные Жизни-Смерти-Жизни, наружу, в сознание, – отстирать их и освежить.

Стирка – извечный ритуал очищения. И он предназначен не только для очищения: как и крещение, стирка подразумевает пропитывание, наполнение духовностью, высшей силой, тайной. В сказке стирка – самая первая задача. Ее смысл – снова придать форму тому, что растянулось от носки. Ведь одежда – вроде нас самих: наши принципы и ценности все больше изнашиваются, пока со временем совсем не утрачивают форму. Такое обновление, оживление происходит в воде, когда мы заново обнаруживаем то, что действительно считаем истинным, священным.

В символике архетипа одежда соответствует персоне, тому первому впечатлению, которое мы производим на окружающих. Персона – нечто вроде камуфляжа, который позволяет показать другим только то, что хотим мы сами, и не больше. Но у персоны есть и более древний смысл, что можно увидеть в ритуалах Центральной Америки; его хорошо знают cantadoras, cuentistas и curanderas – сказительницы и знахарки. Здесь персона – не только маска, за которой можно спрятаться, но присутствие, затмевающее привычную личность. В этом смысле персона или маска – это знак ранга, достоинства, характера и власти. Это внешний указатель, внешнее проявление мастерства [16].

Мне очень по душе это сопутствующее инициации задание, которое требует, чтобы женщина очистила персону, одеяние власти великой Яги, хозяйки леса. Стирая одежду Яги, посвящаемая воочию увидит, как выглядят швы персоны, как скроено платье. Скоро ей самой предстоит получить кое-какие образцы этих персон, чтобы спрятать в кладовку вместе с другими, сделанными раньше [17].

Нетрудно представить, что знаки силы и власти Яги – ее одежды – сделаны по образу и подобию ее собственной психики: прочными и долговечными. Стирка ее одежды – это мета-

фора, которая помогает нам заметить, рассмотреть и приобрести такое сочетание качеств. Мы учимся сортировать, исправлять и обновлять инстинктивную душу, стирая волокна бытия.

Следующее задание для Василисы – подмести в избе и во дворе. В сказках Восточной Европы веники часто бывают сделаны из прутьев деревьев и кустарников, а иногда – из корней гибких растений. Задача Василисы – вымести этим орудием, сделанным из растительных материалов, мусор из избы и со двора. Мудрая женщина держит свою душевную среду незамусоренной. Для этого необходимо иметь ясную голову, чистое место для работы и работу, которая бы давала возможность осуществлять свои замыслы и проекты [18].

Для многих женщин эта задача требует выделения ежедневного времени для размышления, а также жизненного пространства, которое принадлежало бы исключительно им и в котором были бы бумага, ручки, краски, инструменты, беседы, время, свобода – все предназначенное только для этой работы. Для многих такое специальное место и время для работы предоставляют психоанализ, созерцание, медитация и другие методы, позволяющие пережить погружение в глубины души и преображение. У каждой женщины свои предпочтения, свой путь.

Если такую работу можно выполнять в избушке бабы Яги – тем лучше. Даже рядом с этой избушкой лучше, чем вдали от нее. Так или иначе, свою Дикую жизнь необходимо регулярно упорядочивать. Не годится обращаться к ней раз в год, на день-другой.

Но поскольку Василиса метет избу Бабы Яги, двор Бабы Яги, мы можем сказать, что речь идет о содержании в чистоте и порядке необычных идей, в том числе незаурядных, мистических, духовных и сверхъестественных [19].

Подметать в доме – значит не только начать ценить внутреннюю жизнь, но и заботиться о ее опрятности. Иногда женщины запускают свою душевную работу, пренебрегают ее архитектурой, и в итоге она зарастает лесом. Постепенно все конструкции души исчезают под слоем растительности, и в конце концов остаются лишь археологические черепки, затерянные в бессознательном нашей психики. Если периодически производить генеральную уборку, этого не случится. Если женщина создает для себя чистое пространство, дикая природа пышнее расцветает.

Прежде чем стряпать на Бабу Ягу, мы должны спросить себя: какой частью души питается Баба Яга, чем можно накормить столь дикую богиню? Чтобы стряпать на Бабу Ягу, нужно, во-первых, разжечь огонь: женщина должна захотеть пылать ярким пламенем, сгорать от страсти, искриться словами, идеями, желанием получить то, что она искренне любит. В сущности, именно эта страсть дает огонь для стряпни, а продукты – это изначальные женские представления об истинном смысле. Чтобы стряпать на Ягу, нужно позаботиться, чтобы творческая жизнь постоянно подогревалась на огне.

Большинству из нас было бы полезно получше следить за этим огнем – получше присматривать за стряпней, которой мы кормим свою дикую Самость. Мы слишком часто отворачиваемся от котла, от печи. Мы забываем караулить, забываем подбрасывать дрова, забываем помешивать. Мы ошибочно думаем, что огонь и стряпня – все равно что колючие комнатные растения, которые могут обходиться без воды восемь месяцев, прежде чем засохнут окончательно. Ничего подобного. Огонь требует ухода, потому что пламя может легко погаснуть. Ягу нужно кормить. Если она останется голодной, вам не поздоровится.

Итак, именно стряпая что-то новое, совершенно оригинальное, открывая новые направления, проявляя преданность своей работе и творчеству, мы постоянно питаем дикую душу. То же самое является пищей и для Старой Дикой Матери, поддерживает ее жизнь в наших душах. Если нет огня, наши великие идеи, наши оригинальные мысли, наши стремления и томления остаются полусырыми, а все желания неутоленными. Зато все то, что мы делаем с огоньком, доставляет удовольствие Ей и питает всех нас.

Когда речь идет о развитии женщины, все эти мотивы домашней работы – стряпни, стирки, уборки – подразумевают вещи за пределами обыденности. Все эти метафоры предлагают новые способы обдумывания, измерения, кормления, питания, исправления, очищения, упорядочивания жизни души.

Василиса проходит инициацию, посвящение во все это, а интуиция помогает ей выполнить все задания. Интуитивная природа дает способность измерять на глазок, мгновенно взвешивать, счищать сор с идей и называть вещи по сути, воспламенять жизненной силой, доводить сырые идеи до готовности, стряпать пищу для души. С помощью куколки-интуиции Василиса учится разбирать, понимать, содержать в порядке, очищать и прибирать обитель души.

Вдобавок она узнает: для того чтобы Дикая Мать могла выполнять свою работу, ей необходимо обильное питание. Бабу Ягу не посадишь на диету из листьев салата и черного кофе. Если хочешь быть с нею рядом, нужно понимать, что ей по вкусу определенные вещи. Если хочешь установить связь с древней женственностью, нужно много стряпать.

С помощью этих заданий Баба Яга учит, а Василиса учится не пугаться огромного, могучего, цикличного, непредвиденного, неожиданного, обширного и широкомасштабного, то есть имеющего размер Природы, а также странного, непонятного и необычного.

Женские циклы, связанные с заданиями для Василисы, таковы: регулярно освежать мышление, обновлять ценности. Регулярно очищать ум от мелочей, подметать свое существо, прибирать свои мысли и чувства. Развести негаснущий огонь под творческой жизнью и систематически доводить на нем до готовности свои замыслы – значит стряпать, причем изобретательно, массу небывалых событий, чтобы питать отношения между собой и дикой натурой.

Благодаря времени, проведенному у Яги, Василиса в конце концов усвоит кое-какие из повадок и манер старой колдуньи. И мы – тоже. Ведь это наша работа – по-своему, по-человечески ограниченно, лепить себя по ее образу и подобию. Этому-то мы и учимся, исполненные благоговейного ужаса, ибо в краю Бабы Яги есть вещи, которые летают по ночам и просыпаются днем, и все они приглашены и призваны дикой инстинктивной природой. Есть мертвые кости, которые сохранили способность говорить, есть ветры, судьбы, солнца, луны и небо – и все это живет в ее необъятном сундуке. Но она следит за порядком. День сменяет ночь, времена года следуют своим чередом. Она не допускает случайностей. В ней есть и Склад и Лад.

В сказке, обнаружив, что Василиса выполнила все порученные ей задания, Баба Яга остается довольной и вместе с тем слегка разочарованной, поскольку не может побранить девочку. Поэтому, желая удостовериться, что Василиса не обленилась от успеха, колдунья всякий раз заявляет ей: "Если ты выполнила работу один раз, это не значит, что выполнишь ее в следующий. Так что вот тебе работа на завтра. Посмотрим, как ты справишься, красавица. А не справишься…"

Ведомая интуицией, Василиса снова выполняет задание. И Яга удостаивает ее скупой и ворчливой похвалы, как это свойственно старухам, которые прожили долгую жизнь, повидали много такого, чего бы лучше и не видать, и это наполняет их гордостью.

Задача шестая: отделить одно от другого

В этой части сказки Баба Яга требует от Василисы выполнения двух очень важных заданий. Вот задачи женской души:

Научиться точно узнавать, безошибочно отделять одно от другого, научиться делать тонкие различия в суждениях (перебрать зерно, отделив хорошее от испорченного, и выбрать маковые семена из кучи грязи). Наблюдать за силой бессознательного и его деятельностью даже в те моменты, когда эго не осознает происходящего (пары рук, возникающие из воздуха). Больше узнать о жизни (зерно) и смерти (маковые семена).

Василисе велено разделить четыре субстанции: отделить хорошее зерно от гнилого и маковые семена от грязи. Куколка-интуиция успешно справляется с этой работой. Порой процесс сортировки происходит на таком глубинном уровне, что мы его едва осознаем, пока в один прекрасный день…

Сортировка, о которой идет речь в сказке, происходит в тех случаях, когда перед нами встает дилемма или вопрос, которые нам придется решать без посторонней помощи. Оставьте его и вернитесь к нему позже – может быть, там, где раньше ничего не было, вас будет дожидаться готовый ответ. Или ложитесь спать и посмотрите, что вам приснится [20], – может быть, женщина, которой уже два миллиона лет, придет навестить вас из ночной страны. Может быть, она принесет решение или покажет вам, что ответ спрятан под кроватью или в кармане, в книге или за ухом. Так часто бывает: при наличии опыта, на вопрос, заданный на ночь, часто приходит ответ после пробуждения. Есть в душе нечто такое, сродни сказочной куколке, что таится в коллективном бессознательном, над или под ним, что анализирует сведения, пока мы спим и видим сны [21]. И доверие к этому качеству – тоже часть дикой натуры.

Здесь гнилое зерно – символ с двойным смыслом. Напиток, который готовят из пораженного гнилью зерна, может производить опьяняющее и целебное действие. Есть злаковая болезнь под названием головня – довольно странный черный грибок, который можно увидеть в гнилом зерне; говорят, что он вызывает галлюцинации.

Многие ученые предполагают, что в древнегреческих элевсинских священных мистериях участники употребляли галлюциногены, для приготовления которых используется зерно пшеницы, ячменя, мака или кукурузы. Кроме того, перебирание зерна – задание, которое дает Василисе Баба Яга, – связано со сбором лекарственных трав; и поныне в Северной, Центральной и Южной Америке можно увидеть curanderas, старых знахарок-целительниц, занятых этим делом. И в маковом семени, с его снотворным и успокаивающим действием, и в грязи, которую с древних времен используют для припарок и ванн, а в некоторых случаях и внутрь, мы тоже видим намек на методы и средства древних целительниц [22].

Это одно из самых замечательных мест во всей сказке. Свежее зерно, гнилое зерно, маковое семя и грязь – все это остатки аптеки древних знахарей. Эти средства используют в бальзамах, мазях, примочках и припарках, чтобы удерживать на теле другие целебные вещества. В метафорическом смысле это еще и лекарства для души: одни насыщают, другие успокаивают, одни вызывают истому, другие бодрят. Все это – грани циклов Жизни-Смерти-Жизни. Баба Яга не просто велит Василисе отделить одно от другого, различить похожие вещи – например, истинную любовь и ложную, вдохновенную жизнь и пропащую, – она также велит ей отличать одно лекарство от другого.

Как и сновидения, которые, хотя их можно представлять на объективном уровне, остаются субъективной реальностью, эти носители пищевых и/или лекарственных свойств являются для нас путеводными символами. Вслед за Василисой мы должны сортировать целительные средства своей души, перебирать их снова и снова, пока не поймем, что пища для души – это то же лекарство для души, – и выжать из этих средств истину, сущность, которая утолит наш голод.

Все эти предметы и задания знакомят Василису с природой Жизни-Смерти-Жизни, с взаимными уступками любви к своей дикой природе. Иногда, чтобы приблизить женщину к этой природе, я прошу ее поработать в саду – будь то сад души или настоящий: с землей, грязью, зеленью и всем тем, что окружает, помогает и наступает. Пусть он станет олицетворением дикой души. Сад – это конкретная связь с Жизнью и Смертью. Можно даже сказать, что есть религия сада, поскольку он дает глубокие уроки психологии и духовности. Все, что может случиться с садом, может случиться и с душой – избыток влаги, недостаток влаги, вредители, зной, буря, наводнение, вторжение, чудеса, умирание, возвращение, благодать, исцеление, цветение, изобилие, красота.

Наблюдая за садом, женщины ведут дневник, отмечая в нем признаки дарения и отнятия жизни. Чтобы сделать каждую запись, приходится состряпать целый психологический суп. Работая в саду, мы предоставляем мыслям, идеям, предпочтениям, желаниям и даже любовным привязанностям жить и умирать. Мы сажаем, вырываем, закапываем. Мы сушим семена, сеем их, поливаем, подпираем растения, собираем урожай.

Сад – это практика медитации, которая позволяет нам уловить момент, когда для чего-то приходит пора умирать. В саду можно видеть время созревания и отмирания. В саду мы следуем вдохам и выдохам великой Дикой Природы, а не сопротивляемся им.

Благодаря медитации мы узнаем, что цикл Жизни-Смерти-Жизни носит естественный характер. И природа дарования жизни, и природа отнятия жизни ждут вашей дружбы и вечной любви. В этом процессе мы усваиваем цикличность дикой природы. Мы способны влить энергию и укрепить жизнь и в то же время не мешать тому, что умирает.

Задача седьмая: спросить о тайном

Успешно выполнив все задания, Василиса задает Яге хорошие вопросы. Вот задачи этого периода:

Спрашивать и стараться побольше узнать о природе Жизни-Смерти-Жизни и о том, как она проявляется (Василиса спрашивает о всадниках). Узнать правду о способности понимать все элементы дикой природы ("Много будешь знать – скоро состаришься") [23].

Все мы начинаем с вопроса: "Что я в действительности собой представляю? Каково мое предназначение на этой земле?" Яга учит нас, что мы похожи на Жизнь-Смерть-Жизнь, что это наш цикл, наше конкретное прозрение глубокой женственности. В детстве одна из моих тетушек познакомила меня с семейным преданием о "водяной женщине". Она сказала, что на краю каждого озера живет молодая женщина со старыми руками. Ее первая забота – вложить туж (могу перевести это слово только такими понятиями, как "душа" или "душевный огонь") в дюжины красивых фарфоровых уток. Ее вторая забота – завести уток деревянными ключиками, которые торчат у каждой из спины. Когда завод кончается и утки падают, их тела разбиваются – тогда женщина должна махнуть передником на освободившиеся души, чтобы они взметнулись в небо. Ее четвертая забота – вложить туж в следующую партию красивых фарфоровых уток и выпустить их в жизнь…

Эта сказка – одно из самых красноречивых повествований о том, чем занята Мать Жизнь-Смерть-Жизнь. В контексте психики Мать Нике, Баба Яга, Водяная Женщина, La Que Sabe и Дикая Женщина олицетворяют разные картины, разные возрасты, настроения и аспекты Дикой Матери Богини. Наша работа – вложить туж в собственные идеи, в собственную жизнь и в жизнь тех, с кем мы соприкасаемся. Наша работа – отправить душу в ее дом. Наша работа – взметнуть дождь искр, наполнив ими день и сотворив свет, чтобы затем найти дорогу и во тьме.

Василиса спрашивает про всадников, которых она видела по пути к избе Бабы Яги: белого всадника на белом коне, красного всадника на красном коне и черного всадника на черном коне. Яга, как и Деметра, – мать коней, старая богиня, ассоциируемая также с силой кобылицы и с плодородием. Изба Бабы Яги – конюшня для разноцветных лошадей и их всадников. Днем эти пары поднимают на небо Солнце и перемещают его по небосводу, а ночью затягивают небо покровом тьмы. Но есть и кое-что еще.

Черный, красный и белый всадники символизируют древние цвета, соответствующие рождению, жизни и смерти. Эти цвета также символизируют древние принципы спуска, падения, смерти и возрождения: черный – низвержение старых ценностей, красный – принесение в жертву своих бережно хранимых иллюзий, а белый – новый свет, новое знание, которое приходит благодаря переживанию двух первых.

Вот старинные слова, которые использовались для них в средние века: нигредо – черный, рубедо – красный, альбедо – белый. Они описывают алхимию [24], которая сопровождает круговорот Дикой Женщины, работу Матери Жизни-Смерти-Жизни. Без этих символов зари, нарастающего света и таинственной тьмы Она не была бы тем, кто Она есть. Без зарождения надежды в наших сердцах, без постоянного света – все равно, свечи или солнца, – позволяющего отличить в жизни одно от другого, без ночи, которая несет всему утешение и из которой все рождается, мы тоже не могли бы воспользоваться своей дикой природой.

В сказке эти цвета чрезвычайно важны, ибо у каждого из них есть своя природа смерти и природа жизни. Черный – цвет земли, плодородия, исходной почвы, в которую засевают все идеи. Но черный – еще и цвет смерти, помрачения света. Есть у черного и третий аспект. Этот цвет связан с тем миром между мирами, на котором стоит La Loba, ибо черный – цвет спуска, падения. Черный – обещание: скоро вы узнаете то, чего не знали раньше.

Красный – цвет жертвы, ярости и убийства, мук и гибели. Но красный – также цвет трепещущей жизни, динамической эмоции, возбуждения, эроса и страсти. Этот цвет считается сильным лекарством от душевной немочи, он возбуждает аппетит. Во всем мире известен образ так называемой красной матери [25]. Не столь хорошо известная, как черная мать, или черная мадонна, она наблюдает за всем тем, "что совершает переход". Ее расположения особенно ищут те, кто готовится родить, ибо покидающие этот мир или приходящие в него должны пересечь ее красную реку. Красный цвет – обещание: скоро произойдет восход или рождение.

Белый – цвет новизны, чистоты, первозданности. Это также цвет души, свободной от тела, цвет духа, не отягощенного материей. Это цвет самой необходимой пищи – материнского молока. И напротив – это цвет мертвых, того, что утратило свою розовость, румянец жизни. Там, где есть белый Цвет, все на миг становится tabula rasa, чистым листом. Белый цвет – обещание: пищи достаточно для того, чтобы все началось заново; пустота или бездна заполнится.

В одежде Василисы и ее куколки повторяются цвета всадников: белый, красный, черный. Василиса и ее кукла – это начала (Anlagen) алхимии. Это они помогают Василисе превратиться в маленькую Мать Жизнь-Смерть-Жизнь. В этой сказке есть два воскресения, два дарования жизни: Василиса воскресает Для новой жизни благодаря кукле, а также встрече с Бабой Ягой и выполнению ее заданий. Есть и две смерти: родной, слишком доброй матери, а также мачехи и ее дочерей. Однако легко понять, что эти смерти необходимы и что в итоге они позволяют юной душе жить гораздо более полной жизнью.

Получается, что это очень важно – позволить жить, позволить умереть. Это основа природного ритма, который женщине следует понимать – и которому следует подчиняться. Понимание этого ритма уменьшает страх, потому что мы предвидим будущее – и земля набухает, готовясь принять останки. Куколка и Яга – дикие матери всех женщин, они приносят дары – острую интуицию – из сферы личного и божественного. В этом высший парадокс и урок инстинктивной природы, своеобразный "волчий буддизм". Одно есть оба. Из двух получается три. То, что живет, – умрет. То, что умирает, – будет жить.

Именно это имеет в виду Баба Яга, говоря: "Много будешь знать, скоро состаришься". В каждом возрасте, в каждую пору своей жизни каждый из нас должен иметь определенное знание. В сказке узнать о руках, которые появляются невесть откуда, чтобы выжать масло из зерна и макового семени, – животворные и смертельно ядовитые снадобья, – значит знать слишком много. Василиса спрашивает о всадниках, но не о руках.

В молодости я расспрашивала о Бабе Яге свою приятельницу Булгану Робнович, пожилую сказительницу с Кавказа, жившую в крошечной общине русских фермеров в Миннесоте. Как она понимает ту часть сказки, где Василиса "просто знает", что дальше спрашивать нельзя? Она посмотрела на меня своими глазами без ресниц, похожими на глаза старой собаки, и сказала: "Просто есть вещи, узнать которые нельзя". Потом загадочно улыбнулась и скрестила толстые ноги – вот и весь ответ.

Пытаться понять тайну появления и исчезновения слуг, которые приходят в облике рук без тела, – все равно что пытаться до конца постичь непостижимое. Предостерегая Василису от этого вопроса, куколка и Яга предупреждают девочку: не следует сразу слишком углубляться в тайны потустороннего; и это правильно, ибо, даже проникнув туда, мы не должны поддаться чарам и попасть в западню.

Есть еще одна совокупность циклов, на которую здесь намекает Баба Яга, – это циклы женской жизни. Подчиняясь им, женщина все больше и больше понимает внутренние женские ритмы, в том числе ритмы творчества, рождения детей души, а может быть, и телесных детей, ритмы одиночества, игры, отдыха, сексуальности и охоты. Не нужно торопить себя – понимание наступит. Придется смириться и с тем, что некоторые вещи остаются недосягаемыми, несмотря на то что они воздействуют на нас и обогащают. У нас в семье говорят: "Есть дела, которыми ведает Господь Бог".

Итак, когда мы одолеваем эти задачи, "наследство диких матерей" углубляется, и интуитивные способности появляются как из человеческой, так и из сокровенной части души. Теперь у нас две наставницы: одна – куколка, а вторая – Баба Яга.

Задача восьмая: встать на четвереньки

Благословение, полученное Василисой от покойной матери, отпугивает Бабу Ягу: она дает девочке свет – пылающий череп на палке – и велит убираться. В этой части сказки определяются такие задачи:

Обрести колоссальную способность видеть и воздействовать на других (получение черепа). Воспринимать свои жизненные обстоятельства в этом новом свете (возвращение назад, к своей прежней, неродной семье).

Что же отпугивает Бабу Ягу: тот факт, что Василиса получила от своей покойной матери благословение, или же сама благословенность вообще? По существу, ни то, ни другое не вносит полной ясности. Если учесть, что в сказке неизбежны более поздние монотеистические наслоения, то, видимо, именно здесь внесены некоторые "исправления": у читателя должно возникать впечатление, будто Баба Яга пугается материнского благословения, которое несет в себе Василиса. А цель в том, чтобы представить эту Старую Дикую Мать (родом, быть может, из эпохи неолита) как нечистую силу и тем самым возвысить более новую христианскую религию и скомпрометировать старую.

Возможно, первоначальное слово этой сказки заменили на "благословение", чтобы подтолкнуть к обращению в христианство; однако на мой взгляд, первоначальный, архетипический смысл сохранился. Суть материнского благословения можно истолковать так: Ягу не отпугивает сам факт полученного благословения; ее отталкивает то, что это благословение исходит от слишком доброй матери – кроткой и нежной любимицы души. Если Яга есть Яга, то ей вовсе не по вкусу так долго находиться рядом с этой слишком смиренной, слишком скромной стороной женской природы.

Хотя Яга может вдохнуть жизнь в эту робкую мышку, она с таким же успехом могла бы велеть ей не заходить на чужую территорию. Страна Бабы Яги – нижний мир души. Страна слишком доброй матери – верхний мир. Если кроткое может соседствовать с диким, то дикое не может долго соседствовать с кротким.

Усваивая эту черту Бабы Яги, женщины перестают безропотно принимать каждый выпад, каждую колкость, каждый вздор – все, что встречается на пути. Желая немного освободиться от нежного благословения слишком доброй матери, женщина постепенно учится не просто смотреть, а приглядываться и подмечать и все меньше попадать впросак.

Теперь, приобретя на службе у Яги ранее отсутствовавшую способность, Василиса получает частицу силы дикой Ведьмы. Некоторые женщины боятся, что это глубокое знание, проистекающее от инстинкта и интуиции, сделает их безрассудными и неосмотрительными, но такой страх безоснователен.

Совсем напротив, недостаток интуиции, слабое восприятие циклов или неумение использовать свои знания приводит к тому, что женщина делает неверный выбор – он-то и приносит плачевные или даже гибельные последствия. Чаще такое знание, достояние Яги, влияет на женщину очень постепенно – как правило, указывает направление, передавая отчетливые картины того, что таится за или под мотивами, идеями, действиями и словами других людей.

Если инстинктивная душа предупреждает: "Остерегайся!", – женщина должна быть начеку. Если глубинная интуиция говорит: "Делай это, делай то, иди туда, остановись здесь, иди дальше", – женщина должна вносить необходимые поправки в свои планы. Интуиция предназначена не для того, чтобы посоветоваться с ней разок, а потом забыть. Это не одноразовое средство. С ней нужно советоваться на каждом шагу пути, сражается ли женщина с внутренним демоном или решает какую-то задачу во внешней жизни, являются ли ее заботы и устремления личными или глобальными. Прежде чем предпринять какое бы то ни было действие, следует прежде всего укрепить дух.

Но вернемся к жуткому пылающему черепу. Этот символ связан с явлением, которое старые археологи называют поклонением предкам [26]. В поздних архео-религиозных версиях сказки говорится, что черепа на шестах принадлежат людям, которых Яга убила и съела. Но в более древних религиозных обрядах, направленных на поддержание связи с предками, кости считались средствами вызывания духов, причем самым важным был именно череп [27].

Практикующие такие обряды верят, что особое, неподвластное времени знание предков продолжает после смерти жить в их костях. Череп они рассматривают как свод, вместилище деятельного элемента души, который, если его попросить, может на время призвать весь дух покойного, чтобы обратиться к нему за советом. Можно легко представить, что душа-Самость обитает прямо в костяном соборе черепа, где глаза – окна, рот – дверь, а уши – слуховые окна.

Поэтому, вручая Василисе пылающий череп, Яга дает ей изображение старухи, "родовую ведунью-знахарку", чтобы девочка пронесла ее с собой по жизни. Она передает Василисе наследство материнской линии знания, которое пребывает в целости и сохранности в пещерах и ущельях души.

И вот Василиса уходит в темный лес, неся в руке пылающий череп. Она долго скиталась, чтобы разыскать Бабу Ягу, и теперь возвращается домой – более знающая, более уверенная, целеустремленно двигаясь прямо вперед. Она возвращается, выдержав посвящение и приобретя глубокую интуицию. Интуиция вставлена в нее, как драгоценный камень в центр короны. Если женщина дошла до этой ступени, значит, она сумела расстаться с опекой своей внутренней слишком доброй матери, научилась предвидеть превратности внешнего мира и справляться с ними, преодолевая их, а не усложняя. Она познакомилась со своими скрытыми угнетательницами – мачехой и ее дочерьми – и осознала тот вред, который они хотят ей причинить.

Прислушиваясь к своему внутреннему голосу, она сумела найти дорогу во тьме и вынести вид Ведьмы, которая олицетворяет одну из сторон нашей собственной природы, но еще и властную дикую природу. Так она обрела способность понимать эту страшную и мудрую силу в себе и других. Она уже больше не скажет: "Я боюсь кого-то или чего-то".

Она служила Богине-Ведьме души, вскармливала связь с ней, очищала персону, со держала в чистоте мышление. Она научилась понимать великую дикую силу, обитающую в собственной душе.

Она узнала о Жизни-Смерти-Жизни и связанном с ней женским даром. Теперь, когда она обрела эти навыки Яги, у нее больше нет недостатка ни в силе, ни в уверенности. Получив наследство матерей – интуицию человеческой стороны природы – и дикое знание той стороны

души, где обитает La Que Sabe, она во всеоружии. Она идет по жизни, уверенно ступая, шаг за шагом, женственно. Она слилась воедино со своей силой и теперь видит мир и свою жизнь в новом свете. Посмотрим, что бывает, когда женщина становится такой.

Задача девятая: преобразить тень

Василиса идет домой, неся на палке пылающий череп. Девочка едва не выбрасывает его, но череп удерживает ее от этого. Когда она приходит домой, череп наблюдает за мачехой и ее дочерьми и затем сжигает их дотла. Василиса живет долго и счастливо [28].

Вот психологические задачи этой поры:

Использовать острое зрение (пылающий череп), чтобы узнать пагубные закутки собственной души и отреагировать на них и/или пагубные стороны людей и событий внешнего мира; огнем ведьмы преобразить пагубные тени своей души (злая мачеха с дочерьми, которые мучили Василису, превратились в головешки).

Пробираясь через лес, Василиса держит перед собой пылающий череп, а куколка указывает ей обратный путь: "Иди туда, а не сюда". Василиса, бывшая наивной простушкой, теперь стала женщиной, и ее сила предшествует ей.

Из глазниц, носового и ротового отверстий черепа вырываются огненные лучи. Это еще одно изображение душевных процессов, имеющих отношение к способности различать, а также к связи с предками, то есть к памяти. Если бы на палку, которую Василиса получила от Бабы Яги, была насажена коленная чашечка, этот символ требовал бы иного истолкования. Получи она кость Руки, ключицу или любую другую – за исключением, пожалуй, женской тазовой кости, – смысл был бы совсем другим [29].

Поэтому череп – еще один символ интуиции – не причиняет вреда ни Яге, ни Василисе, поскольку сам обладает способностью различать. Теперь Василиса несет огонь знания, она обладает звериным чутьем. Она умеет видеть, слышать, чуять запахи, ощущать вкус, и к тому же с ней – ее Самость. У неё есть куколка, есть способности Яги, а теперь еще и пылающий череп.

На какой-то миг Василиса пугается силы, которую несет, и ей хочется выбросить пылающий череп. Не удивительно, что, когда в ее распоряжении оказывается такая колоссальная сила, эго думает: пожалуй, лучше, проще, безопаснее избавиться от этого жгучего света, потому что его слишком много и из-за него Василисы тоже стало слишком много. Но раздавшийся из черепа сверхъестественный голос велит девочке успокоиться и продолжать путь. И ей это удается.

У каждой женщины, которая обретает интуицию и способности Яги в придачу, бывает момент, когда ее одолевает искушение отделаться от них, – что проку видеть и знать все это? Сияющий из черепа свет безжалостен. В его лучах пожилые выглядят стариками, красивые – красавчиками и красотками, глупые – дураками, неверные – изменниками, пьяные – выпивохами, а невероятные события – чудесами. Череп видит то, что видит, это вечный свет, который освещает дорогу женщине, как некое существо, которое идет чуть впереди и сообщает о том, что видит. Это ее постоянный разведчик.

Но если так видишь и ощущаешь, нужно это как-то использовать. Если обладаешь хорошей интуицией, полезными способностями, приходится работать. Приходится вначале наблюдать и оценивать враждебные силы и нарушения равновесия – как извне, так и изнутри. Потом напрягать волю, чтобы что-то сделать с тем, что видишь, – себе на благо, для равновесия или чтобы позволить чему-то жить или умереть.

Это правда, я не стану вам лгать – легче избавиться от света и снова уснуть. Это правда – порой бывает трудно держать перед собой светильник из черепа. Ведь с ним мы четко видим себя и других со всех сторон – и уродливое, и божественное, и все промежуточные состояния.

Но благодаря этому свету до сознания доходит чудесная и глубокая красота мира и людей. Благодаря этому пронизывающему свету можно увидеть за дурным поступком доброе сердце, можно разглядеть под ненавистью сломленный хрупкий дух, можно многое понять вместо того, чтобы пребывать в недоумении. Этот свет помогает различать слои личность-намерения-побуждения в других людях. Он поможет выявить сознательное и бессознательное у себя и других. Он – волшебная палочка, открывающая знание. Он – зеркало, в котором можно увидеть и почувствовать все на свете. Он – сокровенная дикая природа.

И все же бывают времена, когда его откровения причиняют боль и становятся почти невыносимы, ибо пылающий череп также распознает, где зреет предательство, где за смелыми словами скрывается слабость. Он распознает за теплой улыбкой зависть, похожую на застывший жир, распознает взгляды, которые служат лишь масками неприязни. И нас самих он освещает так же ярко – и наши сокровища, и наши слабости.

Именно это знание вынести труднее всего. Именно в этот миг нам всегда хочется зашвырнуть подальше это наше чертово всезнание. Именно здесь мы ощутим, если, конечно, обратим внимание, как исходящая от Самости могучая сила говорит: "Не бросай меня. Храни меня. И ты увидишь".

Плутая по лесу, Василиса, безусловно, думает о своей неродной семье, которая коварно послала ее на смерть, и, хотя у девочки добрая душа, череп отнюдь не добр: его дело – быть зорким. Поэтому, когда она хочет бросить череп, мы понимаем, что она думает о той боли, которую причиняет знание некоторых вещей о себе, о других и о мире.

Василиса добирается до дома, и мачеха с дочерьми говорят, что, пока ее не было, они сидели без света и тепла и никакими силами не могли разжечь огонь. И это сущая правда: именно такое происходит в душе любой женщины, когда ее обуревает дикая сила. В такое время все то, что ее угнетает, лишается либидо – либидо исчезает в неизвестном направлении. Без либидо неприятные стороны души, угнетающие творческую жизнь женщины или вынуждающие ее растрачивать жизнь на мелочи, становятся похожи на перчатки, из которых вынули руки.

Череп начинает неотступно следить за мачехой и ее дочерьми, не спуская с них огненного взора. Можно ли испепелить какой-то вредный аспект, если неотступно за ним следить? Можно. Постоянно удерживая предмет в сознании, можно его иссушить. В одном из вариантов сказки злые обидчицы сгорают дотла, а в другом от них остаются три маленьких черных уголька.

В трех маленьких черных угольках воплощена очень интересная мысль." Маленький черный комочек часто считают началом жизни. В Ветхом Завете, создавая первого мужчину и первую женщину, Бог сотворил их из земли, грязи, глины, в зависимости от того, к какому переводу мы обратимся. Но сколько земли ему понадобилось? Об этом ничего не сказано. Зато в других историях о творении мир и его обитатели часто бывают сотворены из комочка, из единой крупицы, из одной щепотки чего-то черного [30].

Таким образом, три уголька – это вотчина Матери Жизни-Смерти-Жизни. В душе они сгорают почти без остатка. Они лишаются либидо. Теперь может произойти что-то новое. В большинстве случаев, когда мы сознательно лишаем часть души сока, она съеживается, а ее энергия высвобождается или изменяется.

В этом испепелении злобной мачехи и ее дочерей есть и другая сторона. Невозможно сохранить сознание, приобретенное благодаря встрече с Богиней-Ведьмой, получению пылающего света и т.д., если на внешнем или внутреннем уровне живешь рядом с жестокими людьми. Если вас окружают люди, которые обмениваются взглядами и негодующе возводят очи горе,

стоит вам войти в комнату, что-то сказать, сделать, на что-то отреагировать, – значит, вы живете с людьми, которые душат чувства – ваши, а скорее всего, и свои тоже. Этим людям нет дела до вас, вашей работы, вашей жизни.

Женщина должна с умом выбирать друзей и возлюбленных, иначе и те и другие могут превратиться в злую мачеху и мерзких сестер. Когда дело касается наших любимых, мы часто наделяем их силой великого мага, великого волшебника. Сделать это легко, потому что, когда возникает подлинная близость, для нас открывается дверь в волшебный мир – во всяком случае, нам так кажется. Возлюбленный может создать и/или разрушить даже самые прочные наши связи с собственными циклами и идеями. От любовника-разрушителя следует держаться подальше. Нам больше подходит тот, чья душа сделана из сильных мышц и нежной ткани. Ведь для Дикой Женщины лучше, чтобы ее любимый тоже был немножко не от мира сего – человеком, который умел бы читать в ее душе.

Если у женщины-дикарки возникает идея, такой друг или возлюбленный никогда не скажет: "Ну, я не знаю; по-моему, это просто глупо (чрезмерно, невыполнимо, дорого и т.д.)". Настоящий друг никогда так не скажет. Он может сказать: "Не знаю, правильно ли я понял. Расскажи, как ты себе это представляешь. Расскажи, как это будет работать".

Возлюбленный и друг, который относится к тебе как к живому, развивающемуся организму, вроде дерева в лесу, фикуса в доме или розы в саду; любимый и друзья, видящие в тебе существо, которое живет и дышит, – человеческое, но вдобавок состоящее из очень тонких, влажных и волшебных вещей; любимый и друзья, которые поддерживают в тебе это существо, – вот люди, которых ты ищешь. Они будут друзьями твоей души на всю жизнь. Чтобы сохранить осознанность, сохранить интуицию, сохранить тот пылающий свет, который видит и знает, очень важно осмотрительно выбирать друзей и возлюбленных, не говоря уж об учителях.

Чтобы сохранить связь с первозданным, спроси себя, чего ты хочешь. Это и значит отделить зерна от грязи. Одно из важнейших различий, которые мы можем здесь сделать, – различие между тем, что нас манит, и тем, что взывает к нам из глубин души.

Вот как это делается. Представьте себе шведский стол, который ломится от взбитых сливок, лососины, булочек, жареного мяса, фруктового салата, энчиладас [26] с зеленью, риса с кари, йогурта и множества всякой прочей снеди – закусок, основных блюд, десертов. Представьте, что вы рассматриваете его и видите блюда, которые вам по вкусу. «Так, – говорите вы себе, – возьму-ка я это, это и немножко того».

Некоторые всю жизнь принимают решения, пользуясь таким подходом. Нас окружает мир, который постоянно манит, который проникает в нашу жизнь, возбуждая аппетит там, где прежде его не было. Делая такой выбор, мы выбираем что-то только потому, что оно в этот момент оказалось у нас перед носом. Это не обязательно то, чего мы хотим, но оно нас заинтересовало, и чем дольше мы на него смотрим, тем соблазнительнее оно кажется.

Если мы связаны с инстинктивной самостью, с душой женственности, естественной и дикой, то, вместо того чтобы рассматривать выставленное на показ, мы говорим себе: "Чего я жажду?" Не глядя на внешние приметы, мы устремляем взгляд внутрь и спрашиваем: "К чему у меня лежит душа? Что мне нужно сейчас?" Или можно спросить: "К чему меня тянет? Чего я желаю? По чему томлюсь?" Обычно ответ приходит быстро: "Пожалуй, я хочу… Мне пойдет на пользу немного того или этого… Ага, вот то, что мне действительно нужно!"

Есть ли это на шведском столе? Может, да, а может, и нет. Чаще всего – нет. Нам придется поискать – немного, а иногда и довольно долго. Но в конце концов мы это найдем и будем рады, что предприняли поиски того, чего так жаждала наша душа.

Умение различать, которому учится Василиса, отделяя маковые семена от грязи и свежее зерно от гнилого, – один из самых сложных навыков, ибо он требует духа, воли и душевности,

[26] Блинчики с острой мясной начинкой.

а это обычно означает необходимость добиваться того, чего хочешь. Нигде это не проявляется так отчетливо, как при выборе супругов и любовников. Любимого не выберешь, как на шведском столе. Его нужно выбирать по зову души. Выбирая то, от чего слюнки текут, никогда не утолишь голод души-Самости. Вот для чего нам нужна интуиция, эта прямая вестница души.

Поясню более подробно. Если вам представилась возможность купить велосипед или поехать в Египет и увидеть пирамиды, стоит немного помедлить, заглянуть в себя и спросить: "Чего я жажду? К чему меня тянет? Может быть, я жажду иметь не велосипед, а мотоцикл. Может, я жажду поехать в гости к бабушке, которая все больше старится". Решение не обязательно должно быть таким важным. Иногда нужно взвесить, к чему нас больше тянет: прогуляться или сложить стихотворение. Замысел, даже мимолетный или заурядный, стоит согласовать с инстинктивной самостью, прибегнув к одному или нескольким доступным вам аспектам, символами которых выступают кукла, старуха Баба Яга и пылающий череп.

Еще один способ укрепить связь с интуицией – не позволять никому подавлять вашу жизненную энергию, то есть ваши взгляды, ваши мысли, ваши идеи, ваши ценности, ваши нравственные устои, ваши идеалы. В мире очень мало вещей, которые можно определить как "верные – неверные" или "хорошие – плохие". Однако есть вещи полезные и бесполезные. Есть такие, которые порой бывают разрушительными, но есть и созидательные. Есть поступки хорошо продуманные и осуществленные, а есть и противоположные. Но все вы прекрасно знаете: чтобы подготовить огород к весне, осенью его нужно перекопать. Он не может плодоносить без перерыва. Пусть же подъемы и спуски в вашей жизни зависят от ваших собственных врожденных циклов, а не от внешних сил и посторонних людей, или отягощающих внутренних комплексов.

Есть некие постоянные энтропии и образования, являющиеся частью наших внутренних циклов. Наша задача – синхронизироваться с ними. Вместо того чтобы быть жертвами ритма Жизни-Смерти-Жизни, мы изучаем его, как изучают ритм сердца, желудочки которого наполняются, опустошаются и снова наполняются. Он похож на ритм вращающейся скакалки. Этот ритм уже существует. Вы стоите, покачиваясь взад-вперед, пока не проникнетесь им. А потом – прыг! Вот как это делается. Наша задача ничуть не труднее.

К тому же интуиция предоставляет вам выбор. Если работает связь с инстинктивной самостью, то у вас всегда есть как минимум четыре варианта: "за" и "против", нечто среднее и материал для дальнейшего размышления. Если же не полагаться на интуицию, то можно решить, что у вас единственный выход, к тому же весьма незавидный. Возможно, вам покажется, что его необходимо выстрадать. И смириться. И заставить себя. Нет, есть куда лучший выход: быть чуткой к внутреннему слуху, внутреннему видению, внутреннему бытию. Внимайте им, они знают, что делать дальше.

Одна из самых замечательных особенностей использования интуиции, инстинктивной природы, состоит в том, что она приносит способность к стихийным и безошибочным прорывам. "Стихийный" не значит "неразумный". Это не манера действовать с налета, не думая о последствиях. Надежные границы по-прежнему важны. К примеру, Шехерезада прекрасно чувствовала границы. Она умело использовала свой ум, доставляя удовольствие и в то же время заставляя себя ценить. Быть самой собой – не значит быть безрассудной. Это значит слушать La voz mitologica, Мифологический Голос. А для этого нужно на время отключить эго и предоставить слово тому, кто хочет говорить.

В повседневной реальности все мы имеем возможность общаться с маленькими дикими матерями во плоти. Есть такие женщины – стоит их увидеть, как что-то в нас вздрагивает и говорит: "Ма-ма". Один взгляд, и вы думаете: "Я ее потомок, ее дитя. Она моя мать, моя бабушка". Если же это un hombre con pechos – так называемые "мужчины с грудями", – вы можете подумать: "Это мой дедушка!" или "Брат мой, друг мой!". Вы знаете: эта женщина – ваш источник питания (парадоксально, но эти люди бывают очень мужественными и одновременно

очень женственными. В них есть что-то от феи-крестной, от наставницы, от матери, которой у вас никогда не было или которая была очень недолго, – вот что это такое, un hombre con pechos) [31].

Всех этих женщин можно назвать маленькими дикими матерями. Обычно у каждой из вас есть хотя бы одна такая. Если повезет, в жизни можно встретить и нескольких. Как правило, вы встречаете их уже будучи взрослыми, самое раннее – на пороге юности. Они в корне отличаются от слишком добрых матерей. Маленькие дикие матери руководят вами и страшно гордятся вашими достижениями. Они вскрывают заторы и ошибочные взгляды в вашей творческой, эмоциональной, духовной и интеллектуальной жизни и вокруг нее.

Их цель – помогать вам, лелеять ваши умения, связывать вас с дикими инстинктами, выявлять ваши врожденные лучшие качества. Они направляют возрождение интуитивной жизни. Они радуются, когда вы встречаетесь с куколкой, гордятся, когда вы находите Бабу Ягу, и ликуют, когда видят, что вы возвращаетесь, неся перед собой пылающий череп.

Мы уже убедились, что оставаться слишком кроткой глупышкой опасно. Но, быть может, вы все еще сомневаетесь, быть может, вы думаете: "Господи, да кто же захочет быть такой, как Василиса?" Вы захотите, уверяю вас. Вы захотите быть такой, как она, сделать то, что сделала она, и пройти по ее следам, ибо это путь, который позволит вам сохранить и развить свою душу. Дикая женщина – отважная женщина; она сама создает и сама разрушает. Это первобытная изобретательная душа, благодаря которой осуществляются все творческие достижения и свершения. Она создает вокруг нас лес, и мы начинаем взаимодействовать с жизнью, исходя из этой новой и первозданной перспективы.

Итак, заканчивая обновляющую инициацию женской души, мы видим юную женщину, обладающую солидным опытом, научившуюся следовать тому, что она знает. Выполнив все задания, она прошла полное посвящение. Корона принадлежит ей. Возможно, познать интуицию – самая легкая из задач, но сохранить ее в сознании и позволить жить тому, что может жить, и умереть тому, что должно умереть, – задача куда более трудная и в то же время такая благодатная!

Баба Яга – то же самое, что и Мать Нике, мать мира, еще одна богиня Жизни-Смерти-Жизни. Но богиня Жизни-Смерти-Жизни – это всегда еще и богиня-создательница. Она создает, лепит, вдыхает жизнь; она приходит, чтобы принять душу, когда дыхание иссякает. Идя за ней по следам, мы учимся позволять рождаться тому, что должно родиться, независимо от того, присутствуют ли при этом все нужные люди. Природа не спрашивает разрешения. Цветите и приносите плоды, когда вам захочется. Когда мы становимся взрослыми, нам уже не нужно просить разрешения – нужно больше рождать, гораздо больше поощрять свои дикие циклы, обладать гораздо более первозданным видением.

Тема окончания сказки – умение позволять умереть. Василиса – прилежная ученица. Разве она начинает биться и пронзительно кричать, когда череп сжигает злодеек? Ничуть не бывало. Умирает то, что должно умереть.

Как человек приходит к такому решению? Он просто знает. La Que Sabe – знает. Чтобы спросить у нее совета, загляните в себя. Она Мать Веков. Ее ничем не удивишь. Она видела все. Для большинства женщин решение позволить умереть не противоречит их природе – оно противоречит их воспитанию. Но это можно изменить. В los ovarios все мы знаем, когда время жить, а когда умирать. Бывает, что по разным причинам мы пытаемся себя обмануть, но все равно знаем.

Это открывается светом пылающего черепа.

Глава 4
ПАРА: СОЮЗ С ДРУГИМ

Гимн Первозданному Мужчине: Манауи

Если женщины хотят, чтобы мужчины их узнали, узнали по-настоящему, то им следует поделиться с мужчинами своим сокровенным знанием. Некоторые женщины говорят, что устали, что и так затратили на это слишком много сил. Смею предположить, что они пытались учить мужчин, которые не желают учиться. Большинство мужчин хотят знать, хотят учиться. Если мужчина проявляет такую готовность, значит, пришло время открыть правду – и не просто пришло время, а еще и другая душа просит об этом. Вы сами это увидите. Вот кое-что из того, что значительно облегчает мужчине понимание, позволяет ему пойти женщине навстречу: это язык, наш язык.

В мифе, как и в жизни, нет сомнений, что Первозданный Мужчина ищет свою скрытую под землей невесту. В кельтских сказаниях есть знаменитые пары Диких Богов, неразрывно связанные любовью. Чаще всего они живут под озерами и являются защитниками подземного мира и его обитателей. Из вавилонского мифа кедровобедрая Инанна [27] взывает к своему возлюбленному, Бычьему Плугу: «Приди, накрой меня своей дикостью!» Даже в наше время на Среднем Востоке говорят: это мать и отец Бога ворочаются на пружинной кровати, производя раскаты грома.

И женщина-дикарка никого не любит так, как мужчину, который ей под стать. Но снова и снова, наверное с начала времен, те, кто становятся ее супругами, не вполне уверены, что понимают ее истинную природу. Чего на самом деле хочет женщина? Это древний вопрос, загадка для души, предмет которой – та дикая и таинственная природа, которой обладает каждая женщина. Хотя ведьма из Чосеровской "Женщины из Бата" каркнула, что ответ на этот вопрос состоит в том, что женщина хочет быть хозяйкой своей жизни – и это истинная правда, – однако есть и другая, столь же непреложная истина, которая тоже служит ответом на этот вопрос.

Перед вами сказка, дающая ответ на извечный вопрос об истинной природе женщины. Тот, кто в совершенстве усвоит методы и средства, изложенные в этой сказке, навеки станет первозданной женщине возлюбленным и супругом. Давным-давно мисс В. Б. Вашингтон подарила мне эту маленькую афро-американскую сказку, которую я дополнила, превратив в историю, которую помещаю здесь под названием "Манауи".

МАНАУИ

Жил-был человек, который посватался к двум сестрам-близнецам. Но их отец сказал: «Ты не сможешь взять их в жены, пока не угадаешь, как их зовут». Манауи гадал и гадал, но никак не мог угадать имена сестер. Отец девушек каждый раз качал головой и отсылал Манауи прочь.

Однажды, отправившись угадывать в очередной раз, Манауи захватил с собой своего песика, и тот заметил, что одна из сестер красивее, а другая милее. И хотя ни одна из девушек не была верхом совершенства, песику они очень понравились, потому что угощали его и улыбались, глядя ему в глаза.

---

[27] Инанна – героиня шумерского мифа; в вавилонской мифологии ей соответствует Иштар.

Манауи снова не сумел угадать имена девушек и поплелся домой. А песик вернулся к хижине, где жили сестры. Он притаился у боковой стены и навострил уши. Девушки, хихикая, обсуждали красоту и мужественный вид Манауи и при этом называли друг друга по имени. Услыхав это, песик со всех ног помчался к хозяину, чтобы все ему рассказать. Но по пути он почуял запах кости с остатками мяса, которую лев бросил рядом с тропинкой, и, не долго думая, кинулся за ней в кусты. Песик долго лизал и грыз кость, пока она не потеряла весь свой запах. И тут он вдруг вспомнил про неотложное дело, но, к несчастью, имена девушек выскочили у него из головы.

Тогда он снова бросился к хижине двойняшек. Уже наступила ночь, и девушки умащали друг друга маслом, будто готовились к празднику. И снова песик услыхал, как они называли друг друга по имени. От восторга он высоко подпрыгнул и помчался по тропинке к хижине Манауи – но тут из кустов донесся запах свежего мускатного ореха.

А надо сказать, что песик любил мускатный орех больше всего на свете. Поэтому он быстро свернул с тропинки и помчался туда, где на бревне остывал дивный пирог с фруктовой начинкой. Скоро от пирога ничего не осталось, а у песика из пасти разливалось благоухание мускатного ореха. Труся домой с раздувшимся брюшком, он попытался вспомнить имена девушек, но увы! – он опять их забыл.

Тогда песик снова бросился к хижине сестер. На этот раз они готовились к свадьбе. "Только не это, – подумал песик, – ведь времени почти не осталось!" И как только девушки назвали друг друга по имени, он запомнил их имена крепко-накрепко и помчался назад, твердо и непреклонно решив, что на этот раз ничто не помешает ему сообщить Манауи два драгоценных слова.

На тропинке песик заметил чью-то свежую добычу, но без колебаний перепрыгнул через нее и побежал дальше. Потом ему показалось, что в воздухе запахло мускатным орехом, но он и ухом не повел и продолжал нестись к дому хозяина. Но песик никак не мог предполагать, что из кустов вдруг выскочит страшный незнакомец, схватит его за шею и начнет его трясти, да так, что чуть хвост не отвалился.

Но случилось именно это, и незнакомец все время повторял: "Назови мне их имена! Скажи, как зовут девушек, чтобы я смог на них жениться!"

Песик боялся потерять сознание – так крепко обидчик держал его за шею, – но продолжал храбро сражаться. Он рычал, царапался, извивался и наконец ухитрился укусить великана между пальцами, а зубы у него были острые, как иголки. Незнакомец взревел, как буйвол, но песик только крепче сжал зубы. Он метнулся в кусты, но песик висел у него на руке.

– Отпусти меня, песик, – взмолился незнакомец, – тогда я тебя тоже отпущу!

А песик прорычал сквозь зубы:

– Только не возвращайся, а то больше не видать тебе белого света! Незнакомец бросился напролом через кусты, стеная и держась за укушенную руку, а песик, прихрамывая, заковылял по тропинке к Манауи.

Хотя мордочка у него была в крови и челюсти ныли, он отчетливо помнил имена девушек и радостно бросился навстречу Манауи. Тот бережно промыл раны своего маленького друга, а песик рассказал ему обо всем, что случилось, и назвал имена сестер. Манауи поспешил в деревню, где жили девушки; песик сидел у него на плече, и уши его развевались, как два конских хвоста.

Когда Манауи пришел к отцу девушек и назвал ему имена его дочерей, те были полностью одеты и готовы отправиться в путь вместе с ним: ведь все это время они только его и ждали. Вот как Манауи заполучил двух самых красивых девушек из этих мест. И все четверо – сестры, Манауи и песик – прожили в мире и согласии долгие годы.

Крик-крак-кря – вот и сказка вся.

Крик-крак-крец – сказочке конец [1].

Двойная природа женщины

В народных сказках, как и в сновидениях, содержание можно понимать субъективно, так что все символы изображают аспекты одной человеческой души, а можно и объективно, в их связи с обстоятельствами и взаимоотношениями внешнего мира. В данном случае давайте рассмотрим сказку о Манауи скорее с точки зрения отношений между женщиной и ее избранником, имея в виду, что обычно «как снаружи, так и внутри».

Эта сказка раскрывает древний женский секрет: чтобы завоевать сердце дикой женщины, мужчина должен до конца постичь ее природную двойственность. Двух девушек из сказки можно трактовать этнологически, как будущих невест, что характерно для общества, где принят полигамный брак, но если взглянуть на эту историю с архетипической точки зрения, то она расскажет о тайне двух могучих женских сил, живущих в одной женщине.

В сказке о Манауи есть все факты, необходимые для того, чтобы приблизиться к первозданной женщине. С помощью верного песика Манауи угадывает два имени, две природы женского начала. Он не может победить, не отгадав загадку. И, чтобы сделать это, он вынужден прибегнуть к помощи своей инстинктивной самости, которую олицетворяет песик.

Любой, кто живет рядом с женщиной, по существу, находится в присутствии двух женщин, внешней и внутренней; последнюю мы называем criatura. Одна живет в мире яви; проникнуть в мир другой женщины не так легко. Внешняя женщина живет на белом свете, она всем видна. Она часто бывает прагматична, воспитана в духе общества и очень человечна. Криатура же выходит на поверхность, лишь проделав длинный путь; часто бывает так, что она внезапно появится – и так же быстро исчезнет, но всегда оставляет у нас ощущение, что мы были свидетелями чего-то удивительного, первозданного и мудрого.

Понимание такой двойной природы женщины нередко заставляет мужчин, а иногда и самих женщин, зажмуриться и просить помощи у неба. Парадокс двойной женской природы заключается в том, что, когда дело касается чувств, одна сторона бывает более прохладной, а другая более горячей. Когда в отношениях одна сторона проявляет большую пылкость и томность, другая холодна, как лед. Часто одна сторона бывает более счастливой и податливой, а другая требует сама не знает чего. Одна может быть солнечной, другая сладостно-горькой и тоскующей. Эти "две женщины в одной" – отдельные и в то же время неразрывно связанные элементы, образующие в душе тысячи различных сочетаний.

Сила Двоих

Если каждая сторона женской природы представляет собой отдельную сущность со своими функциями и способностью различать, то они должны, как и мозг и его corpus callosurn, [28] знать друг о друге или общаться между собой и таким образом функционировать как единое целое. Если женщина скрывает одну из своих сторон или слишком благоволит другой, ее жизнь становится заметно однобокой, и это не позволяет ей использовать всю свою силу. В этом нет ничего хорошего – необходимо развивать обе стороны.

Рассматривая символ близнецов, можно многое узнать об этой силе Двоих. Во всем мире с древних времен близнецов считали обладателями сверхъестественных способностей. В некоторых культурах существует целая наука, которая посвящена способам уравновешивания при-

[28] «Мозолистое тело» (лат.).

роды близнецов, поскольку их считают двумя существами с одной общей душой. Даже после смерти близнецов кормят, разговаривают с ними, приносят им подарки и жертвы.

В разных африканских и карибских общинах есть поверье, что символ сестер-близнецов является носителем джуджу, мистической энергии души. Поэтому считается, что близнецы должны быть окружены неусыпной заботой, чтобы на всю общину не пал злой рок. Одна из предосторожностей, диктуемых религией гаитянских колдунов, требует, чтобы близнецам давали одинаковые, точно отмеренные порции пищи, – это поможет окончательно усмирить всякую зависть между ними, а главное, не допустить гибели одного из них, поскольку, если один из близнецов умрет, уйдет и другой, а с ними исчезнет и та особая душевная атмосфера, которую они сообщают окружению.

Женщина тоже обладает огромной силой, если два аспекта ее души сознательно учитывают и воспринимают как единое целое, стремятся держать вместе, а не порознь. Власть Двоих очень сильна, и ни одной из сторон этой пары нельзя пренебрегать. Их нужно кормить одинаково, ибо в совокупности они даруют человеку необыкновенную мощь.

Как-то на Среднем Юге от старого американца африканского происхождения я услышала одну историю. Он шел по аллее, а я сидела посреди граффити, оставленных в городском парке. Кто-то назвал бы его психом, потому что он разговаривал со всеми и ни с кем. Он ковылял, вытянув вперед палец, будто желая узнать направление ветра. Cuentistas знают, что на таком человеке лежит печать богов. В нашей традиции его назвали бы El bulto, Котомка, потому что такие души несут в себе некое содержимое, показывая его каждому, кто захочет увидеть, каждому, у кого есть глаза, чтобы увидеть, и здравый смысл, чтобы сохранить.

Этот на редкость дружелюбный El bulto подарил мне такую историю, посвященную родовому обычаю. Он назвал ее "Раз палка, два палка". "Это обычай древних африканских царей", – шепнул он.

Перед смертью старик собирает своих близких. Каждому из многочисленных потомков, жен и родственников он дает короткую крепкую палку.

– Сломайте палку, – велит он им.

Приложив усилие, каждый переламывает палку пополам.

– Вот как бывает, когда душа одна-одинешенька и у нее никого нет. Ее легко сломать.

Потом старик дает каждому еще по одной палке и говорит: – А вот так я хотел бы, чтобы вы жили, когда меня не станет. Сложите свои палки вместе по две, по три. Ну-ка, попробуйте теперь сломать их пополам! Никому не удается сломать палки, когда они сложены по две и по три.

– Мы сильны, когда рядом кто-то есть. Если мы вместе, нас не сломать. Точно так же, если обе стороны двойной природы держать в сознании бок о бок, они обладают колоссальной силой, их не сломать. Такова природа душевной двойственности, парности, двух аспектов женской личности. Отдельно взятая более цивилизованная самость прекрасна – но довольно одинока. Отдельно взятая дикая самость тоже прекрасна, но жаждет общения с себе подобными. Утрата психологических, эмоциональных и духовных сил происходит в том случае, если женщина разделяет эти две природы и делает вид, что одна их них больше не существует.

Эту притчу можно понимать и как рассказ не только о женской двойственности, но и о мужской. У мужчины по имени Манауи своя двойная природа: человеческая и инстинктивная, которую олицетворяет собака. Одной человеческой природы, даже самой милой и любящей, недостаточно, чтобы сватовство закончилось победой. Именно собака, символ инстинктивной природы, способна подобраться к женщинам и, благодаря своему острому слуху, уловить их имена. Именно собака учится преодолевать внешние соблазны и хранить самые важные знания. Именно собака Манауи обладает острым слухом и цепкостью, инстинктом рыть под стенами и откапывать, находить и приносить ценные сведения.

В других сказках мужские силы могут выступать носителями энергий, присущих Синей Бороде или коварному Братцу Лису, и, прибегая к ним, пытаться уничтожить двойную природу женщины. Такие женихи не терпят двойственности и ищут совершенство, одну истину, одну застывшую, неизменную femi-nina substancia, женскую сущность, воплощенную в одной совершенной женщине! Если встретите такого человека, бегите прочь со всех ног. Лучше иметь возлюбленного вроде Манауи – и снаружи, и внутри. Он гораздо лучший жених, потому что безоглядно предан идее Двоих. А сила Двоих проявляется как одно нераздельное существо.

Поэтому Манауи хочет коснуться этого вездесущего и в то же время таинственного сочетания души и жизни в женщине и имеет на это полное право. Сам он – мужчина-дикарь, дитя природы, а потому ему по вкусу женщина-дикарка, она рождает в нем отклик.

В обобщенном племени мужских фигур, которое обитает в женской душе, – Юнг называет его анимус – есть и некое подобие Манауи: это подход, который ищет и утверждает женскую двойственность, считая ее ценной, желанной и достойной внимания, а не дьявольской, безобразной и достойной презрения [2]. Образ Манауи, внутренний или внешний, олицетворяет неопытного, но исполненного веры влюбленного, чье главное желание – назвать по имени и понять таинственную и божественную двойню, скрытую в женской природе.

Сила имени

Наименование силы, существа, человека или вещи – дело многозначное. В тех культурах, где имена тщательно выбирают, учитывая их магический или благоприятный смысл, узнать подлинное имя человека – значит узнать его жизненный путь и качества души. А причина, по которой подлинное имя часто держат в тайне, – это стремление защитить владельца имени, дать ему возможность дорасти до силы имени, защитить его; тогда уже никто не сможет это имя очернить или умалить, и духовная сила человека разовьется в полной мере.

В волшебных и народных сказках имени присущи кое-какие дополнительные аспекты; они проявляются и в сказке о Манауи. Хотя в некоторых сказках враждебная сила пытается выведать имя героя, чтобы одержать над ним верх, чаще всего поиск имени направлен на то, чтобы вызвать силу или человека, привлечь их к себе и завязать с ними отношения.

Именно это происходит в сказке о Манауи. Он мечется туда и обратно, туда и обратно, искренне пытаясь привлечь к себе силу Двоих. Он стремится назвать их не затем, чтобы захватить их силу, а затем, чтобы обрести свою, равную их силе. Узнать имена – значит получить и хранить осознанное понимание двойной природы. Как ни старайся, а не узнав имен, глубоких отношений не завяжешь, даже насильно.

Вначале отгадать имена двойной природы бывает одинаково трудно и женщинам, и мужчинам. Впрочем, особенно переживать из-за этого не стоит. Если мы заинтересованы в том, чтобы узнать имена, значит, мы уже на верном пути.

И все-таки, каковы же имена двух символических сестер в женской душе? Разумеется, у каждого человека есть свои наименования для этих пар, но, как правило, они выражают лежащее в их основе противоречие. Как и многое другое в мире природы, они поначалу могут показаться столь многообразными, что в них трудно заметить систему или повторяемость. Но если внимательно присматриваться к двойной природе, обращаться к ней с вопросами и выслушивать их, то скоро вам откроется, что в ней все же есть система. Да, она обширна, но обладает и постоянством, как набегающие и убегающие волны; ее приливы и отливы можно предсказать, а глубинные течения нанести на карту.

Кстати, об угадывании имен: произносить имя человека – значит каждый раз выражать пожелание или благословлять. Мы именуем эти обитающие в нас двойные темпераменты,

чтобы связать узами брака эго и дух. На человеческом языке такое поименование и заключение брака называют любовью к себе. Если же это происходит между двумя людьми, то называется любовью к другому.

Манауи все гадает, гадает и никак не может отгадать имена близнецов, опираясь только на свою рациональную природу. И тогда ему на помощь приходит собака, символ интуиции. Женщину часто привлекает партнер, обладающий настойчивостью и умом, которые заставляют его снова и снова пытаться понять ее сокровенную природу. Найдя такого мужчину, она на всю жизнь отдаст ему свою любовь и верность.

В сказке отец сестер-близнецов играет роль охранителя мистической пары. Он олицетворяет подлинное внутреннее качество психики, обеспечивающее целостность вещей, следящее за тем, чтобы они "держались вместе", а не разъединялись. Это он проверяет, достоин ли соискатель, подходит ли он. Хорошо, если у женщины есть такой страж.

По этому поводу можно сказать, что здоровая психика испытывает новые элементы, когда они обращаются к ней с просьбой о присоединении, что такая психика обладает целостностью и способностью защитить себя. Здоровая психика, имеющая по-отечески заботливого стража, не станет просто так впускать любую старую мысль, любой старый подход, любого знакомого человека, а откроет доступ только тому, что разумно или стремится стать таковым.

Отец сестер-близнецов говорит: "Не спеши. Ты не получишь моих дочерей, пока не убедишь меня в том, что искренне хочешь узнать их истинную суть – подлинные имена". Он имеет в виду, что понимание женских тайн не придет само, по первому желанию. Сначала придется потрудиться, приложить немало усилий. Придется идти наощупь, постепенно приближаясь к истинной разгадке этой тайны женской души, этой задачи, которая одновременно является и загадкой, и открытием.

Цепкая собачья природа

В этой сказке песик наглядно демонстрирует нам, как работает психическая цепкость. Собаки – волшебники Вселенной. Одним своим присутствием они преображают брюзгливого человека в улыбчивого, развеивают печаль. Они способствуют общению. Как в древнем вавилонском эпосе о Гильгамеше слишком рационального царя Гильгамеша уравновешивает Энкиду, заросший шерстью человек-зверь, так здесь собака целиком воплощает в себе одну из сторон двойственной человеческой природы. Это природа лесов, существо, которое умеет чуять след, определяет предметы по запаху.

Песику нравятся сестры, потому что они кормят его и улыбаются ему. Мистическая женственность легко понимает и охотно принимает инстинктивную природу собаки. Кроме всего прочего, собаки олицетворяют того (или ту), кто любит верно и от всей души, кто легко прощает, кто умеет бегать без устали, а если нужно, то и сражаться насмерть. Собачья природа [3] дает конкретные ключи к тому, как мужчине завоевать сердца сестер-близнецов… и женщины-дикарки; и главный ключ здесь – "возвращаться опять и опять".

В очередной раз не сумев угадать имена девушек, Манауи плетется домой. А песик мчится назад, к хижине, где живут девушки, и подслушивает до тех пор, пока не услышит их имена. В мире архетипов собачья природа – и психопомп – проводник душ из верхнего мира в сумеречный, и хтоническое существо, обитатель тех темных или дальних окраин души, которые издревле называют подземным миром. Именно такую чуткость должен развить в себе мужчина, стремясь понять двойственную природу женщины.

Собака сродни волку, только она более цивилизована, хотя и не намного, как мы увидим по ходу сказки. В качестве психопомпа песик олицетворяет инстинктивную душу. Он видит и

слышит иначе, чем человек. Он добирается до уровней, недоступных эго. Он слышит слова и советы, недоступные слуху эго. И поступает в соответствии с ними.

Однажды в Сан-Франциско, в музее естествознания, я побывала в камере, оснащенной микрофонами и воспроизводящими устройствами, которые имитировали собачий слух. Шелест пальмовых листьев на ветру звучал как Армагеддон. Звук приближающихся шагов создавал впечатление, что прямо у меня в ухе кто-то топчет миллионы мешков с кукурузными хлопьями. Собачий мир наполнен постоянной симфонией оглушительных звуков – звуков, которых мы, люди, совершенно не улавливаем. Зато песик улавливает.

Собака слышит звуки диапазона, превышающего возможности человеческого слуха. Этот аспект – посредник инстинктивной души – интуитивно улавливает сокровенную работу, сокровенную музыку, сокровенные тайны женской души. Именно эта природа способна постичь дикую природу женщины.

Коварная тяга к удовольствиям

Не случайно мужчины и женщины, стремясь обнаружить глубинные стороны своей природы, отвлекаются по ряду причин – главным образом, на всевозможные соблазны. У некоторых развивается столь сильная тяга к удовольствиям, что они навеки погрязают в них и никогда не доводят поиск до конца.

Песика тоже поначалу отвлекают страсти. Ведь страсти – это нередко милые маленькие forajidos, воришки, норовящие украсть у вас время и либидо. Юнг подчеркивал, что человеческие страсти необходимо как-то умерять. Иначе, как вы уже видели, придется делать остановку, учуяв каждую кость на дороге, каждый пирог на бревне.

Искатели, стремящиеся узнать имена составляющих двойственной природы, могут, как и песик, утратить решимость и, поддавшись соблазну, сойти с тропы. Это особенно вероятно, если сами они – существа дикие или изголодавшиеся. Они тоже могут утратить память о том, к чему стремятся. Их может соблазнить/атаковать некий аспект собственной бессознательной природы, стремящийся подчинить себе женщину, чтобы ее эксплуатировать, или соблазнить женщину для собственного удовольствия либо чтобы утолить охотничий голод.

Возвращаясь к хозяину, песик отвлекается на аппетитную кость и, поддавшись искушению, забывает имена девушек. Этот эпизод олицетворяет явление, очень характерное для глубинной душевной деятельности: страсти отвлекают нас от главной задачи. Не проходит и месяца, чтобы кто-то из пациентов не пожаловался: "Понимаете, я отвлекаюсь от глубинной работы, потому что так сексуально возбуждаюсь, что приходится остывать целую неделю" или "…потому что я решила, что на этой неделе самое время пересадить все пятьсот комнатных растений", или "…потому что я начала семь новых творческих проектов, угробила на них массу времени, а потом решила, что все они никуда не годятся, и забросила их".

Вы видите – косточка на дороге поджидает каждого из нас. Она так благоухает, что собака просто не может пройти мимо. В худшем случае это прочная зависимость, которая очень дорого нам обходится. Но даже если время от времени мы терпим неудачу, необходимо пытаться снова и снова, пока мы не сможем пройти мимо и заняться главным делом.

Процесс глубинной работы имеет много общего с сексуальным возбуждением: начинается с нулевой точки, нарастает, образуя несколько плато, набирает силу и устойчивость. Если резко прервать его на стадии плато (представьте себе внезапный громкий шум), придется начинать все снова. В работе с архетипическим слоем психики присутствует похожее напряжение, сопутствующее возбуждению. Если это напряжение нарушить, придется начинать почти с нуля. Итак, на дороге полно костей – мясных, соблазнительных, необычайно притягательных костей.

Но почему-то они увлекают нас в беспамятство, заставляют забыть не только о том, что мы заняты делом, но и с чего мы начали это дело.

Коран мудро напоминает, что нас призовут к ответу за все дозволенные радости, которыми мы не насладились в земной жизни. Тем не менее избыток или даже самая малость удовольствия в неудачное время может обернуться крупной потерей осознанности. И тогда, вместо того чтобы получить внезапное откровение, мы бродим, как рассеянный ученый, бормоча: "Где же это я побывал?" А на то, чтобы оправиться от такой рассеянности, уходят недели, а порой и месяцы.

В сказке песик возвращается к хижине сестер, снова слышит их имена и опять убегает. Собачьему племени присущ верный инстинкт: делать новые и новые попытки. Вот только… по пути песика поджидает ароматный пирог – он отвлекается и снова забывает имена. На этот раз его одолел другой аспект страсти и снова помешал ему выполнить задачу. Теперь его желудок полон, но душевный труд так и не завершен.

Мы начинаем понимать, что такой процесс сохранения осознанности и, особенно, умение не поддаваться отвлекающим страстям, когда мы пытаемся установить душевную связь, – процесс длительный и многотрудный. Мы видим, что хитрый песик бьется изо всех сил. Но от глубинного архетипического бессознательного до сознательного ума – долгий путь: долгий путь вглубь, к именам, и долгий путь обратно, к поверхности. Трудно удержать в уме знание, когда на пути подстерегают соблазны.

Пирог и кость олицетворяют отвлекающие приманки, которые сами по себе восхитительны, – иными словами, это то лукавое, обманчивое и влекущее, что присутствует в душе каждого человека. Это элементы, противостоящие сознанию, их дело – таиться во тьме, волнуя и маня. Порой бывает трудно напомнить себе, что мы стремимся к совсем другой приманке – к свету.

В этой сказке носителем света выступает собака: именно она пытается установить сознательную связь с загадочной двойной природой. Что-то постоянно старается этого не допустить – это "что-то" невидимо, но, скорее всего, именно оно разбрасывает кости и подкладывает пироги. Сомнений нет, это таинственный незнакомец, еще один вариант природного хищника души, противника сознания. По вине этого противника, естественно обитающего в душе каждого человека, даже самой здравой душе грозит опасность заблудиться. Помните истинную задачу, твердите ее как мантру – это поможет вам сохранить осознанность.

Как стать свирепым

Песик снова узнает имена девушек и мчится к хозяину. Он не обращает внимания ни на лакомство на дороге, ни на соблазнительные ароматы из кустов. Мы становимся свидетелями развития сознания души. Инстинктивная душа учится обуздывать себя, устанавливать приоритеты и сосредоточиваться. Она отказывается реагировать на отвлекающие факторы. Она настойчиво стремится к цели.

И тут, откуда ни возьмись, выскакивает зловещий незнакомец. Он трясет песика и кричит: "Назови мне их имена! Скажи, как зовут девушек, чтобы я смог на них жениться!" Незнакомцу нет никакого дела до двойственности тончайших элементов души. Для него женственность – вещь, которой стоит обладать, и не больше.

Воплощением этого незнакомца может стать реальный человек, присутствующий во внешнем мире, или вредный внутренний комплекс – не важно, что именно, поскольку губительные последствия будут одинаковы. На этот раз песик вступает в отчаянную борьбу. Во внешней жизни это бывает и с мужчинами, и с женщинами: внезапно выскакивает какая-то случайность, оговорка, странность, и старается заставить нас забыть, кто мы есть. В душе все-

гда таится нечто такое, что пытается отнять у нас имена. И во внешнем мире любителей красть имена тоже немало.

В сказке песик бьется не на жизнь, а на смерть. Иногда мы можем научиться опираться на глубинное знание только потому, что откуда-то выскакивает зловещий незнакомец. И тогда нам приходится бороться за то, что нам дорого; за то, чтобы серьезно относиться к тому, что для нас действительно важно; за то, чтобы перерасти поверхностные духовные мотивы, которые Роберт Блай называет "желанием оторваться от земли" [4]; за то, чтобы опираться на глубинное знание; за то, чтобы завершить начатое.

Песик борется за то, чтобы сохранить имена, и в ходе сражения побеждает свою склонность забывать их. Выиграв схватку, он, как это ни удивительно, не забывает имена, а ведь причиной битвы было именно это – понимание дикой женской природы. Тот, кто ею владеет, обладает силой, равной силе женщины. Песик бился за то, чтобы отдать эту силу достойному, Манауи. Он бился, чтобы уберечь эту силу от того аспекта древней человеческой природы, который склонен ею злоупотреблять. Отдать эту силу в верные руки так же важно, как узнать имена.

Отважный песик сообщает имена Манауи, и тот называет их отцу девушек. Девушки уже готовы уйти с Манауи. Все это время они ожидали, чтобы он открыл и сохранил осознанное понимание их врожденной природы.

Итак, мы видим, что два фактора, мешающие развиваться в этом направлении, – это соблазны, которые нас отвлекают, и зловещий незнакомец, которым может быть затаившийся в душе внутренний угнетатель либо какой-то человек или ситуация во внешнем мире. Так или иначе, каждый путник знает, как одолеть этих воров и грабителей. Храните имена: имена – это все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.